текст

Анна Вяземски

Горстка людей

Роман
об утраченной России

Горстка людей
Анна Вяземски

Аннотация
Анна Вяземски. ГОРСТКА ЛЮДЕЙ. Роман об утраченной России

Аннотация

Действие книги современной французской писательницы Анны Вяземски происходит в русской помещичьей усадьбе в 1916–1917 годах. Герои романа оказываются в гуще революционных событий, которые приносят разрушение и смерть и заставляют их уехать из родной страны. На русском языке публикуется впервые.

Анна Вяземски
ГОРСТКА ЛЮДЕЙ
Роман об утраченной России

Моему брату Пьеру

ANNE WIAZEMSKY

UNE POIGNÉE DE GENS

GALLIMARD

Анна Вяземски

ГОРСТКА ЛЮДЕЙ

Роман

Перевод с французского
Нины Хотинской

МОСКВА «ТЕКСТ» 2001

От Василия Васильева (Москва)
Мари Белгородски (Париж)
10 февраля 1994

Мадам,

Простите великодушно, что пишу Вам, хотя мы с Вами никогда не были представлены друг другу и незнакомы.

Я являюсь дальним родственником и другом Вашей двоюродной бабушки Наталии Белгородской, скончавшейся в Америке восемь лет назад. Вы о ней наверняка слышали. Она была женой князя Владимира Белгородского, зверски убитого в своем поместье Байгора 15 августа 1917 года. Этот замечательный во всех отношениях человек приходился, как Вам известно, старшим братом Вашему деду Мише.

Еще в самом начале своей болезни Ваша двоюродная бабушка Наталия отдала мне на хранение дневник (мы в России называем такого рода записки «Книга судеб»), который вел ее муж в 1916-м и 1917 году. Из него можно многое узнать о быте русского поместья и о приходе большевизма. Он представляет большую ценность как человеческий и исторический документ, и мне бы хотелось, чтобы Вы его прочли. То, что он уцелел, само по себе чудо! Женщина по имени

Паша, служившая в Вашей семье, сберегла его и затем отдала Вашей двоюродной бабушке Наталии перед тем, как она покинула страну вместе с Вашим дедом и его семьей. Пересечь всю Россию, охваченную Гражданской войной, и добраться до Крыма — это же настоящий подвиг!

Наталия Белгородская была очень привязана к Вашим деду и бабке, которые много ей помогали после гибели мужа. Она также была крестной матерью Пети, Вашего отца. С его женой, француженкой, и с Вами ей так и не довелось встретиться. Думаю, она жалела об этом. Но, не правда ли, такова общая участь многих эмигрантских семей, рассеянных по всему свету?

Я буду проездом в Париже 11–12 марта и был бы счастлив встретиться с Вами и рассказать подробнее о «Книге судеб». Если на то будет Ваше желание, Вы сможете позвонить мне в гостиницу «Пантеон», где я собираюсь остановиться.

С искренним уважением,
Василий Васильев

Вот такое письмо я получила неделю назад, и, хоть убейте, все эти родственные дела для меня полная абракадабра. Мне ничего не говорят имена отправителя Василия Васильева, моей якобы двоюродной бабушки Наталии и ее мужа

Владимира. Только название Байгора я, кажется, смутно помню.

Тем не менее это письмо адресовано мне и никому другому.

Меня зовут Мари Белгородски, мне сорок лет, я француженка. Русская фамилия досталась мне от отца, он родился в Петербурге в июне 1916 года. О нем и его семье я почти ничего не знаю. Они эмигрировали из России в 1919-м, полагая, подобно многим, что коммунистический режим долго не продержится, что красных прогонят и они вернутся домой. «Кто бы мог подумать, что мы покидаем родину навсегда» — от скольких эмигрантов можно было услышать эти слова!

Мои дед и бабка, мой отец Петя и его сестра Елена получили французское гражданство незадолго до Второй мировой войны. Означает ли это, что они потеряли надежду когда-нибудь возвратиться на родную землю? Наверно. Мне жаль, что они не дожили до падения Берлинской стены и не увидели того, что за ним последовало, — конца коммунистического режима. Еще мне жаль, что я так мало знала их. Дед и бабушка умерли, когда мне не было и десяти лет, а отец — когда мне исполнилось пятнадцать. Боль этой утраты была так велика, что я постаралась забыть его, иначе я

не смогла бы жить дальше.

Сегодня я понимаю, что точно так же поступил в свое время он сам, чтобы выжить. Решив стать гражданином Франции, он поставил крест не только на стране, где родился, но и на ее традициях, и на памяти о ней, строго-настрого запретив себе всякую ностальгию. Взрослая жизнь, которую предстояло строить, была для него важнее пусть богатого, пусть романтичного, но прошлого. Он смотрел вперед, а не назад. И умер слишком рано, не дожив до того возраста, когда человек неизбежно ощущает потребность оглянуться на свое прошлое и, если возможно, кому-то передать то, что от него уцелело.

Его сестра, его двоюродные братья и сестры могли бы тогда принять эту, так сказать, эстафету. Но не получилось. Они жили кто в Испании, кто в Америке, кто в Англии, тоже получив иностранное гражданство.

Когда я была маленькой, родные иногда собирались все вместе. Мне они казались очень веселыми и полными сил. Разговаривали на нескольких языках сразу. В те редкие вечера в их обществе отец как-то вдруг преображался и с удовольствием говорил о летних днях в Байгоре, замерзших каналах Петрограда, морских

купаниях в Ялте. Имена и названия будоражили мою фантазию. Не так, правда, как рассказы тети Елены. Больше всего я любила слушать про льва.

Если верить тете, моя бабушка Ксения бежала из России с двумя детьми и со своим любимцем — львом. Она захватила с собой немного драгоценностей и совсем мало вещей, потому что времени на сборы не было. Зато взяла льва. Лев был, конечно, ручной, однако имел привычку бросаться на кого вздумается, и его за это не наказывали. Увы, того, что сходило с рук в царской России, не потерпели в парижском предместье, где нашла приют моя бабушка. Мэру поступила жалоба от соседей, и он пожаловал лично, чтобы разобраться. Лев прыгнул на него — и тем решил свою участь. Невзирая на слезы и мольбы изгнанников, его расстреляли из карабина. Печальный конец русского льва.

Сознательное молчание отца, с одной стороны, байки тети Елены, с другой — откуда мне было взять хоть крупицу правды? Отец считал, что воспитывать детей должны женщины. Обещал подключиться, когда я повзрослею. К сожалению, его не стало раньше. Чему бы он научил меня? Думаю, открыл бы передо мной горизонт и сказал: смелее, вперед.

Так я и поступила. Моя собственная жизнь занимала меня куда больше, чем прошлое двух ветвей моей семьи — французской и уцелевшей русской. Я спешила взрослеть и с облегчением рассталась с детством, мне не терпелось узнать новых людей, увидеть новые края. Реализовать себя в своей работе — только это казалось мне по-настоящему важным.

Потом прошли годы. Время от времени кто-то, случалось, удивлялся моему равнодушию. Как я могу не интересоваться своим славным родом? Забыть, что мой отец был князем? Неужели мне не хочется узнать Россию, священную землю моих предков? Отсутствие ностальгии воспринималось в лучшем случае как поза, в худшем — как недалекость и невежество. Действительно, я никогда не склонна была умиляться, листая семейные альбомы, как и вспоминать о болезни отца и его смерти в сорок шесть лет. Выражение «искать свои корни» меня безумно раздражало. Нет, создать их самой, на своей почве — вот чего я хотела. Пусть моими корнями станет моя работа.

Иногда, редко-редко, мне все же случалось оглядываться на то, что было далеко, очень далеко позади.

Однажды кто-то из друзей принес мне книгу Арагона под названием «Ура Урал!». В одном стихотворении автор проклинал «лютого поручика Белгородского» и призывал на его голову и на всех его потомков кару небесную. Тетя Елена рассказывала мне, как дед, отправив семью за границу, ушел в Белую армию, как он «до последнего солдата, до последнего вздоха» бился с красными. Стало быть, мой дед и его потомки прокляты Арагоном — это мне ужасно понравилось!

В другой раз я надела свой девичий перстенек; он и сейчас у меня на руке, и я люблю на него смотреть, но не потому что это мое русское наследство — просто он красивый.

Потом умерла тетя Елена; мы с ней так и не успели восстановить родственные отношения.

Когда мне было двадцать лет, она не одобрила мою самостоятельность и нежелание признавать эти самые корни. Я отдалилась от нее без сожаления, она ответила тем же. Но у нее не было детей, и поэтому два альбома с фотографиями она оставила мне. Странно, но я не сразу их открыла. Боялась напоминания о том забытом мире и запоздалого прилива сентиментальности, которая была мне ни к чему. Со временем я все же решилась.

Я перелистывала страницу за страницей, и передо мной возникали люди, дома, сады, рассказывая историю, о которой я не знала ничего, не знала даже действующих лиц. Разумеется, там были отец и его сестра в детстве, их родители — мне странно было видеть их такими молодыми и красивыми. Но люди вокруг них были мне по большей части совершенно незнакомы. Их имена, старательно и с почтением выведенные рукой тети Елены, тоже ничего не говорили. Как и места, где они были сняты, — особняк в Петрограде, поместье под названием Байгора, усадьба в Ялте, в Крыму.

Но меня ожидал сюрприз, да еще какой.

На ялтинских фотографиях, как и на тех, что были сделаны уже на борту английского корабля, на котором отплыли мои родственники, а затем на Мальте, в Лондоне и, наконец, в Париже, дед занимал свое законное место в кругу семьи. А как же его героические подвиги в Белой армии? Я ведь помнила рассказы тети Елены. Но никаких сомнений быть не могло: он эмигрировал тогда же, когда и его семья, — в апреле 1919 года. Значит, «лютый поручик Белгородский», проклятый Арагоном, — вовсе не он!

И я убрала альбомы. Эта канувшая, мельком

увиденная жизнь слишком походила на роман, и мне она была ни к чему. Может быть, покажи мне тетя Елена альбомы при жизни, я расспросила бы ее. Может быть? Да наверняка. Но она умерла, и не стало последнего очевидца.

И вот сегодня, в 1994 году, в моей жизни откуда ни возьмись появляется человек, представляющийся другом и родственником какой-то двоюродной бабки, о которой я ничего не знаю! Он упоминает убийство, о котором никто никогда мне не рассказывал. Он, похоже, много знает о моей родне. Но кто поручится, что убиенный двоюродный дед — не такой же плод фантазии, как и несчастный лев тети Елены? Судя по письму, этот человек в Париже и завтра уезжает. Он ждет моего звонка. А я не знаю, стоит ли звонить.

Мужчина, который встает, когда я вхожу в холл скромной гостиницы возле Пантеона, высок ростом и грузен. Тяжелое драповое пальто делает его еще массивнее, в руке он комкает меховую шапку. Идет ко мне, опираясь на палку, потертый кожаный портфельчик зажат под мышкой. На вид ему лет семьдесят — семьдесят пять, и он так отвечает нашему представлению о русских, что узнать его не составляет труда. Он протягивает мне руку:

— Мари Белгородски, я угадал? Я Василий Васильев. Спасибо, что согласились прийти к незнакомому старику, почти калеке! — Он показывает на свою левую ногу. — Я каждый день радуюсь концу коммунистического режима! Но всякие перемены неизбежно влекут за собой беспорядки. Мои соотечественники дорвались — покупают машины, а водят абы как! Вот один такой меня и сшиб. Вы не представляете, до чего опасно стало переходить улицы в Москве! Слава Богу, у нас много подземных переходов… Как-нибудь продержимся, пока это быдло научится водить!

Его французский безупречен, он даже не раскатывает «р». Как старую знакомую, он берет меня под руку, и вот мы поспешаем на рысях к маленькому бару. Заметил ли он, как я напряглась от его фамильярности? Я уже спрашиваю себя, с какой стати я мартовским вечером 1994 года оказалась здесь с этим незнакомым человеком. Хорошо еще, что сообразила предупредить его по телефону: я могу уделить ему только полчаса. Он это помнит.

— Жаль, что у вас деловой обед, мне было бы очень приятно пригласить вас куда-нибудь. Не будем же терять драгоценного времени. Шам-

панского?

Не дожидаясь ответа, он заказывает сонному и чем-то недовольному официанту два бокала. Кроме нас троих, в мрачноватом гостиничном баре никого нет. На часах девятнадцать тридцать. Ровно в восемь я откланяюсь.

Нам приносят бокалы.

— И оливки, чипсы, соленые крекеры! — требует мой гостеприимный русский. — О, французское шампанское! Выпьем за нашу встречу, Мари! А теперь скажите мне, что вы хотите узнать, чего от меня ждете?

От изумления я чуть не выронила бокал. Единственный ответ, который просится на язык, — «ничего». Но мне удается промычать что-то вроде «не знаю» и более внятно: «Это ведь вы мне написали».

— Ну конечно. Если я хоть что-то знал о вашем существовании от вашей двоюродной бабушки Наталии Белгородской, то вы обо мне ничего знать не могли. Мне следовало первым делом представиться.

И он начинает важно и официально — только глаза лукаво поблескивают:

— Я историк и до недавнего времени — еще два года назад — преподавал историю в Московском

университете. Ныне, будучи на пенсии, я могу всецело посвятить себя тому, что интересует меня более всего, моему хобби, как говорят англичане: это самое начало Гражданской войны в России, в частности 1916-й и 1917 годы. Как я вам писал, я был очень дружен с княгиней Наталией Белгородской, которая дала мне прочесть дневник вашего двоюродного деда. Его зверское убийство было первым в длинной череде и потому вошло в историю. Что было дальше, вы знаете. Ленин возвращается в октябре, чтобы поднять вооруженное восстание. В ночь на двадцать пятое крейсер «Аврора» направляет свои орудия на Зимний дворец, резиденцию Временного правительства во главе с Керенским, и дает залп, послуживший сигналом к штурму дворца…

О нет, этот человек, сидящий напротив меня, конечно, очень любезен, но неужели он собирается читать мне лекцию о русской революции? Испуг, верно, написан у меня на лице: голос его смягчается. Он смотрит на меня добрыми глазами.

— Извините меня, — говорит он. — Я увлекся, это ведь моя страсть. Вам вряд ли все это интересно.

— Я, как и все, знаю о русской революции в

общих чертах, — сухо отвечаю я. И добавляю не намного любезнее: — А вот людей, о которых вы мне рассказываете, я не знаю.

Он ошеломлен. Повисает молчание. Парочка американских туристов усаживается за соседний столик и заказывает пиво. На часах девятнадцать сорок.

— Неужели ни отец, ни дед с бабушкой не рассказывали вам об Адичке и Наталии Белгородских? О Байгоре? Об убийстве, совершенном там пятнадцатого августа тысяча девятьсот семнадцатого года?

— Нет.

Я чувствую, что ему трудно мне поверить. У меня нет ни малейшего желания распространяться о себе, оправдывать или объяснять свою неосведомленность в этой области. Чем делился или не делился со мной отец — его не касается.

— Почему вы написали мне?

— Вот-вот, почему? Ваша двоюродная бабушка Наталия Белгородская одобряла мои изыскания, касающиеся начала Гражданской войны. Узнав, что болезнь ее неизлечима, она отдала мне дневник своего мужа Владимира, которого все называли детским именем: Адичка. Она больше не выходила замуж, так что детей у нее не было.

Поэтому она завещала все, что имела, детям и внукам своих сестер. За исключением «Книги судеб» — ее она оставила мне. Более того, из дружеского расположения ко мне она позволила опубликовать ее, включив в мой труд. Что я и сделаю, как только закончу собирать необходимые сведения. А я сказал вам, что в августе надеюсь съездить в Байгору? Возможно, что-то уцелело от этого поместья, великолепного образца всего самого современного, самого передового, чем могла похвастать в те годы Россия… Мы знаем, что поместье было разграблено и разрушено. Но до какой степени? Байгора находится в средней полосе России, часах в восьми — десяти езды от Москвы…

С видом заговорщика он наклоняется ко мне.

— Там пятнадцатого августа тысяча девятьсот семнадцатого года был убит ваш двоюродный дед. Кем — точно неизвестно. Мятежными солдатами? Взбунтовавшимися крестьянами? Желая прояснить эту историю, я написал заведующим архивами окрестных городов Воринки, Волосова и Сорокинска, запросил вырезки из газет того времени, полицейские протоколы. Мне только что прислали копию одного из них. Это чудовищно! Его просто растерзали! Хотите, я вам переведу? Но

нет, сначала вам лучше прочесть «Книгу судеб».

— Я сорок лет прожила, не зная о существовании этих людей, они ничего для меня не значат.

— И очень жаль за вас, право, жаль. Дорогая Наталия была замечательной женщиной. Она прекрасно знала ваших деда и бабушку, Мишу и Ксению, вашего отца и его сестру Елену. Они вместе покинули Россию, но потом расстались. Она уехала в Америку, ваши — во Францию, другие родственники — в Германию и Швейцарию. Но Наталия до самого конца поддерживала связь с вашим дедом и его семьей. Я видел их фотографии у нее, фотографии той счастливой поры в Байгоре… А знаете, что Наталия была великой пианисткой? Сонаты Бетховена в ее исполнении — это потрясающе! В Америке их сейчас снова начинают выпускать на дисках. Также и Второй концерт Рахманинова и пятый «Египетский» концерт Сен-Санса в ее исполнении! Вот это сила, скажу я вам! Возможно, скоро выйдет полное собрание ее творчества.

Тараторя без умолку и не давая мне вставить ни единого слова, он достал из своего старенького кожаного портфеля тонкую бумажную папку, на которой крупными буквами написано: «Книга судеб». Вот он кладет ее на стол, между крошками

от чипсов и косточками от оливок.

— Это вам. Перевод мой. Я собираюсь вставить «Книгу судеб» в мой труд. Мне показалось правильным, чтобы у вас был оригинальный текст. Такую же копию я послал вашим американским кузенам. И потом, Наталия очень любила своего деверя Мишу, вашего деда. Она была бы довольна, что я отдал копию дневника его французской внучке.

С непонятным мне волнением я беру в руки бумажную папку.

— Я отменю свой обед. Расскажите мне о них еще.

От церкви остались только стены да купол. Она в одночасье выгорела дотла, но тот пожар уже стал далеким воспоминанием. Грабежи вместе с затяжными дождями и паводками довершили разорение. В усыпальнице, где поднялась вода, плавали два гроба. А вокруг церкви, насколько хватал глаз, оледеневшая равнина простиралась пустынным лунным пейзажем. Стаи больших, тощих, оголодавших ворон кружили в небе с громким карканьем. Если и жили здесь когда-то люди, то теперь и следа их пребывания не осталось на земле. Как будто вовсе никогда не было России на карте мира.

Наталии показалось, что она кричала во сне — от этого и проснулась. Она досадливо поморщилась. Вот еще, подумаешь, дурной сон!

Луна смотрела прямо в распахнутые окна, освещая комнату, в которой Наталия спала сегодня впервые. Она различала очертания мебели, картин, зеркал; статуэтку — бюст девушки из севрского фарфора, — которую Адичка, а если точнее, князь Владимир Белгородский, подарил ей, «потому что она на нее похожа». Послезавтра он женится на ней. Ему пошел тридцать второй год, ей едва исполнилось восемнадцать. Многие сочли бы, что это брак по расчету, — отнюдь; то был брак по любви. Иначе почему она так легко согласилась покинуть столицу, уехать так далеко от родных, от друзей и поселиться в этих местах, казавшихся ей краем света?

Наталия встала. Она еще привыкнет к этому огромному поместью. Еще почувствует вкус к разведению рысаков, к швейцарским коровам — «лучшим во всей России». Будет заниматься школой, больницей, которую построил на своих землях Адичкин дед и которая своим оснащением не уступала лучшим московским.

Теплый, напоенный ароматами глициний и жимолости воздух поманил ее к окну. Перед нею

простирались к западу лужайки и огороды с теплицами; парк и заливные луга; нивы, засеянные пшеницей и овсом, и, наконец, вдали, на горизонте, — полоска леса. Одна ли она бодрствует нынче ночью? Одна ли наслаждается этим покоем? Она подумала о сотнях крестьян в огромном имении Белгородских; о своей будущей родне, занимавшей почти все спальни в усадьбе; о матери и четырех братцах и сестрицах, которых поместили в соседней комнате. Все спали.

Однако ночь жила своей жизнью, и Наталия слышала ее. Сотни жаб и лягушек с упоением пробовали голоса и распевали так весело, так забавно, что она рассмеялась, стоя у окна. Порой к их пению присоединялась одинокая мелодичная трель, умилявшая ее до слез: это соловей, свивший гнездо на ближайшей липе, пел для нее. В такие минуты Наталии казалось, будто она чувствует неуловимое днем дыхание поместья. И она знала, что никогда не забудет эту теплую майскую ночь 1916 года в Байгоре.

На ночном столике с фотографии в рамке чеканного серебра доверчиво и серьезно смотрел на нее Адичка Белгородский. Без улыбки застыл он перед объективом, отведя назад плечи, самую малость чопорный. Больше всего пленяли Ната-

лию его глаза, живые и проницательные на диво. Эти глаза в свое время сразу покорили ее. Достойна ли она Адички Белгородского? Достаточно ли хороша, умна для него? Ее собственное лицо в зеркале лишь усилило ее тревогу. Странный контраст четкого рисунка носа, скул и подбородка с томной мягкостью глаз и рта не нравился Наталии. «С характером лицо», — отзывались о нем родные. И тут же принимались расхваливать ее каштановые волосы, необычайно густые и длинные, о которых всегда говорили так: «Это лучшее, что у нее есть».

— Велосипеды? В самом деле?

Наталия настаивала. Разъезжать по аллеям парка на велосипедах — на ее взгляд, это было забавно, современно и по-французски. Адичка внимательно слушал ее.

— Французские, — уточнила Наталия. — «Пежо».

— Я понял.

Он знал, какое большое значение имеет для нее все, что исходит из Франции. Даже свое имя она офранцузила. Адичка не сразу к этому привык. Но со временем для него стало совершенно естественным называть ее Натали, а не Наташей — раз ей так хочется. Теперь он и это находил оча-

ровательным, а вовсе не манерным, как считала его сестра Ольга. Он показал Наталии лошадей, которых тренировали на лужайке. Назвал породу каждой, сказал, к каким состязаниям их готовят. Скромность не позволяла ему распространяться об их исключительных достоинствах, но Наталия и так поняла: лошади Байгоры — одни из лучших в мире. Он обратил ее внимание на одну, стоявшую чуть в стороне от всех.

— Это Ока, чистокровный орловский рысак… Он выиграл русское дерби два года назад. А теперь отдыхает.

Они стояли рядышком, облокотясь на ограду. Адичка говорил с расстановкой, он старался все объяснить понятно, не прибегая к профессиональному жаргону коневодов. Наталия молча слушала. Ей нравился его голос, ласковый и степенный. Нравилось, что он столько всего знает и охотно ей обо всем рассказывает. Подле него она станет лучше, умнее. Адичка к тридцати одному году, казалось, прожил уже не одну жизнь.

Блестяще закончив юридический факультет Петербургского университета, он быстро пошел в гору и стал личным секретарем самого Петра Столыпина. Убийство премьер-министра глубоко потрясло его. Вскоре после этого не стало отца

Адички, и ему пришлось взять бразды правления поместьем в свои руки. Его избрали председателем земского собрания. С начала войны с Германией он возглавлял также комитет по мобилизации — должность нелегкая, непопулярная и опасная в эти смутные времена.

Боясь наскучить Наталии разговором о лошадях, Адичка увел ее в сторону церкви, где назавтра им предстояло обвенчаться. Он шел рядом с ней, подлаживаясь под ее шаг и останавливаясь, когда она задерживалась перед очередным деревом, желая узнать, как оно называется.

— А это? Тоже тополь?

— Это же дуб! На краю луга, ближе к дому, вы увидите еще один, огромный, очень старый, всеми здесь почитаемый. Его ствол даже двоим не обхватить!

Адичка увидел, что она улыбается уголками губ.

— Вы смеетесь надо мной? — догадался он.

Улыбка Наталии стала шире.

— Да, а вы как думали? Уж дуб от тополя я отличить могу! Однако же у вас слишком много разных деревьев. Я и не знала, что их столько на свете. Мне никогда все не запомнить.

Адичка готов был благодарить ее за это. Среди

обычных здешних лип, вязов, буков, тополей, каштанов, берез, сосен и елей он посадил кипарисы, ливанские кедры, лиственницы, даже пальмы и эвкалипты. Не говоря уже о всевозможных африканских деревцах и кустарниках, росших в тепле оранжерей, за которыми он сам ухаживал едва ли не так же ревностно, как и старший садовник. Так что, посетовав на чрезмерное разнообразие деревьев, Наталия сделала ему самый лучший комплимент.

— Фруктовые деревья понравятся вам больше, они сейчас цветут.

— Вся степь в цвету! Мы видели из окна поезда! Вся земля, куда ни глянь, в розовом и белом!

Наталия вспомнила о своей поездке по железной дороге из Петрограда в Волосово. Два дня пути в роскошном личном вагоне Белгородских вместе с матерью, четырьмя младшими братьями и сестрами, гувернантками и горничными. Ее отца, остальных родственников и друзей ждали сегодня к вечеру. Их разместят во флигелях и у соседей.

Адичке и Наталии то и дело встречались на пути крестьяне, всю жизнь работавшие в Байгоре. Адичка считал своим долгом представлять их будущей супруге. Он знал о каждом все: имя,

чем занимается, семейное положение. А иногда пояснял вполголоса: «Никудышный работник. Идеальная добыча для большевиков»; «Ее муж и два сына пропали без вести в конце лета тысяча девятьсот пятнадцатого года. Может быть, они попали в немецкий плен, как миллион наших… А скорее всего, погибли. Бедная женщина!»; «Вернейший из верных. Если бы не его мужество и присутствие духа, не знаю, как бы удалось подавить волнения в пятом году».

— Сестренки сказали мне, что у вас есть лани. Где же они? — перебила его Наталия.

Адичка решил, что упоминания о войне и всяких смутах ей неприятны. И поклялся себе как можно реже заговаривать о тяжелом положении России, о тысячах убитых, пленных, раненых. Почти все мужчины были мобилизованы и сражались на разных фронтах. Только благодаря своей свадьбе Адичка смог увидеться с братьями Игорем и Мишей, с друзьями, университетскими товарищами, кузенами. Молодые люди, от восемнадцати до тридцати лет, — всех их скосит война… Молодые люди, готовые умереть за родину, но видевшие по ночам во сне мирную Россию. Порой в их письмах прорывалось отчаяние.

Ладонь Наталии на короткий миг легла на руку

Адички.

— У вас такое печальное лицо… Вам скучно со мной? Да, наверно, вам скучно!

Вид у нее вдруг стал встревоженный. До того, что Адичке показалось, будто она снова дразнит его. Но он ошибся: Наталия была искренна.

— Это я боюсь наскучить вам, дорогая Наташа…

— Натали.

— …дорогая Натали… боюсь оказаться слишком старым мужем для вас. Вам следовало бы выбрать моего младшего брата.

Тревога была забыта. Наталия рассмеялась весело и звонко.

— Мишу? Но ведь Миша женат на Ксении! Как странно! Вы — старший, а женитесь последним! Вы сейчас скажете, что ждали меня… Нет, не надо, не говорите, я, кажется, догадываюсь… Пример окружающих заставляет вас опасаться брачных уз!

Она понизила голос; Адичка, несколько сбитый с толку, ждал, что она скажет дальше. Наталия продолжала с видом заговорщицы:

— Я слышала, что Миша изменяет Ксении, а у вашего второго брата Игоря с Екатериной дело всерьез идет к разрыву. Зато хоть бы одна сплет-

ня о вашей сестре Ольге! Она счастлива со своим Леонидом? У них четверо детей, почти погодки… Но это ведь ничего не значит, правда?

Она говорила быстро, запальчиво, и он не пытался прервать ее. Как, однако, запросто прошлась она по личной жизни его братьев и сестры — его это шокировало. У Белгородских, как и во многих семьях, о некоторых вещах было не принято говорить вслух. Похождения младшего брата — да, он был наслышан о них. Но Миша просто еще не перебесился, это молодость в нем бурлила. Вообще-то он очень привязан к своей жене Ксении. Вот брак Игоря с Екатериной внушал больше беспокойства. Его, можно сказать, женили насильно. Адичка как старший чувствовал себя ответственным за всё и за всех, и порой это тяготило его.

Но теперь с ним была Наталия, и он даже не особенно вслушивался в слова, так приятен ему был сам звук ее голоса и сладкий, фруктовый запах, исходивший от ее густых каштановых, почти рыжих на солнце волос. Она пробудила в нем любовь, и это чувство окрылило его. Ему хотелось благодарить ее, целовать ей руки снова и снова. «Ты — самое дорогое, что у меня есть на свете», — подумал он, твердо зная, что посвятит

ей отныне всю свою жизнь.

Наталия, должно быть, почувствовала силу его любви, и тон ее изменился. Голос стал почти умоляющим; это был голос маленькой девочки, которую Адичка еще помнил: давно ли он впервые увидел ее на детском празднике!

— Мы не будем сразу заводить детей, правда? Я нянчила четырех братьев и сестер. Теперь мне хочется долгих-долгих каникул.

— Все будет, как вы пожелаете.

В окружении елей, на зеленой лужайке, расцвеченной ландышами и незабудками, был построен загон. Хрупкие, грациозные лани одна за другой выходили из тени. Некоторые были совсем ручные, они узнавали Адичку и тыкались влажными мордочками в его протянутую ладонь. Другие держались поодаль, косясь на молодую пару задумчивыми глазами.

Тяжелые пряди волос сыпались на паркет, на стоявшие поблизости кресла. Одна завершила свой полет в камине, еще одна — на пороге. Наталия, трепещущая и напряженная, как струна, застыла посреди гостиной с портновскими ножницами в руке. Причитания Ксении и Екатерины, ее будущих невесток, позабавили ее ненадолго, но скоро надоели.

— Да замолчите же! — прикрикнула она на них. — Точно стая диких гусей!

Кроткая Ксения послушалась ее сразу. Она пыталась собрать рассыпанные пряди, не зная, куда их девать. Ксения была беременна на восьмом месяце, она с трудом нагибалась и быстро выбилась из сил. Смелость Наталии ошеломила ее. Эта нелепая выходка была выше ее понимания. Она даже не смогла бы сказать, была ли Наталия сердита, и если да, то почему; было ли ее решение остричь волосы заранее обдуманным или пришло внезапно.

Иное дело Екатерина. Она находила, что эта сцена театральна, устроена напоказ и отдает дурным вкусом. Наталия своим поступком нарушила приличия, отринула правила хорошего тона, с которыми обязаны считаться молодые девушки. Слыханное ли дело — взять и остричься! Как это грубо, как вызывающе! Наталия словно бы нанесла оскорбление лично ей, Екатерине, и через нее — вообще всему женскому полу. Ее негодование выдавало множество красных пятен, рдевших уже не только на лице, но и на шее и плечах. Это было ее кошмаром: чуть что — красные пятна. Она была уверена, что все смеются за ее спиной. А Ольга — та однажды заявила ей

прямо в глаза: «Дорогая, ты, конечно, можешь похвастать самой тонкой талией и самыми красивыми зелеными глазами во всем Петрограде, но и по части нервов тебе равных нет. Попудрись и не заставляй нас лицезреть твои растрепанные чувства». Тогда не прошло и месяца с ее свадьбы с Игорем Белгородским. Два года минуло с тех пор, но Екатерина по-прежнему чувствовала себя чужой в семье мужа.

— Зачем ты это сделала, Наташа? — вопрошала Ксения тонким, жалобным голоском: это была ее обычная манера разговаривать.

— Натали.

— Натали! Наташа! Ты ведешь себя глупо, дорогая! — горячилась Екатерина.

Две молодые женщины стояли возле Наталии, которая подошла к камину и, глядя в венецианское зеркало, пыталась причесать короткие пряди. Ее азарт прошел. Она с тревогой всматривалась в свое новое лицо, не узнавая его. Лицо стало шире и в то же время как-то тоньше и было ни на что и ни на кого не похоже. Разве что, пожалуй, на ее четырехлетнего братишку.

— Ну и чего ты добилась? Волосы — это же лучшее, что у тебя было! — фыркнула Екатерина.

— Все тебе завидовали, — добавила Ксения.

— Вот еще, в ней ничего нет такого, чтобы я ей завидовала! Ничего!

Побледневшие было красные пятна зардели ярче прежнего.

Суматоха, поднятая молодыми женщинами, почему-то успокоила Наталию. Не обращая внимания на их стрекотню, она зачесала остриженные волосы назад и забавлялась перед зеркалом, изображая из себя мальчишку.

— Браво, дорогая, браво!

В ярком свете проема застекленной двери показался силуэт Ольги. Входя в комнату, она подобрала на пороге прядь волос. Ей было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что произошло.

Ольга, миловидная двадцатишестилетняя женщина, была натурой властной, что неудивительно: ведь она росла в Байгоре с тремя братьями. Их вместе воспитывали, и Ольга не отставала от мальчиков ни в науках, ни в искусстве, ни в спорте. «Я научилась ездить верхом, когда мне было два года. А через пять лет уже вовсю охотилась с собаками», — любила она вспоминать.

Несколько лет назад Ольга уехала в Петроград на медицинские курсы, познакомилась там с графом Леонидом Воронским и вышла за него

замуж. У них родилось четверо детей. Но когда началась война с Германией, Ольга опять стала работать медицинской сестрой. В настоящее время она мастерски управлялась в двух больницах — сорокинской и деревенской, построенной их семьей в окрестностях Байгоры.

— Эти волосы, которые ты так безжалостно остригла, были твоим главным козырем, моя дорогая.

— Вот именно!

— И ты доказала, что можешь без него обойтись! Нам следует поучиться у тебя независимости!

Ольгина ироничная манера изъясняться была свойственна всем Белгородским. У них это было фамильной чертой — иронизировать над всеми и вся. Что-то вроде защиты от жизненных трудностей: не относиться к себе чересчур серьезно и ни в коем случае себя не жалеть.

Наталии хотелось ответить колкостью, так сказать, скрестить клинки с будущей золовкой. Она даже кусала губы от досады. Вот бы дать ей отпор, заставить опустить глаза, хоть немного сбить с нее спесь! Уже совсем скоро Наталия будет считаться ровней Ольге. Но пока она всего лишь младшая.

— Ничего, волосы быстро отрастут, — вступи-

лась Ксения.

— Может быть, и быстро, но к свадьбе не успеют.

Ольга подошла к Наталии и окинула ее критическим взглядом. Ей было не до обсуждения девичьих причуд — она решала, что делать.

— У нас здесь есть прелестный чепец из старинных кружев. Пришьем к нему фату — вот и все. Под венцом будет выглядеть прекрасно, никто не придерется. Тебе очень пойдет, детка. Очень современно и очень по-французски!

Стук копыт донесся до гостиной, сперва далекий, потом все ближе, отчетливее. Вскоре зашуршал песок под копытами, послышался веселый смех Адички и его младшего брата Миши. Подоспевшие слуги подхватили под уздцы лошадей.

Радуясь случаю улизнуть от Ольгиных шпилек, Наталия выбежала на крыльцо.

Удивленные возгласы встретили ее появление. Братья смотрели на девушку с безжалостно остриженными волосами, не понимая — то ли это шутка, новая игра, то ли что-то стряслось. Наталия кружилась на месте и встряхивала головой, притворяясь, что ей все нипочем, хотя на самом деле это было далеко не так.

— Зачем вы это сделали, Натали? — дивился Миша. — С длинными волосами вы были такая хорошенькая!

Испугавшись, что и Адичка вслед за братом станет упрекать ее, Наталия поспешно отпарировала:

— Если хорошенькая женщина не боится изуродовать себя, значит, она красива!

На ее счастье, к ним уже семенила, выставив вперед свой круглый живот, Ксения. «Миша, Миша, Миша!» — звала она. Миша раскинул руки, обнял ее и приподнял.

— Женушка моя, тяжеленькая моя, сладкая моя женушка!

Ксения все еще держала в руке прядь волос. Он взял у нее эту прядь и восхищенно присвистнул. Потом спрятал ее во внутренний карман куртки.

— Я положу ее в мой медальон. — Испугавшись, что брату это не понравится, он добавил: — Это будет мой талисман, когда я вернусь на фронт. Ты только не ревнуй!

— Я вовсе не ревную. Я сделаю то же самое. Вы не против, Натали? Вы согласны оберегать нас?

У девушки пропало желание рисоваться и бравировать. Она смотрела на братьев, ожидавших ее ответа. Как они были похожи в эту минуту!

Только Миша блондин, а Адичка брюнет. Но одни и те же голубые, красивого разреза глаза, одна и та же выправка. Наталия улыбнулась им в ответ:

— Я готова оберегать вас из медальона.

Только что отобедали. Служанки под присмотром дворецкого заканчивали убирать со стола. Они то и дело заливались смехом, от любого пустяка и просто так, возбужденные наступающими сумерками, ароматом цветов и предстоящей женитьбой барина. Люди Адички любили его и желали ему счастья. Но они привыкли служить холостяку с самыми непритязательными вкусами, которому легко было угодить, к тому же он часто и подолгу отсутствовал. Как-то поведет себя новая барыня? Ее молодость и короткая стрижка многих озадачили. Люди не знали, чего от нее ждать, — то ли дело Ольга, которая до этих пор была за хозяйку дома.

Большие застекленные двери серо-желтой гостиной были распахнуты настежь. Родные жениха и невесты и их гости расположились кто в доме, кто на террасе.

Две гувернантки — француженка и англичанка — сзывали детей, чтобы отправить их в постель. Самые маленькие уже засыпали, а те, что постарше, играли в войну; верховодила стар-

шая дочка Ольги и Леонида, Даша, которую на французский манер все звали Дафной. Благодаря своему возрасту — семь лет — она пользовалась непререкаемым авторитетом, распределяла роли, выбирала себе адъютантов, исключала из игры всякого, кто мешкал исполнить ее приказ. Даже сестренки Наталии, хоть и были постарше, не смели ее ослушаться. Они лежали на траве, старательно изображая «немецкие и японские войска, наголову разбитые великой Россией».

— Пленных убивать! Никого не оставлять в живых! — командовала Дафна.

Дети стреляли из воображаемых винтовок.

— Саблями убивать, саблями!

Все повалились в кучу-малу.

Игорь Белгородский наблюдал за игрой с интересом, но не без горечи. Он думал о своих убитых на фронте друзьях, об отце, погибшем в самом начале войны с Японией. На коленях Игорь держал своего единственного ребенка, двухлетнего сынишку, которого он обожал. Малыш, радуясь, что отец с ним, терся щечками о шершавое сукно военного мундира, играл с блестящими пуговицами и тихонько что-то лепетал. Порой, осмелев, он дергал отца за ухо или за усы.

Игорь позволял ему все, он был счастлив. По-

том, когда мальчик уснет, у него еще будет время подумать о своих заботах и невзгодах.

Тогда снова подступят мысли о войне, оторвавшей его от семьи, от ненаглядного сына. И об углублявшейся день ото дня трещине в отношениях с женой.

Екатерине никогда не нравилось в деревне. Почему-то именно ее кусали комары и осы, она одна обгорала на солнце. Она жаловалась на жару, боялась сквозняков и сырости, поднимавшейся ночами от пруда. На самом же деле Екатерина просто терпеть не могла Байгору; ей хорошо было только дома в Петрограде и в подмосковном имении ее родителей. В Байгоре она становилась нервной, вспыльчивой, а страдал от этого Игорь.

— Не мучай себя, сынок.

Перед ним стояла Мария, его мать, спокойная и ласковая, как всегда. С тех пор как Мария овдовела, она носила скромный, не бросающийся в глаза траур. Так она хранила память о муже. Но никогда не жаловалась и не роптала на судьбу. Всю свою любовь она отдавала трем сыновьям и дочери, понимая, что ее дети давно стали взрослыми и уважая в каждом личность. Если она и боялась за них, то никогда им об этом не говорила.

Ее рука легко коснулась лба Игоря. Он узнал

сухую теплую ладонь, слабый запах мелиссы. Ему не надо было даже поднимать глаз: он помнил наизусть каждую черточку красивого лица матери, его все еще четкий овал, тяжелые каштановые волосы, уложенные в высокую прическу, которую с трудом удерживали большие черепаховые гребни. Игорю хотелось сказать матери, как сильно он ее любит и как тоскует о счастливой поре своего детства, о беззаботных годах в Байгоре, о студенческой жизни в Петрограде. Но можно ли двадцатисемилетнему офицеру царской армии признаться даже родной матери, что быть взрослым ему не по душе?

Наталия и пяти минут не могла усидеть на месте. Она то присаживалась к белому роялю, поднимала крышку и опускала вновь, кружилась на вертящемся табурете, то вскакивала, напевая первые такты шопеновского вальса, то принималась лихорадочно листать ноты. Адичка сидел поодаль, читая поэтический альманах. Когда они только познакомились, он пытался привить Наталии свою любовь к поэзии. К Пушкину, само собой, но любил он и новых поэтов, современников — молодых Блока, Есенина, прекрасную Анну Ахматову. Однако девушка ответила ему, что только романы — предпочтительно фран-

цузские — волнуют ее и увлекают. И он твердо решил больше не докучать ей дорогой его сердцу русской поэзией. Зато ее страсть к игре на фортепьяно обрадовала его еще при первой встрече. Сам он неплохо играл на скрипке. Адичка уже мечтал о счастливых вечерах, когда они с женой, оставшись в Байгоре одни, будут музицировать.

Наталия присела на минутку рядом с Ксенией, которая укачивала на руках младшего ребенка Ольги, невозмутимого восьмимесячного карапуза. У ее ног примостился спаниель с влажными глазами, и Наталия рассеянно поглаживала его, почти не слушая будущую невестку, что-то ей рассказывавшую. Ксения увлекалась астрологией, она говорила о гороскопах, о расположении светил, Солнца и разных планет.

Англичанка наконец утихомирила своих воспитанников. Один за другим дети уходили с лужайки в гостиную, чтобы пожелать доброй ночи родителям, тетушкам, дядюшкам и бабушке. Но строптивица Дафна все не унималась:

— Кто первым добежит до липы?

Она обращалась к двум сестрам Наталии, восьми и одиннадцати лет, которые уже приготовились послушно отправиться спать. Искушение было велико, и девочки остановились в нереши-

тельности.

— Я сказала, игры окончены! — прикрикнула англичанка.

Эта девушка лет двадцати совсем недавно поступила на службу к Ольге и Леониду. Несмотря на свою молодость и неважный русский язык, она неплохо справлялась с детьми.

Но сегодня случилось неожиданное — вмешалась Наталия:

— Пожалуйста, мисс Люси! Разрешите нам пробежаться наперегонки до липы! А потом они пойдут спать!

— Наперегонки! Наперегонки! — подхватили сестренки.

— Хорошо, только один раз, — сдалась мисс Люси. — Станьте в ряд, а я дам сигнал.

Услышав сигнал, Дафна сорвалась с места и понеслась стрелой. Она бежала, высоко и ритмично вскидывая ноги, словно не касаясь земли. Уверенная в своем превосходстве, Дафна уже предвкушала победу.

Яростный вопль девочки слился с победным кличем Наталии, когда та перегнала ее у самой липы и первой коснулась ствола. Дафна накинулась на нее и замолотила сжатыми кулачками по груди и животу. Наталия уворачивалась как

могла:

— Перестань, мне щекотно!

Ее смех еще пуще разозлил Дафну:

— Это нечестно! Нечестно! Ты большая, должна была мне уступить!

Она даже расплакалась от обиды и разочарования. Подоспевшая мисс Люси оттащила свою воспитанницу и по-английски напомнила ей, что надо уметь проигрывать, если хочешь быть «a good sport».

Наталия прислонилась к липе, переводя дыхание:

— Нет, вы видели? Я ведь не обогнала ее сразу, хотя могла, я дала ей фору! И все равно победила!

— Не считается! Нечестно! — не унималась Дафна.

Мисс Люси силой потащила ее к дому, где взрослые, услышав крики, вышли на террасу посмотреть, в чем дело. Сестры Наталии брели следом. Сами себе не признаваясь, они разделяли негодование Дафны: нечего было Наталии вмешиваться в их игры. Еще много-много лет спустя, став, в свою очередь, взрослыми женщинами, они не могли простить этого старшей сестре. Но Наталия ни тогда, ни после не чувствовала

за собой вины. Этот бег наперегонки с детьми, накануне свадьбы, по песчаной аллее Байгоры, остался одним из самых лучших ее воспоминаний. И в тот вечер, под липой, девушка уже знала, что так и будет.

«Я должна запомнить все это», — думала она полулежа в траве и с наслаждением вдыхая сладковатый запах липы и пряный аромат от клумбы с гвоздиками. Вот уже несколько минут звонили церковные колокола — Бог весть почему. Звонили весело, будто звали на праздник. Быть может, так приветствовали ночь?

В доме зажгли электричество. В окнах второго этажа сновали тени: горничные готовили спальни.

Она не видела, как он вышел, пересек террасу и спустился на аллею. Но зашуршавшие по гравию шаги она узнала и тотчас встала, протянув ему навстречу руки. Он взял их в свои и пылко поцеловал. Его встревоженный взгляд сказал ей о тех минутах, когда он, увидев, что ее нет, отправился искать ее; улыбка — о том, как он рад, что ее нашел. Наталия подумала, сейчас он попросит ее не гулять одной, но он промолчал.

Они не вернулись в дом, а пошли вместе по аллее. Шли медленно, шаг в шаг, прислушиваясь

к последним птичьим крикам, к далекому лаю собак и еще неуверенному кваканью жаб.

Вдруг мелодичный хор голосов донесся из темноты, и Адичка ускорил шаг, направляясь в ту сторону.

Церковь стояла поодаль; вся белая, она четко вырисовывалась на темном фоне молодого ельника. Луна освещала три синих купола с тонкими золочеными крестами. Из распахнутых дверей лилась песня — просторная, полнозвучная; пели только мужские и детские голоса. То был хор певчих, созданный Адичкой; он специально привозил из Петрограда певцов, выбирая таких, которые сумели бы развить музыкальные задатки в его крестьянах. Но он не стал рассказывать ей о том, как лично прослушивал каждого, кто был наделен от природы красивым голосом; с каким вниманием следил за их успехами; как гордился, когда ему говорили, что его хор теперь не уступает лучшим столичным. В ответ на вопросительный взгляд Наталии он сказал только:

— Они репетируют величальные песни к нашей свадьбе.

— В этот час?

— Крестьяне сегодня работали допоздна. Сейчас самая страда, всегда надо пользоваться погожими

днями, чтобы сеять, жать, поливать.

Его тронуло ее внимание, ее готовность научиться от него всему, чего она еще не знала.

— Скоро вы будете знать все премудрости деревенской жизни.

Они постояли немного у церкви, слушая песни, исполненные радости и упования. Голоса пели так слаженно, что казалось, будто мелодия льется из одних уст, рождаясь в едином дыхании. Адичка шепотом рассказывал об иконах — среди них были привезенные из Киева; о колоколе, на котором его дед приказал выгравировать надпись: «В метель и вьюгу спасаю людей». Потом он вспомнил, что родственники, наверно, уже заждались.

Дом вдалеке сиял огнями. В Байгоре недавно установили электрогенератор, и у Белгородских быстро вошло в привычку по вечерам зажигать лампы во всех комнатах: престиж поместья от этого еще вырос, хотя злые языки утверждали, что хозяин попусту тратит деньги, пуская пыль в глаза. Адичке же было важно показать будущей жене, что ей ни в чем не придется завидовать изысканному петроградскому комфорту.

Что-то не давало Наталии покоя, пока они шли к дому.

— А в церкви есть усыпальница?

— Да. Мы пойдем туда завтра утром. Мой отец похоронен там, вы не знали?

Наталия покачала головой. Словно холодом повеяло, и неясные картины всплыли в ее памяти: стены, разрушенные огнем и водой… огромные, тощие вороны… ей даже на миг почудилось, будто она слышит их карканье… Что могло быть общего у руин из ее сна с красивой, как игрушка, церковью, в которой пел хор?

— А мы? Где похоронят нас, вы уже решили?

— Что за странный вопрос, Натали! Откуда у вас эти мрачные мысли в такой вечер?

Вдали, на опушке леса, появилась тень — силуэт лошади. Всадник скакал, перепрыгивая через изгороди, срезая дорогу напрямик по лугу. Этого искусного и смелого наездника Адичка ни с кем не мог спутать.

— Это братишка, — произнес он с нежностью. — Другого такого наездника не сыскать.

Приблизившись к дому, Миша у самой террасы перешел на рысь. Рядом с ним бежали три борзых. Эти породистые охотничьи собаки неизменно сопровождали его, когда он выезжал верхом. От полноты жизни Миша распевал во все горло: весенняя ночь кружила ему голову.

Завидев Адичку и Наталию, он перешел на

шаг, давая им полюбоваться легким, словно танцующим, аллюром рыжего жеребца. Потом дал шпоры — и жеребец и борзые следом за ним вихрем унеслись прочь в облаке песка и мелких камешков.

— Я сейчас весь лес разбужу! — что было мочи кричал Миша.

Свадьбу сыграли пышно и весело. Родные, друзья, слуги и крестьяне заполонили церковь, а затем толпой хлынули на праздник, последовавший за венчанием. Много танцевали, и все на время забыли войну и тревожные слухи о бунтах и мятежах. Наконец гости начали разъезжаться.

Мария Белгородская пожелала задержаться в Байгоре еще на день. В это трудное время для нее было очень важно подольше побыть с детьми, укрепить их нерасторжимую кровную и духовную связь. Для Ольги, Адички, Игоря и Миши ее желание было свято. Им предстояла разлука, но неизменная материнская любовь осеняла и хранила их повсюду: в Москве, в Петрограде, на поле брани.

Однако час настал; коляски, которые должны были отвезти их на вокзал в Волосово, ожидали у крыльца. Все собрались в большой гостиной подле семейной иконы, той самой, которой Ма-

рия благословила Наталию и Адичку, когда они обручились, той самой, что, как говорили, спасла дом от пожара в 1907 году. По обычаю, посидели минуту-другую молча.

Мария поднялась первой и по очереди перекрестила всех. На верхней ступеньке крыльца она в последний раз крепко обняла Наталию.

— Заботься хорошенько о моем Адичке, тебе достался лучший на свете муж.

Затем Наталия расцеловалась с деверями и невестками. Все говорили ей добрые слова, всячески подбадривали.

— Ты теперь хозяйка Байгоры, — сказала напоследок Ольга. — Я уверена, что ты справишься не хуже меня. С людьми будь справедлива, но тверда. Не давай революционной заразе проникнуть в их умы и сумей себя поставить правильно.

— Да будет так! — шутливо заключил Миша.

Он достал из-под рубашки золотой медальон с гербом Белгородских и поднес его к губам, заговорщически подмигнув при этом Наталии.

Итак, частице ее, пусть всего лишь пряди волос, отныне было доверено оберегать младшего из Белгородских — мысль эта грела сердце молодой женщины. Она чувствовала себя в каком-то смысле причастной к войне. На миг ей представилось,

как она, под артиллерийским огнем, героически сражается с немцами и австрияками.

Но действительность не замедлила напомнить о себе. Верховой протягивал Адичке запечатанный конверт.

Тень заботы омрачила его лицо, когда он, отойдя в сторону, прочел письмо. Читая, Адичка, по своему обыкновению, машинально поглаживал бородку, вид у него был сосредоточенный и строгий. Наконец он решился ответить на встревоженно-вопрошающий взгляд Наталии.

— В Семеновке взбунтовались крестьяне. Они сожгли амбары и держат под замком управляющего. Кажется, их подстрекают какие-то смутьяны, не из нашего уезда… Наверняка дезертиры… Я еду туда, посмотрю, что можно сделать… — Заметив, как она вздрогнула, он добавил: — Не надо бояться, Натали. Я умею с ними ладить.

— Я и не боюсь.

Она солгала, не моргнув глазом, горя желанием быть ему поддержкой во всем. Его тронуло это мужество, такое новое для нее, такое еще хрупкое. Тронуло внешнее спокойствие, которое глупец принял бы за равнодушие.

— Твоя любовь сохранит меня, — сказал он тихо. — И совсем другим тоном, сухо и холодно, — о,

Наталии еще предстояло привыкнуть к этому тону, выдававшему в нем бывшего царского офицера! — бросил: — До Семеновки километров тридцать. К обеду меня не жди.

Коляски давно скрылись вдали, только облачко золотистой пыли еще стояло в теплом, душистом воздухе. День был погожий, тихий, точно такой же, как и пять предыдущих, проведенных Наталией в Байгоре. Ее внимание привлекла сирень — лиловые, белые, фиолетовые грозди, готовые вот-вот распуститься. Они расцветут уже сегодня ночью или завтра, и их дурманящий сладкий аромат будет напоминать ей о садах и парках Петрограда. Небо покрылось маленькими розовыми барашками облаков.

С раздавленной грудью, с переломанными руками, человек был еще жив. Из оставшегося невредимым рта вырывались стоны и крики. Вокруг сгрудились люди, толпа все росла.

Наталию, которая в коровнике записывала новорожденных телят, позвала одна из служанок. Сперва она только увидела обвалившуюся стену и какого-то человека, который громко кричал, созывая людей. Крестьяне и батраки толпились вокруг кого-то — или чего-то, Наталия не могла разглядеть.

Но когда она подошла ближе, люди расступились, и молодую женщину буквально вытолкнули к раненому. При виде крови, раздробленных костей и перекошенного от боли лица у нее вырвался вопль ужаса. Она потеряла сознание.

Придя в себя, Наталия обнаружила, что лежит поодаль от толпы, на опушке березовой рощицы. Двое немецких пленных, отданных под надзор Адичке, перенесли ее сюда и уложили на траву. Увидев их склонившиеся над ней внимательные, слегка испуганные лица, Наталия ощутила жгучий стыд.

Несколько дней назад с ней уже случился обморок. Это было в больнице, куда она заставила себя ходить — помогать сестрам милосердия. При всем желании, при всем искреннем стремлении оправдать ожидания родственников Наталия не вынесла вида крови и страданий. Ольга, приехавшая на лето с детьми в Байгору, успокаивала ее: она привыкнет, главное — не опускать руки. Ведь это ее первый долг — помогать ближним, не так ли?

Наталия оперлась на руку, протянутую немцем помоложе. «Спасибо», — сказала она едва слышно. Они топтались в нерешительности. «Я прекрасно себя чувствую, это просто от жары».

Наталия говорила по-немецки, и пленные были ей благодарны за это. Они предложили проводить ее до дома, но она отказалась: «Ступайте в конюшню, работайте». Временами Наталии удавалось взять нужный тон — тон хозяйки Байгоры. Но только временами. Она направилась к столпившимся крестьянам и батракам.

Туда уже сбежались женщины. Не в пример молчавшим мужчинам, они причитали и плакали, махали руками, показывая на рухнувшую стену и раненого, которого уже уложили на самодельные носилки.

И тут Наталия ощутила что-то странное, доселе ей незнакомое, словно чем-то повеяло от толпы. Это «что-то» очень напоминало ярость. Подспудная ярость, безмолвная, но она сгущалась по мере того, как Наталия приближалась к людям. Она заставила себя смотреть прямо, не отводя глаз. Но одни отворачивались, другие глядели в землю. Сейчас в этих людях не было и следа того вялого безразличия, которое они выказывали ей обычно, и впервые за все время, что она жила в Байгоре, Наталия испугалась.

Ей удалось совладать со своим страхом, не ускорить шаг, не пуститься наутек. Она повернулась спиной к толпе и чувствовала, что теперь все до

одного смотрят на нее. Женщины умолкли. Стало так тихо, что Наталия слышала гудение пчел над цветочными клумбами и шелест ветерка в листве молодых тополей. Потом перед ней возник дом, зеленые от мха кирпичи, увитая цветами терраса. На лужайке, в тени под большими деревьями, стояла изящная плетеная мебель, шезлонги. Няня кормила с ложечки Ольгиного младшенького, за двумя другими детьми присматривала англичанка. А куда же запропастилась неугомонная Дафна?

И Наталия выбросила из головы несчастье и безмолвную ярость батраков и крестьян.

Но позже, вспоминая тот день, она корила себя за недостаток сострадания и присутствия духа. Ей следовало самой заняться раненым, выяснить, как случилось несчастье, дознаться, почему обвалилась стена. Надо было также побеспокоиться о семье пострадавшего, поддержать его жену, детей. А она? Упала в обморок, потом показала всем спину. И пошла играть в теннис до обеда. Вот Мария — та сделала бы все, как надо. Но чуть меньше или чуть больше человечности — разве это изменило бы что-нибудь в тех страшных событиях, которые уже назревали, только она не смогла распознать их грозных предвестников?

Из дневника Адички

21 июля 1916

В Сорокинске снова проходят заседания комитета по мобилизации, который я возглавляю. Патриотический порыв начала войны остался в прошлом. Люди отказываются идти в армию. Мне пришлось выдать полиции несколько дезертиров, трое из них работали на моих землях. Жатву закончили.

22 июля 1916

Олег, новый управляющий, которого мне рекомендовали родные Наталии, здесь уже неделю, но до сих пор не нашел общего языка с крестьянами. Мама и Ксения с обоими малышами приезжают завтра. Заседания в Сорокинске, Воринке и Волосове.

25 июля 1916

Мы все купались в речке. Дети ловят раков. У меня был Юрий, чьи научные познания мне весьма полезны. Я намереваюсь выделить несколько десятин под создание заповедника растений, птиц и животных, для сохранения видов, которым развитие сельского хозяйства грозит исчезновением. Байгора должна стать не только поместьем, но и созидательным центром.

26 июля 1916

Быки, закупленные в Швейцарии, прибыли вчера. Смирные и добродушные животные, такими были и наши швейцарские коровы. Теперь они раздражительны и бодливы. Российский климат? Натали в этом убеждена. Съезд помещиков в Галиче. Все против передела земельной собственности, но за аграрные реформы. Какие? Прийти к согласию невозможно.

2 августа 1916

В больнице пять новых коек, итого теперь семнадцать. Мы наняли новую акушерку, по выбору Бориса, нашего главного врача. Как и прошлым летом, один из певцов знаменитого Архангельского хора приехал из Петрограда, чтобы дирижировать нашим крестьянским хором. Волнения в двух соседних волостях подавлены быстро. У нас все спокойно.

Ксения нежно баюкала новорожденного сына, напевая ему колыбельную. Она была счастлива, произведя на свет белокурого, голубоглазого мальчика, который уже шести недель от роду был вылитый отец. «Голубые глаза Белгородских!» — воскликнул с гордостью Миша. «У всех младенцев голубые глаза», — ответила на это Ольга. Но Миша и слышать ничего не хотел. Его сын

унаследует его голубые глаза, его жизнелюбие, его страсть к лошадям. Его сын станет лучшим наездником, знаменитым коневодом, офицером царской гвардии. Он назвал его Петей, в память об одном из самых любимых своих школьных друзей, который был убит мятежными солдатами близ польской границы три месяца назад.

В этот послеобеденный час было еще жарко под большими деревьями, где расположилась группка женщин: Ксения, Мария, гувернантка-англичанка и несколько соседок, приехавших на денек в Байгору. Пили чай, лимонад, ели сливы и малину со сливками.

Беседа шла без умолку. Говорили обо всем понемногу: об уборочной страде, об окончании блестящего театрального сезона в Петрограде, о прибавлениях в семействах, обсуждали слухи о намечающихся свадьбах и пение крестьянского хора.

Зашла речь и о возможности сепаратного мира с Германией — эта тема вызывала у всех разные, зачастую противоречивые чувства.

Но больше всего делились новостями о родных и друзьях, которые были на войне или усмиряли бунтовавших рабочих и крестьян. Число погибших и пропавших без вести росло день

ото дня, все больше семей одевалось в траур по близким. Был ли то пример Марии? Никто из женщин не поддавался отчаянию. Все бодрились, старались смотреть на жизнь оптимистично, легко. Говорили о том, что нужно записываться в Красный Крест. Сами дочери царя по доброй воле трудились в столичных госпиталях, и их фотографии в одеждах сестер милосердия вооду-шевили многих.

Малыши играли на лужайке, на разостланном одеяле. Дети постарше носились по парку под предводительством развоевавшейся Дафны, при которой состояли в послушных адъютантах две сестры Наталии. Этой маленькой командирше подчинились в конце концов даже мальчики. Время от времени кто-то из них подбегал, хныча, к своей матери: Дафна исключила его из игры, Дафна дерется, Дафна обзывается. «Учись сам себя защищать, — говорила в таких случаях Ма-рия. — Учись не ябедничать». Все эти дети вокруг вселяли в нее надежду. Бьющая в них ключом жизнь, их беспечность казались обещанием новой, лучшей и наконец-то мирной России. Поэтому она не делала различий, приглашая и соседских, и крестьянских детей играть с ее внуками.

Одна Ксения не принимала участия в разговоре. Любовь к новорожденному сыну поглощала ее целиком. Она без конца ласкала его, всматривалась в личико в ожидании улыбки, шептала ему ласковые слова и напевала песенки. Лишь иногда взгляд ее отрывался от ребенка, отыскивая среди детей старшенькую, трехлетнюю дочурку по имени Елена.

Елена с малых лет проявляла строптивый и независимый нрав, который зачастую обескураживал Ксению. Малышка не слушалась ни няню, ни мать. Авторитетом для нее был только отец. Уже дважды она отправлялась на его поиски, разглядывая следы его коня. В первый раз один крестьянин нашел ее на опушке ельника — девочка заблудилась, но не испугалась ничуть; во второй — на берегу пруда, чудо, что она не упала в воду и не утонула. В дом ее приходилось возвращать силой.

Сейчас малышка Елена сидела в стороне от других детей, под большим дубом, который называли Адичкиным, держа в руках книжку с картинками. Читать она еще не умела, но сосредоточенно склонялась над страницами, в совершенстве подражая взрослым. Ксения поклялась себе, что не будет любить маленького Петю больше дочери, и

принялась мечтать о будущих детях. Она хотела четверых, не меньше — как у Ольги.

Близился вечер. Заканчивался обычный летний день, теплый и безмятежный. Казалось, будто революционные смуты, о которых сообщалось в газетах, где-то очень далеко. Искры бунта вспыхивали иногда и в уезде, но их удавалось быстро погасить.

В Байгоре крестьяне дважды собирались на сходки, требуя прирезать им землю и улучшить их жизнь. Адичка вел с ними долгие беседы. Он умел слушать крестьян, умел договориться с ними, пойти на необходимые уступки и достичь разумного компромисса. Своей твердостью, лояльностью и доскональным знанием жизни каждой крестьянской семьи он снискал авторитет, до сих пор признававшийся всеми жителями окрестных деревень.

Мария говорила, что он вдобавок обладает редким даром завоевывать сердца.

Кто-кто, а Мария знала, что это дорогого стоит. Она еще помнила поместье во времена Адичкиного деда, князя Константина Белгородского. Мария восхищалась новшествами, которые он привнес, — от разведения рысаков и лесопосадок до борьбы с пьянством и неграмотностью. Кто,

как не он, построил разом школу, церковь и больницу? Но никаких иных реформ он не признавал и был ярым противником новых веяний, призывавших к справедливости и равенству.

Вся волость помнила, как жестоко он подавил попытку крестьянского бунта, призвав на помощь войска. В прибывшем полку служил его собственный внук, Игорь, которому было тогда восемнадцать лет.

Сражение было недолгим, но обе стороны понесли потери. А затем последовала расправа. Крестьян расстреливали и вешали без всякого суда. Мария знала, что эти кровавые воспоминания до сих пор не дают покоя ее сыну Игорю.

Игорь не мог забыть тот страшный августовский вечер 1905 года, когда на его глазах повесили больше десятка человек, среди них были его друзья детства; он помнил мольбу на их лицах, помнил скорбь и ненависть их родных. Он тогда поклялся себе избрать какое угодно поприще, только не военное, и пошел служить по гражданскому ведомству. Впрочем, у него и выбора не было. После тяжелого ранения в легкое его признали непригодным к военной службе. Но в 1914 году, когда началась война с Германией, Игорь организовал и сам возглавил передвижную са-

нитарную часть, выезжавшую на самые опасные участки фронта. Как и миллионами молодых русских, им руководил высокий патриотизм. Защищать родину — это был тогда единственный выбор, объединивший всех. Какое-то время даже казалось, будто революционный пыл угас, иссяк сам собой.

Но поражения на фронтах, разгром русских войск, тысячи убитых и пленных очень скоро разрушили это единение. Приходилось мобилизовывать все новые и новые части, и конца этому не было видно. К осени 1915 года немецкие войска заняли Польшу, Галицию и прибалтийские губернии.

Игорь, во главе своей санитарной части, участвовал в сражениях на разных фронтах в России и за ее пределами. Так он мог служить своей стране, не проливая при этом ни капли крови. Спасая человеческие жизни, вместо того чтобы подавлять стачки и восстания, он надеялся забыть ту августовскую бойню в 1905 году. Но об этом Игорь никогда не говорил.

Мария тревожилась, видя, как он замкнут в себе, как одинок. Игорь и ребенком все больше молчал. Почему он так не похож на Ольгу, Адичку и Мишу? Мария уповала на любовь женщины,

которая заставит его выйти из своей раковины. А Игорь женился на Екатерине, против которой Мария ничего не имела, кроме одного — эта женщина была ему не пара.

Екатерина была еще в Петрограде и каждую неделю измышляла новый предлог, чтобы отложить приезд в Байгору. Игорь со своей частью находился близ польской границы. Мария уже несколько дней не получала писем, но не слишком тревожилась: Игорь вообще писал редко. Не в пример ему, Адичка, когда они разлучались, присылал матери каждый день по длинному письму, такому подробному, что ей потом еще долго казалось, будто сын рядом с ней.

Оттого что Мария, задумавшись, умолкла, общий разговор распался. Все постепенно погружались в дремоту, радуясь малейшему дуновению ветерка. Две пожилые соседки уже спали в креслах, широко раскрыв рты. Малышей, возившихся на одеяле, в этот предвечерний час, верно, тоже сморило: их больше не было слышно. Запах свежескошенной травы говорил о том, что крестьяне начали косьбу на лугах, примыкавших к усадьбе.

Наталия, в светлом платье, с садовыми ножницами и корзиной в руках, срезала розы для гостей.

Волосы ее успели отрасти на несколько сантиметров и красиво обрамляли овал лица. Хотя она постоянно носила соломенную шляпу, кожа ее утратила городскую бледность. Посмуглевшая от солнца, похудевшая, Наталия выглядела совсем подростком.

Одни восхищались ею, других она раздражала. Но она была — княгиня Белгородская, хозяйка Байгоры, и с этим приходилось считаться всем. Ее молодость сбивала с толку. «Адичка женился на ребенке», — говорили за ее спиной. И в самом деле, Наталия не спешила присоединиться к компании замужних матрон.

Она играла в теннис как мальчишка, ездила вместе с мужем верхом, читала, музицировала, вводила кое-какие новшества.

Розарий, в котором она сейчас возилась, был ее детищем. Наталия затеяла его втайне от Адички, желая сделать ему сюрприз. Розарий был разбит рядом с большим огородом и перекрыл проселок, по которому крестьяне ходили в соседнюю деревню. Лишившись кратчайшего пути, они приняли в штыки и розарий, и хозяйку. Нашлись такие, что вытоптали ночью первые саженцы. Какой-то мальчишка запустил в Наталию камнем, поранив ей руку. При виде собственной крови молодая

женщина едва не отказалась от своего замысла — по крайней мере, подумала, не перенести ли розарий в другое место. Но поддаваться угрозам — это было не в ее характере. Крестьяне или кто другой — не все ли равно: она беспечно махнула рукой на их враждебность, уверенная в своем праве. Адичка, узнав о распре задним числом, не стал осуждать жену. Однако взял с нее обещание впредь ничего не предпринимать, не посоветовавшись с ним.

Наталия сделала крюк, чтобы не показываться на глаза женщинам с детишками. Весь день ее не было дома, она каталась на лодке по пруду с сестрами, наведывалась к лошадям и коровам, садовничала. Она была перепачкана, все руки в царапинах от колючек. С платья свисала наполовину оторванная оборка, шнурки от ботинок потерялись. Вдобавок она сильно вспотела.

Обходя дом сзади, Наталия услышала жалобное пение скрипки. Это музицировал Адичка, закончив дневные труды. Ему было необходимо хоть ненадолго отвлечься от забот, почувствовать себя свободным. Только после этого он мог выйти к домашним.

Наталия бесшумно подкралась к кабинету мужа, расположенному на первом этаже, рядом с

кухней. Окно было распахнуто настежь.

Адичка стоял к ней спиной и, прижав скрипку подбородком к плечу, играл. Он водил смычком по струнам то страстно, то нежно. Сердце Наталии сжалось от внезапного волнения.

Подчеркнуто строгий кабинет, стены которого закрывали шкафы с книгами и папками, вдруг стал праздничным и приветливым. Какая-то благодать, неизъяснимая и в то же время земная, исходила от Адички, когда он играл. «Как я люблю его!» — подумала Наталия. И ей захотелось крикнуть ему это.

Словно почувствовав ее присутствие, Адичка обернулся. Он увидел стоявшую против света Наталию и ощутил прилив счастья. В соломенной шляпе, с корзиной роз она показалась ему такой красивой — и такой трогательной в измятом платье. Ее руки с черными ногтями заставили его улыбнуться, а пятнышки малинового сока подле губ ему захотелось поцеловать. Он опустил смычок.

— Чайковский, Концерт для скрипки, — сказал он. — Чересчур русский на твой вкус.

Она уловила нежность, скрывавшуюся за этой нарочитой иронией, и ответила в том же тоне:

— Концерт для скрипки, понятно, но без ор-

кестра.

И не удержалась от искушения продемонстрировать ему свои новые познания, полученные от него и для него:

— Ре мажор, опус тридцать пять.

Для этих двоих, кажется, весь остальной мир перестал существовать. Мужчина стоит в проеме окна со скрипкой в одной руке и смычком в другой. Он среднего роста, в потертом френче, какие много носили в десятые годы. Коротко подстриженная темная бородка узкой линией очерчивает щеки и подбородок. Она почти не скрывает их форму, округлую, немного детскую, которая — если всмотреться внимательнее — не вяжется с невольной суровостью верхней части лица и пронзительным взглядом.

По другую сторону окна, в саду, стоит в профиль молодая женщина в белом платье, у ее ног корзина, полная роз. Сдвинутая на затылок соломенная шляпа позволяет разглядеть высокий лоб, четкий рисунок носа и подбородка.

Золотые лучи летнего солнца освещают две фигуры по разные стороны окна и все остальное, что уместилось на фотографии: комнату за спиной мужчины, кусок дома и сада.

Эта фотография в коричневых тонах больше

предыдущих, она занимает целую страницу в альбоме. Чья-то рука старательно подписала внизу: «Дядя Адичка и тетя Наталия, Байгора, июль 1916». Соседние фотографии усиливают ощущение безмятежного счастья на лоне природы.

На них — женщины и детишки в тени больших деревьев на лужайке. Огромный дуб, под ним спят три борзые собаки. Можно узнать Адичку: он стоит подбоченясь и разговаривает с крестьянином, одетым в русскую рубаху, рядом стадо коров. Двое молодых мужчин позируют верхом на лошадях. Один в штатском, другой в военной форме. Позади них — крыльцо с лавровыми кустами по бокам, терраса, кусок кирпичного дома.

Сценки обыденной жизни оживают на каждой странице, на каждой старой коричневой фотографии. Та же старательная рука прилежно уточняет всякий раз, кто на них запечатлен.

А вот опять большая фотография на всю страницу. Это традиционный семейный портрет: все стоят в ряд, глядя в объектив, кажется, в гостиной. Внизу можно прочесть: «Тетя Наталия, папа, тетя Ольга, мама, дядя Игорь, бабушка, дядя Леонид, тетя Екатерина, дядя Адичка», — и все тот же год: «Байгора, август 1916».

На правой странице — еще один портрет, сде-

ланный в парке, у решетчатой ограды. По другую сторону изящные лани, они смотрят томными глазами на детишек, которые, спиной к ним, кто надувшись, кто набычившись, а кто и в слезах, уставились на фотографа. Всего их семеро; рядком сидят в траве три девочки, два мальчика, еще девочка, а чуть поодаль — улыбающаяся молодая нянька с новорожденным на руках. Имена внизу страницы: «Дафна, я, Соня, Марина, Дмитрий, Сережа, мисс Люси с Петей».

Этот младенец, личико которого утопает в кружевах, — мой отец. Вторая девочка слева — его сестра, моя тетя Елена.

Я переворачиваю страницу, и вот она опять: маленькая коренастая фигурка на берегу пруда, окруженного плакучими ивами. Взгляд исподлобья красноречив: эта кроха — не кокетка, она вовсе не хочет нравиться.

На другой фотографии она держит на руках своего братишку нескольких недель от роду. И здесь тоже не улыбается. Прижимает к себе младенца, будто свою собственность. Глядит серьезно, словно призывая весь мир в свидетели: это мой братик, и только я смогу его защитить.

Они занимают первый план фотографии. Позади них — фигурки детей и молодых женщин,

направляющиеся к пруду. Какой-то крестьянин толкает лодку, спуская ее к воде.

Крестьянин, спускавший лодку в пруд, остановился, чтобы перевести дыхание. Острая боль где-то на уровне сердца мешала ему глубоко вздохнуть. Ему не хватало воздуха, казалось, будто он вязнет в топкой, размытой дождями земле. Трава, однако, была сухая, местами даже выгоревшая. Лодка почему-то стала непомерно тяжелой. Он даже не заметил, что одно весло отскочило, зацепившись за корни плакучей ивы. Боль в груди ширилась и отдавала теперь в левое плечо и в руку.

Дети вокруг него галдели, приплясывая от нетерпения. Им была обещана прогулка на лодке, и они не желали ждать. Их голоса сливались в неясный гул, то нараставший, то словно удалявшийся. Человек чувствовал, что силы покидают его. Угасающим сознанием он вдруг отчетливо понял, что умирает. Его губы успели прошептать первые слова молитвы. Потом руки выпустили лодку, и, чуть-чуть постояв, словно в нерешительности, он тяжело рухнул в траву. Серебристые листья тополей трепетали над ним — он видел их в последний раз.

Этого человека звали Ваней. Он родился в Бай-

горе, как и его отец и дед. Его тяжело ранило на войне с Японией, где он сражался в полку Адичкиного отца.

В одном из боев Ваня бросился ему на помощь, и именно тогда был ранен саблей в грудь. А потом князь на его глазах погиб от пули, попавшей прямо в сердце. Среди трупов и раненых, умирающих солдат и развороченных снарядами лошадей Ваня ухитрился доползти до него и закрыть ему глаза. Он же сопровождал тело на поезде в Москву, а потом в Волосово, чтобы князя похоронили в Байгоре, в усыпальнице здешней церкви.

Дети, решив, что это игра, стали общими усилиями поднимать Ваню. Они тормошили его, тянули за одежду, пытаясь перевернуть на бок, наконец все повалились в кучу-малу, визжа от смеха. Один из мальчиков схватил Ванин картуз и сделал вид, будто швыряет его в воду.

— Ваня! — не на шутку рассердилась Дафна. — Не смей притворяться, что спишь! Тебе сказали покатать нас на лодке!

В сердцах она пнула его ногой в плечо. Голова, до сих пор скрытая в высокой траве, перекатилась в одну сторону, потом в другую, медленно, как будто нарочно для того, чтобы дети ее получше рассмотрели.

Они увидели широко открытые, неподвижные глаза, перекошенный рот. Им стало не до смеха: игра принимала странный оборот, было немножко страшно и непонятно.

Татьяна и Александра, сестры Наталии, самые старшие в компании, начали о чем-то догадываться.

— Он умер, — решилась сказать одна.

— Надо снять шапки, — отозвалась другая, повторяя слова, услышанные от взрослых на похоронах кого-то из родственников.

Дети сняли соломенные шляпы и расступились. Они стояли полукругом и, сгорая от любопытства, во все глаза смотрели на человека, с которым так здорово было играть, который их охранял и терпел от них любые выходки. Они наконец увидели — взаправду, не понарошке — то, о чем постоянно слышали в разговорах взрослых: смерть.

Пройдут годы, и выросшая Татьяна будет вспоминать: «Мы совсем не испугались тогда, на берегу. Нам только было грустно, что нет больше Вани, которого мы все любили. Многое связывало Ваню и его семью с Белгородскими. Его похоронили достойно… Да, страшно нам стало потом… когда мы увидели куда больше смертей…»

Когда все собрались в гостиной, Наталия и

Адичка к большому удовольствию гостей исполнили пятую «Весеннюю» сонату Бетховена.

Она села за рояль, он взял скрипку. Неделя за неделей они учились слушать друг друга, играть в лад. Сегодня был их первый концерт на публике, и они сыграли с такой естественностью и простотой, что у слушателей порой возникало впечатление импровизации. Был ли в их дуэте кто-то ведущий? Трудно сказать. Им долго аплодировали, затем настал черед романсов и песен.

У Ксении был очень красивый голос. Она с большим чувством спела несколько русских романсов. Потом, дуэтом с Козеттой Ловской, начало мелодии Россини. Козетта была хозяйкой большого поместья, граничившего с Бай-горой; ласковое французское прозвище так и осталось у нее с детства. Не так давно она вышла замуж за Николая, родственника Белгородских, учившегося вместе с Мишей. Когда молодые женщины исполнили «Дуэт кошек», это был настоящий триумф. Все, от дворецкого до горничных, сбежались послушать их. Смех и аплодисменты долго не смолкали. После этого подали чаю, наливки и сладости; наконец все гости разъехались восвояси.

Час был поздний, и Ольга отослала прислугу. Она сама вытряхнула пепельницы, убрала

графинчики с водкой и наливками — красной, настоенной на рябине, зеленой на смородиновых почках, желтой на травках. Мимоходом она ставила на место сдвинутые кресла, поправляла складки гардин. Уверенные, привычные движения говорили о том, что она не чувствует себя в доме гостьей. Это было сильнее ее. Поначалу она остерегалась покушаться на права хозяйки, перешедшие к Наталии. Но не прошло и недели, как привычка взяла свое и Ольга снова стала распоряжаться в доме.

Домашняя прислуга ее слушалась. Приказаниям Наталии, не всегда понятным и зачастую противоречивым, люди предпочитали Ольгины, ясные и уверенные. В общем, приезжавшие к ним гости могли заметить, что этим летом хозяек в Байгоре было две. У одних это вызывало улыбку, других шокировало.

Что до Наталии, то она сама не знала, нравится ей поведение золовки или нет. С одной стороны, ей льстила роль хозяйки Байгоры, с другой — ежедневные хлопоты она находила весьма обременительными. Ей нужно было время, чтобы читать, упражняться в игре на фортепьяно, гулять, да и просто бездельничать. Так что хозяйственные заботы она не без удовольствия

переложила на Ольгу. Зато для нее было крайне важно первой входить в столовую, первой садиться за стол, первой вставать по окончании трапезы. Ольга, Екатерина и Ксения — все старше ее годами — частенько забывали об этом правиле. Особенно Ольга. Наталия, от души забавляясь ситуацией, не упускала случая напомнить о своих прерогативах хозяйки дома. Ей случалось даже пускаться бегом, так хотелось, чтобы родные мужа вошли в столовую после нее. «Это совершенно ни к чему, — шепотом поучал ее Адичка. — Они должны пропустить тебя вперед, этого требуют приличия». — «Даже Ольга?» — «Даже Ольга».

Наталия только что начала читать «Пармскую обитель». Специально для нее книгу переплели в кожу, на которой были вытиснены ее инициалы и герб Белгородских. Адичка втайне от нее заказал этот экземпляр из Парижа ей в подарок. «Просто так, в честь первых летних дней с тобой», — сказал он в ответ на ее восторги.

Ее то и дело отрывали от книги спаниели Ксении: псы, хоть и сонные, время от времени норовили улечься ей на ноги. Она отпихивала их, не обращая внимания на жалобное поскуливание. «Не обижай их, — просила Ксения. — Будь с ними поласковей. Это ведь тоже мои детки».

Наталия в ответ лишь пожимала плечами.

Игорь сидел на террасе в плетеном кресле, закинув ноги на перила, и курил сигару. Во время обеда он изо всех сил старался выглядеть счастливым и беззаботным. Но что-то, казалось, не отпускало его, мешая с легким сердцем принять участие в семейном празднике. Адичка заметил это и решил, что непременно поговорит с братом по душам. Увольнение Игоря заканчивалось через двадцать четыре часа.

У Адички с Мишей шел долгий спор о рысаках — только на этой почве у них случались нелады. Адичка как хозяин Байгоры принимал все решения. Разумеется, он всегда советовался с братьями и сестрой, но в случае разногласий оставлял последнее слово за собой. Сейчас Миша требовал выставить на сентябрьские бега трех чемпионов. «В этом году от наших конюшен выступит только один, — отрезал Адичка. И добавил, увидев, как помрачнел младший брат: — Можешь выбрать сам какого хочешь. И тренировка на твое усмотрение, приступай. Я поручаю тебе нашего будущего чемпиона, и ты уж постарайся, чтобы он победил. Я тебе полностью доверяю». — «А Игорь в курсе?» — «Пойдем, скажем ему».

Братья продолжали говорить о бегах и рысаках,

когда к ним на террасу вышла Наталия. Сначала она сделала вид, что ей интересна их беседа, потом отвернулась.

Луна стояла уже высоко, освещая уснувшее поместье, просторные луга, деревья; были отчетливо видны ближайшие, под самой террасой, клумбы с розами и первыми летними георгинами, лавровые кусты; ежик тихонько подкрался к нижней ступеньке, ощетинившись иголками, принюхиваясь подвижным носиком и навострив ушки. Это был Ким, питомец Ксении, которого она приручила, ставя каждый день блюдце с молоком в одно и то же место, у заднего крыльца. Наталия слышала за спиной оживленные голоса братьев, а издали доносилось пение жаб, квакш и лягушек-древесниц. Она вспомнила, как изумилась в первый вечер, услышав этот оглушительный концерт. Теперь он ей даже нравился, особенно голос жабы, всю ночь напролет взмывавший на одной и той же ноте, которую подхватывали сотни других. Так звучно это было и так радостно, что Наталии захотелось присоединить свой голос к их хору. Она набрала в грудь побольше воздуха и пропела великолепную руладу в унисон с жабами.

Братья тотчас прервали беседу и потрясенно

уставились на молодую женщину. Первым зааплодировал Миша:

— Браво! Какое чувство ритма! — Он фамильярно обнял ее за талию: — А знает ли моя невестушка, что эти жабы — гордость Байгоры?

— Жаб в этой местности было мало, — пояснил Игорь. — И нашему отцу пришло в голову выписать их из-за границы, ящиками… Они прекрасно прижились здесь. Это превосходные садовники.

Адичка, стоя чуть поодаль, улыбался, то ли жене, то ли своим мыслям. Он придавал большое значение бегам и готов был не менее серьезно отнестись к жабам, если бы спросили его мнение. Но на душе у него было тревожно.

Новости в Байгору приходили скверные. Немецкие и австрийские войска одерживали победу за победой; едва назначенные министры лишались портфелей непонятно почему. Разброд, царивший в больших городах, давал себя знать уже в самых отдаленных губерниях, день за днем Адичка убеждался в этом. Как же далеко зайдет хаос? У Адички было тягостное чувство, что страна его рушится под ударами как извне, так и изнутри и что это на руку большевикам. Когда все покатится в тартарары, возможно, именно они окажутся на коне. Их идеи уже распространялись, зара-

жая умы, во всех слоях общества. Взбунтовались испокон веку мирные деревни совсем недалеко от Байгоры, рукой подать… Адичке и другим помещикам предстояло в самое ближайшее время ехать туда для переговоров с их уполномоченными. Другого выхода не было, Адичка знал это и готовился.

Наталия старалась в точности воспроизвести песню жабы, и, чтобы сделать ей приятное, Миша и Игорь стали вторить. Их басовитое кваканье прозвучало в ночи до того забавно, что Адичка не удержался от смеха. Просто чудо, что Наталии удалось вовлечь его брата Игоря в такую пустую, такую ребяческую забаву. Игорь, всегда угрюмый, всегда молчаливый, теперь заливисто хохотал. Поначалу он робел с Наталией; сегодня, однако, лед был растоплен, она почти покорила его. Адичка прикрыл глаза; всецело отдавшись своему счастью, он слушал, как три столь любимых им человека веселятся под луной. И на несколько мгновений Россия вновь стала прежней.

Наталия притихла, провожая глазами Игоря, скрывшегося в доме.

Достаточно было со звоном захлопнуться окну на втором этаже, чтобы смех его смолк и лицо снова помрачнело. «Катя, должно быть, меня

уже хватилась», — извинился он, вставая. А Мише, пытавшемуся его удержать, сказал: «Я и так слишком замешкался. Надо еще проверить счета по имению». — «Счета, в такой час?» В голосе Миши прорвалось раздражение. Адичка поспешил вмешаться:

— Это я его попросил. И тебе бы не помешало сделать то же самое, а то ты интересуешься только лошадьми.

— К чему? Я тебе во всем доверяю.

— Он тоже.

— Разумеется. Но подневольный и напрасный труд — его конек. Вот, к примеру, Катя. Ты бы женился на ней, скажи? Спору нет, она очень мила, но все же…

Наталии не хотелось слушать дальше. Внезапный уход Игоря огорчил ее. Чутье подсказывало ей, что еще немного — и он открыл бы душу близким. Она чувствовала, что могла бы его приручить, вдохнуть в него немного присущего Белгородским жизнелюбия. Но Игорь уезжает послезавтра на рассвете… Наталия проклинала войну.

Она уже шла по дорожке, ведущей к пруду. Длинные тени от деревьев лежали на траве. По небу неслись облака. Легкий ветерок гнал их

куда-то.

Братья последовали за ней. Миша, все еще сердитый на Игоря, спросил:

— А тебе рассказывали, как вышло, что Игорь женился на Кате?

Адичка хотел было перебить его:

— Забудь ты эту нелепую историю. Мы даже не знаем, есть ли в ней хоть слово правды.

Но Миша будто не слышал его.

— Игорь и твой муж, в холостую пору, считались очень завидными женихами. Однажды на балу Игорь познакомился с Катей… Они танцевали вместе… о чем-то серьезно беседовали у всех на глазах… В общем, весьма банальная история. Когда настало время разъезжаться по домам, Игорь вызвался проводить девушку. И вот!

— Что — вот?

Наталии захотелось узнать продолжение. Миша, как заправский рассказчик, выдерживал паузу для пущего эффекта.

Адичка задумчиво глядел на уснувшее поместье. Этот безмятежный уголок земли — как вообразить себе его иным? «Все надо менять, — подумал он. — Начиная с нас самих». Ему, как это часто бывало, вспомнился Столыпин, у которого он служил и которым так восхищался. Когда его

застрелили в киевской опере, Адичка был рядом. Премьер умер на его глазах, и он плакал, точно потерял близкого родственника. Тогда же, с того самого дня, он перестал верить в либеральную Россию. Нынче вечером Адичка позавидовал легкомыслию младшего брата, его дару видеть во всем только хорошую сторону. Как оживлена с ним Наталия! Как смеется каждой его шутке! Эта приязнь между ними вдруг испугала его. Что, если он, Адичка, слишком стар для нее, слишком серьезен? От этой мысли у него сжалось сердце.

Миша наконец продолжил свой рассказ.

— Так вот, Катя возвращается домой, где ее поджидает мать, сразу признавшая экипаж Белгородских. Она требует подробнейшего отчета: вальсы, самые что ни на есть невинные разговоры и прочее. Под конец она спрашивает дочь: «Так что же, объяснился он или нет?» Катя, подумав, отвечает: «По пути домой, в коляске, он украдкой пожал мне руку и сказал: «Мы с вами как петроградские мосты. Расходимся, чтобы сойтись вновь, и сходимся, чтобы снова разойтись». Для матери этого было достаточно. На следующее утро она примчалась к нашим родителям и сообщила им, что Игорь и Катя помолвлены. Мама как могла пыталась помешать этому нелепому

браку. Но Катина мать сумела выставить Игоря виноватым — а он и без того сам вечно винит себя во всем — и убедила его, что он форменным образом скомпрометировал девушку.

— «Мы с вами как петроградские мосты. Расходимся, чтобы сойтись вновь, и сходимся, чтобы снова разойтись», — повторила Наталия. — Что он хотел этим сказать?

— Да ничего, в том-то и дело, что ровным счетом ничего!

Пруд серебристо блестел под луной. Плакучие ивы отражались в нем, как в зеркале. Концерт жаб и лягушек стал просто оглушительным. Слышно было, как они шуршат в камышах, в высокой траве. Порой раздавался плеск, и зеркальная гладь воды мутилась.

— Скажи мне, Натали… — Покончив с женитьбой брата, Миша заговорил необычайно серьезно. — Вы женаты уже три месяца, а ты все еще не беременна…

Но Наталия как раз заметила у самой дорожки большую жабу-певунью. Затаив дыхание, чтобы не спугнуть, она присела в траву в полушаге от нее. Ей были хорошо видны широкая, плоская голова, большущий, до ушей рот и туловище, такое грузное, что брюшко волочилось по земле.

Наталия не испытывала к ней отвращения, скорее наоборот; осторожно, кончиком пальца, она потрогала жабу. Прикосновение ее бородавчатой кожи было до странного непривычным, но понравилось ей.

— Вот Ксения сразу же забеременела. Ты, надеюсь, любишь детишек?

Видя, что она его не слушает, Миша повысил голос. Потревоженная жаба прыгнула и скрылась под низкими ветвями ивы. Оттуда донеслась ее рулада, которую подхватили десятки других жаб у пруда.

— Не докучай Натали нескромными вопросами, — мягко попросил Адичка.

Внезапно посвежело. Какой-то печалью повеяло от пруда и его берегов. Пурпурное облако наползло и скрыло луну. Наталии подумалось, что в этой августовской ночи уже ощущается дыхание осени, и ей стало немного грустно. Она поежилась, и Адичка поспешно набросил ей на плечи свою куртку.

Наталия обвила руками его шею. «Отнеси меня в дом, — попросила она, ласкаясь. — Я так устала сегодня». Мишу поразило просиявшее нежностью лицо брата. «Какие же вы дети!» — буркнул он недовольно. И запустил в воду один за другим

три камешка, распугав лягушек.

— Клубничное варенье, вишневое варенье с косточками и без. Яблочное варенье с ананасами и без. Варенье из рябины с лимоном…

Наталия громко и монотонно зачитывала список припасов, который составляли по приказу Ольги на протяжении всего августа. Все было скрупулезно занесено в толстую тетрадь в коленкоровой обложке, которая лежала всегда на одном и том же месте, на полке в буфетной. Наталию все это интересовало так мало, что она и вовсе забыла бы о существовании этого списка, если бы Адичка вчера не удивился, что пришлось есть дичь без маринованных вишен и без брусничного варенья.

Из кухни Наталия перешла в кладовую, битком набитую всевозможными домашними соленьями и вареньями. Ей, однако, показалось, что многого не хватает. Она не преминула сделать замечание экономке Паше. Это была женщина лет пятидесяти, высокая, худая и несколько мужеподобная; Адичка благоволил к ней, потому что знал ее с малых лет. На ее строгом лице красовались очки в металлической оправе. Говорила она мало, улыбалась редко. На сумбурные расспросы Наталии отвечала одно:

— Если запасы не пополнять, то и в самом богатом доме есть станет нечего.

— Ты лучше меня знаешь, что нужно делать. Не жди моих приказаний, действуй…

— Но княжна Ольга…

— Княжна Ольга выросла в этом доме. А я здесь всего полгода. Откуда же мне, по-твоему, все это знать?

Наталия едва не добавила: «Да я и не хочу проводить дни за подсчетом провизии», — но сдержалась, понимая, что подобная откровенность может обидеть Пашу.

На одной из полок выстроились в ряд банки с крупным черносливом и сушеными абрикосами. Несколько килограммов орехов, собранных две недели назад, ждали в корзинах невесть какой обработки.

Паша приоткрыла дверь в ледник. Там хранилось много бутылок и бутылочек. На вопрос Наталии Паша ответила, что это все настойки и наливки, а делаются они на ягодах или на листьях черной смородины, брусники и клюквы. Она также показала соленые и маринованные грибы всех видов, по-разному приготовленные, с учетом вкусов всех домочадцев Белгородских. Глаза Паши за стеклами очков вдруг заблестели, а голос,

обычно тихий и без выражения, словно окреп.

— Это все ты приготовила? — спросила Наталия.

Она едва расслышала «да», произнесенное почти шепотом. Паша зарделась как девушка. Наталия обняла ее и звонко расцеловала в обе щеки.

— Впредь заготовкой провизии будешь заниматься ты.

Паша хотела было возразить. Но Наталия жестом остановила ее и заговорила властно, что водилось за нею редко и потому обезоруживало собеседников.

— Я так хочу. Сегодня же я соберу прислугу и скажу всем, что отныне они должны слушаться только тебя.

Она протянула Паше тетрадь в коленкоровой обложке, набила карманы орехами и, напевая, покинула кладовую. Паша шла следом. «Я велю заквасить капусту, чтобы всем хватило на весь год», — сказала она в спину Наталии. Та не отвечала, и Паша добавила: «Это всегда делают по осени».

В последние несколько дней дожди и холода совершенно преобразили парк за окнами. Дважды налетавшая буря сорвала с деревьев последние

листья, и теперь они прели на земле. По аллеям, раскисшим, кое-где заваленным обломанными ветками, ходить становилось все труднее, несмотря на усердие садовников, которым было приказано их расчищать. Наталия, собиравшаяся наведаться в коровник, отказалась от этой мысли.

Наморщив от досады нос, она смотрела на дождь, который лил не переставая, заволакивая пеленой все вокруг. Зарядило, видно, надолго, и она начинала жалеть, что осталась в деревне. Адичка, боясь, что жена заскучает, не раз предлагал ей провести часть осени и зимы в Петрограде. Но Наталия отказывалась, она и помыслить не могла о разлуке с ним. Больше всего ей хотелось, чтобы они уехали вместе, и она терпеливо, насколько могла, ждала, когда он сможет вырваться. Отъезд уже несколько раз откладывался и по сей день оставался под вопросом. Многочисленные заседания в уезде и волости отнимали у Адички время, которого и без того было в обрез.

Из-за непогоды Наталия перестала ездить с мужем верхом, когда он объезжал поместье. Она теперь не гуляла, не играла в теннис. Больницей тоже больше не занималась. Оставалась школа, где она время от времени бывала, когда ее вдруг

одолевало желание хоть чем-то заняться. Ей нравилось общество учителя, молодого человека, беззаветно преданного своему делу и детям. Его терпение и вера восхищали Наталию. Ничто не могло заставить его опустить руки — ни лень учеников, ни равнодушие их родителей. Его уроки были для Наталии наукой и развлечением одновременно. На ее глазах маленькие упрямцы и невежды вдруг словно выходили из спячки, пробуждаясь к новой жизни. «Возьми на себя хоть один класс, — советовала ей Ольга. — Мы все учили детей». Наталия не отказывалась прямо, но медлила. «Ладно, потом», — неопределенно отвечала она.

От большой, выложенной белым кафелем печи разливалось приятное тепло. Наталия позвонила и велела дворецкому затопить также все камины на первом этаже. Скоро стемнеет, Адичка выйдет из своего кабинета, и они смогут поболтать, помузицировать или почитать рядышком в маленькой малиновой гостиной.

Наталии было скучно. Она раздумывала, чем заняться — всплакнуть над своей горькой долей, написать родным или взяться за новый роман. А пока рассматривала свое отражение в большом венецианском зеркале. Стриженые волосы? Уже

отросли. Подбородок? Слишком острый. Глаза? Слишком карие. Наталия вздохнула и попробовала принять несколько театральных поз — одна выражала печаль, другая истому, третья скорбь.

— Почему бы тебе не съездить к Козетте? До нее всего двадцать верст.

Адичка вошел бесшумно: ему были дороги эти мгновения, когда он, заставая жену одну, мог тайком любоваться ею. Он подошел к ней, поцеловал руку, запястье. Лицо Наталии тотчас просияло улыбкой.

— Я велела, чтобы затопили все камины, — серьезно сообщила она.

— Да ты становишься отменной хозяйкой!

— Я стараюсь.

Он увлек ее за собой в маленькую малиновую гостиную, где было уютней и теплей, чем в большой серо-желтой, которую они предпочитали летом. В камине пылал огонь, отсветы играли на мебели из карельской березы, зажигали блеском серебряные кубки, на которых неизвестный художник восемнадцатого века выгравировал сценки из русской жизни. Горничная уже закрыла ставни и задергивала двойные гардины. На дворе совсем стемнело, то ли оттого, что уже наступила ночь, то ли из-за низкого, набухшего

тяжелыми тучами неба.

Адичка устроился в кресле, лицом к огню, а Наталия, по своему обыкновению, на низкой скамеечке у его ног. Они поговорили немного о реке, грозившей выйти из берегов, потом оба умолкли. Дождь яростно хлестал по ставням: похоже, надвигалась новая буря. Адичка первым нарушил затянувшееся молчание:

— Сегодня утром я получил письмо от мамы. В Петрограде хуже день ото дня, обстановка скверная, кругом клевета и подозрительность… Ходят слухи о бойне на передовой и об оргиях в тылу… Пресса помалкивает, но по рукам ходят карикатуры, изображающие Распутина и императрицу в непристойных позах… Повсюду у продуктовых магазинов очереди, и цены постоянно растут… Да еще с каждым днем все больше забастовок и демонстраций! Как спасти нашу страну?

— Убить Распутина.

Ее ответ — а говорила она вполне серьезно — Адичку не шокировал. Наталия в своей непосредственности выпалила то, что многие думали, а кое-кто и говорил открыто.

— Мама пишет, что молодые люди затевают заговор против Распутина и что среди них наш Миша…

Адичка достал письмо из кармана куртки. Наталия узнала изящный почерк свекрови, и внушительное количество листков было ей не в новинку. Ей даже почудилось, что от письма исходит едва уловимый аромат мелиссы. И от этого запаха ей вдруг непонятно почему захотелось горячего шоколада. Она представила себе чашку шоколада, очень темного и очень сладкого, — и хорошо бы к нему подали толстые куски хлеба с маслом.

Адичка наклонился к лампе, чтобы легче было читать.

— «Миша перед отъездом на фронт провел несколько дней у нас на Фонтанке. Он еще не забыл, как нашего чемпиона обошли на сентябрьских бегах, но говорит об этом меньше. Зато чересчур много говорит о неком заговоре с целью устранения Распутина. Он и многие из его друзей, очевидно, готовы на его убийство. На словах, по крайней мере… Я уговаривала его молчать и хранить это в тайне. Но ты же знаешь, какой он: беспечный, ребячливый, любит прихвастнуть. Он и его друзья уже видят себя освободителями России. Миша также возобновил знакомство с великим князем Дмитрием Павловичем, двоюродным братом императора, с которым он

дружил когда-то в Царском Селе. Что до Ксении, то она с восторгом нянчит детей и составляет гороскопы о судьбе России, один другого трагичнее. Мы, хоть и призываем ее к благоразумию, все же порой невольно поражаемся ее прогнозам. Так, она убеждена, что Распутин будет убит до конца года».

Он сложил письмо и, казалось, погрузился в мрачные думы. Наталия, не сводя с него внимательных глаз, раздумывала: попросить сейчас же горячего шоколада или подождать, пока он заговорит? Но он так и не заговорил, обуреваемый противоречивыми и печальными размышлениями. Может ли смерть одного человека что-либо изменить в нынешнем бедственном положении России? Можно ли желать смерти этого человека, сколь бы пагубны ни были его дела? Адичка с горечью думал обо всех молодых людях, которых ему опять предстояло забрить в солдаты, чтобы пополнить гибнущую армию. Как не думать о том, что он посылает их на верную смерть? «На бойню, — говорил Игорь и часто добавлял: — Что с того, что мало пушек, если пушечного мяса хватает».

Наталия придвинулась поближе к камину из розового мрамора, который она находила самым

изящным в доме — отчасти потому, что он был невелик, но особенно из-за цвета, напоминавшего ей об Италии и французской Ривьере. От жара у нее запылали щеки, а в голове все крутилась мысль о горячем шоколаде: «К нему бы рулет с вареньем. Или кусок торта. Орехового торта, готовят ли здесь такой?» Она хотела было позвонить горничной и вдруг услышала, как муж тихо произнес: «Нет». Безнадежная усталость отразилась в его глазах, и Наталия поняла, что он забыл о ее присутствии, что был сейчас у огня один. Это отчаяние, которого она не должна была видеть, ужаснуло ее. Она ведь так в него верила! Что станется с ними всеми, если он поддастся страху и унынию?

— Адичка!

Его имя, произнесенное с тревогой, заставило его очнуться. Он увидел раскрасневшееся, обеспокоенное лицо жены, обращенное к нему.

— Ты сидишь слишком близко к огню. — Он протянул руку, погладил щеки и лоб Наталии: — Да ты вся горишь.

Он улыбнулся ей умиротворенно и счастливо. Наталия обняла его ноги и положила голову ему на колени. Ей нравилось прижиматься к его высоким сапогам для верховой езды, вдыхать запах

кожи и другой, едва различимый, запах английской лавандовой воды, которой он пользовался по утрам, когда брился. Теперь ей было с ним надежно и спокойно.

— О чем ты задумался?

— О России. Я не вижу для нас никакого выхода. Эта война ужасна, но бросить французских союзников и принять сепаратный мир с Германией непорядочно. В остальном же… Народ хочет мира и земли. Однако идет война, и помещики не желают отдавать землю. А ведь, возможно, это был бы первый шаг… Как ты думаешь?

— Не знаю. Я слушаю тебя, учусь, умнею.

Сама того не сознавая, она заговорила «тоном маленькой девочки», как называл это ее муж. И на мгновение Адичка вновь увидел ее двенадцатилетней, танцующей у новогодней елки. Увидел отчетливо, как на фотографии: длинные косы, веселый, задорный взгляд, платье из темного бархата, которое она надела в первый раз. Сколько же ему тогда было лет? Двадцать пять? Двадцать шесть? А как будто вчера. Он и не подозревал тогда, как сильно влюбится в нее всего пять зим спустя. В тот день они катались на коньках по льду замерзшего озера под Петроградом. Компания была большая, но он видел

одну Наталию, ее длинные косы, ниспадающие из-под меховой шапочки, ее сосредоточенное, разрумянившееся на морозе лицо. Она не просто каталась, как все, — она танцевала. Выписывала коньками фигуры, порой прерывая танец, чтобы пробежаться наперегонки с мальчишками.

— Как ты смотришь на то, чтобы мы провели Рождество и Новый год у мамы? В Петрограде?

Наталия оживленно встрепенулась:

— Всей семьей? На Фонтанке?

— Всей семьей. И я смогу образумить Мишу. Эти слухи о заговоре мне не нравятся. Удалить Распутина — да, но убить его — нет. Никто от этого ничего не выиграет.

Наталия ответила жестом, означавшим одновременно «ты прав», «что мне Распутин» и «довольно об этом». И, напевая мелодию вальса, она, как та девочка с длинными косами, закружилась между кресел и столиков малиновой гостиной.

Из дневника Адички

12 октября 1916

Ветер, дождь. Строю новый крытый загон для ланей. Ездили завтракать к Козетте и Николаю Ловским; недавно он потерял младшего

брата. После завтрака мы проводили их на вокзал в Волосово, откуда они уехали в Москву.

17 октября 1916

Война все более непопулярна. Люди скрываются, чтобы уклониться от призыва. Работать в комитете по мобилизации становится с каждым днем все трудней. Однако враждебности лично ко мне пока что нет. Электрогенератор сутки не работал, и мы с Натали были вынуждены репетировать сонату Бетховена при свечах.

30 октября 1916

Река вышла из берегов. Несколько лугов затоплено. Я подарил школе новые книги, и наша библиотека насчитывает теперь две тысячи томов. Заказал также новые парты. Зимой в школу ходят сто пятьдесят восемь детей, две трети из которых усердны, по отзыву учителя. Натали в третий раз перечитывает «Пармскую обитель». Она говорит мне: «В первый раз я была Фабрицио дель Донго. Во второй — Клелией Конти, а теперь я — Сансеверина, это всего утомительней». Мои попытки заставить ее оценить Блока, Есенина, Анну Ахматову так и не увенчались успехом. Но я не теряю надежды когда-нибудь привить ей любовь к новой русской поэзии.

15 ноября 1916

Первые метели. Зима обещает быть на редкость суровой. Я приказал послать маме на Фонтанку сахару, муки, дичи и сливовой настойки. Паша полностью преобразила кухню. Поразительно, как она сумела поставить себя всего за месяц. У фокстерьерши Натси родились три очаровательных щенка сомнительной породы. Натали из любви к Франции назвала их Канн, Ницца и Ментона. Если отцом окажется один из Мишиных борзых кобелей, то страшно подумать, что из них вырастет. Какова смесь!

20 ноября 1916

Олег, мой управляющий, ладит с крестьянами все хуже. Трое уполномоченных приходили ко мне с прошением уволить его. Я отказал. Начал работу над проектом заповедника растений, птиц и животных. Несколько сот десятин земли будут отведены под сохранение исчезающих видов. Много снега. По вечерам читаем и музицируем в малиновой гостиной.

2 декабря 1916

Вчера набат возвестил о пожаре; к счастью, огонь удалось быстро потушить. Загорелось, судя по всему, случайно. Волнений в соседних уездах немного. У нас все спокойно. Натали с Козеттой катаются на коньках на замерзшем пруду.

Когда-то я был лучшим конькобежцем третьей гимназии. Увы, не имею ни секунды свободной, чтобы покататься с ними. Одно заседание за другим в Сорокинске и Воринке.

22 декабря 1916

Мы с Натали наконец едем. Уезжаем сегодня пополудни, но не знаем, когда доберемся до Петрограда: после метелей пути завалены снегом и поезда ходят плохо. От мамы мы узнали об убийстве Распутина в ночь с 16 на 17 декабря. Кажется, действительно существовал заговор, возглавляли который князь Феликс Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович. Натали настояла, чтобы мы выпили за смерть «колдуна». Я же думаю, что это событие плохо повлияет на крестьян и рабочих: дворяне убили одного из них — вот что это означает для них.

Письмо Распутина

(*адресовано Их Величествам и передано им после смерти Распутина его секретарем Ароном Симановичем*)

«Если я приму смерть от руки простых убийц, если меня убьют братья мои, русские крестьяне, тогда ты, царь Всея Руси, не опасайся за детей своих. Царствовать им в веках. Но если я паду

от руки дворян, если люди знатные прольют мою кровь, не смыть им ее с рук своих двадцать пять лет. И придется им покинуть Россию. И пойдет брат на брата, и будут они истреблять друг друга и ненавидеть, и через двадцать пять лет не останется вовсе в стране дворянства. Царь земли русской, когда услышишь ты колокол, возвещающий, что я убит, знай: если кто-то из твоих родных причастен к моей смерти, никто из семьи твоей, ни один из детей твоих не проживет больше двух лет. Их убьет русский народ».

Из дневника Адички

5 января 1917

Петроград. Мы отпраздновали Новый год у мамы на Фонтанке. Слава Богу, собрались все: Игорь с Екатериной, Миша с Ксенией и много родных. Мы с Натали устроили концерт, в программе — Моцарт и Бетховен. «Музыка не имеет национальности», — сказала Натали в оправдание столь явно немецких предпочтений. Новогодних елок в этом году опять никто не ставит: говорят, немецкий обычай. Дети первыми отказались от этого баловства. Мы гордимся нашими маленькими патриотами. Когда все члены семьи собираются наконец-то вместе,

мы так счастливы, что не замечаем лишений и трудностей быта. Я заехал с визитом к великому князю Николаю Михайловичу, чтобы выразить ему мою солидарность. За то, что он в письме высказался в защиту убийц Распутина, Николай II приказал посадить его под домашний арест. Во главе заговора действительно стояли князь Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович. Миша в эти дни, 15–19 декабря, находился за пятьсот километров. Для нас было большим облегчением узнать, что он к этой истории не причастен.

9 января 1917

Три дня рождения сразу: Натали — ей завтра исполняется девятнадцать лет, — мамин и Игоря. Раздали подарки, было очень весело. Потом — служба в церкви и завтрак. Во второй половине дня — прием в большой гостиной, много родных и друзей. После обеда приехали еще гости, а поздно вечером мы ужинали в семейном кругу.

20 января 1917

Миша и Игорь вернулись в свои части. Мы с Натали завтра уезжаем в Байгору.

26 января 1917

Байгора. Из-за ветра и бурана еле добрались до поместья. Дороги занесло снегом.

28 января 1917

Сильная метель. Я отложил поездку в Галич.

4 февраля 1917

Я по-прежнему очень занят в комитете по мобилизации. Сорокинск практически отрезан. Мне пришлось долго добираться до Байгоры. Натали старается не подавать виду, что тревожится за меня. Она читает по-французски «Принцессу Киевскую» госпожи де Лафайет.

8 февраля 1917

С утра лютый мороз. Минус 24. Мы никуда не выходим. Почты нет уже три дня. Натали принимает очень близко к сердцу любовные неурядицы принцессы Клевской. Кажется, эта любовь волнует ее больше, чем судьба России.

18 февраля 1917

Температура повышается, днем плюс два. Сегодня в первый раз пригрело солнце. Тревожные вести из Петрограда. Натали говорит, что почувствовала некоторую враждебность со стороны крестьянок, собиравших хворост, когда они с Козеттой катались на коньках на пруду.

3 марта 1917

С утра такой густой туман, что мне пришлось отложить на вторую половину дня все поездки в волость. Минус 13. Из телеграммы мы узнали, что царь отрекся от престола.

4 марта 1917

Пришла телеграмма из Петрограда: погиб Игорь. Никаких подробностей. Мы тотчас же отправились в Волосово, чтобы выехать первым поездом в Петроград. Ждали на вокзале всю ночь. Поезд так и не пришел.

5 марта 1917

Поезд пришел только в полдень. О революции мы узнали от Николая, который привез нам поесть.

6 марта 1917

Два часа простояли в Москве. Несметная толпа, красные флаги.

7 марта 1917

Поезд так опоздал, что мы не успели к отпеванию в Александро-Невскую лавру. Поехали прямо на Фонтанку.

8 марта 1917

Рано утром мы с мамой и Ольгой пошли в лавру помолиться у гроба Игоря. Он погиб в Петрограде от смертельной раны: пуля попала в него, когда он ехал в машине с военным министром Временного правительства. Игорь пытался убедить восставших солдат вернуться в казармы. Всю вторую половину дня я провел у министра земледелия, либерала Шингарева. Никакого толку.

Или это я не в состоянии понять, что происходит? Рушится наш мир, а я думаю только об Игоре. Брат мой, дорогой брат!

9 марта 1917

В газете «Вечер» написано: «Санитарная часть № 11 потеряла в лице Игоря Белгородского геройского и всеми любимого командира, который с самого начала войны взял на себя организацию помощи нашим войскам. Его деятельность на передовой, его энергия и преданность своему делу навсегда останутся в памяти наших солдат».

11 марта 1917

Заупокойная служба по Игорю в Александро-Невской лавре. Мы все стараемся следовать маминому примеру и не давать воли нашему горю. Ксения и Натали по очереди дежурят у постели Екатерины, она лежит в горячке. Я беседовал с князем Львовым, председателем Временного правительства и министром внутренних дел, — впечатление неважное.

20 марта 1917

Неделя началась с мятежа. Толпа громила магазины, жгла двуглавых орлов — символ тирании для этих людей; хуже того, на моих глазах офицеры сдирали с эполетов царские вензеля. Только что, когда я вновь ехал к министру Шингареву,

мне навстречу попалась группа солдат, разгуливающих с папиросами в зубах и винтовками наперевес. С тех пор как им позволено не отдавать честь, все идет вразброд. Шингарева, однако, я нашел веселым и полным энергии.

23 марта 1917

День похорон жертв революции, в траурной процессии — миллионная толпа мужчин и женщин. Каких жертв? Всех погибших, «их и наших», как сказано в газетах. Мы с Натали были на улице с девяти утра. Люди шли весь день, стройными колоннами, со скорбными лицами и пели, чередуя заунывную «Марсельезу» с «Похоронным маршем» Шопена.

26 марта 1917

Съезд партии кадетов, единственной хорошо организованной силы, способной, на мой взгляд, противостоять левацким группировкам. У всех остальных — одно словоблудие. Митинги один за другим, и на них постоянно поют «Марсельезу». Но эта «Марсельеза», заунывная, протяжная и монотонная, мало похожа на французскую, дорогую сердцу Натали.

«Русская «Марсельеза», — сказала Натали с презрением. Вечером всенощная на Фонтанке: Вербное воскресенье.

27 марта 1917

Съезд партии кадетов. Мое первое выступление перед многочисленной и возбужденной публикой. В зале — министры, Ксения с Натали.

29 марта 1917

Весь день шли демонстрации женщин. Я видел, как они шагали тесными рядами и вдохновенно скандировали: «Режь, грабь, жги!» — размахивая красными флагами. Однако, проходя мимо собора святого Николы Морского, все перекрестились. И тотчас же снова: «Режь, грабь, жги!»

30 марта 1917

Чистый четверг. Мы причастились в церкви на Фонтанке.

31 марта 1917

Заутреня и всенощная на Фонтанке. Днем я имел беседу с эсером Керенским, тридцатипятилетним министром юстиции. Нашел его нервным, раздражительным и жаждущим популярности.

2 апреля 1917

Пасхальная служба в церкви на Фонтанке. Затем поехали разговляться к родителям Ксении. Мы все делали вид, что веселимся, и нам это почти удалось. Дети были в восторге. Мне хотелось бы подольше побыть с мамой, но неотложные

дела призывают меня в Байгору. Мы с Натали уезжаем завтра. Мама и сама на этом настаивает. Позже она приедет с родными и привезет гроб Игоря, чтобы похоронить его в Байгоре, в родовой усыпальнице, рядом с отцом. Такова была воля Игоря, и мы должны ее исполнить.

12 апреля 1917

Байгора. Погода на редкость теплая, солнце и дождь. Я провел весь день в Галиче, в исполнительном комитете с уездным комиссаром. Интереснейшая смесь идей и лиц. Впечатление неплохое: много энергии и подлинное стремление работать на благо. Все очень быстро меняется.

14 апреля 1917

Заутреня в нашей церкви в Байгоре. Было много народу. В четыре часа ко мне пришли просить принять участие в сходке соседней деревни и посоветовать, кого выбрать в местный комитет. В деревне идеальный порядок. Пока голосовали, я наведался в школу и удостоверился, что детей учат превосходно. Затем я произнес длинную речь. После этого мне задали много вопросов. Обстановка самая теплая.

20 апреля 1917

В деревнях начинают создаваться комитеты для подготовки земельной реформы, в результате

которой большую часть земли передадут крестьянам. Я участвую в создании этих комитетов и всячески их поддерживаю. Реформа безусловно необходима и народу, и помещикам. Весна, поля зеленеют, прилетели жаворонки и журавли.

1 мая 1917

Вчера крестьяне из соседних деревень пригласили меня отпраздновать с ними Первое мая. Обстановка по-прежнему самая теплая. Утром мы с Натали ходили к заутрене, затем был отслужен благодарственный молебен, произносились речи под открытым небом. После завтрака процессия из пятисот человек вошла в усадьбу, размахивая красными флагами. Мы с Натали вышли навстречу. Крестьяне смеялись и пели, радуясь, что мы оказываем им такую честь. Атмосфера всеобщего ликования. Фотографировались. Речи, объятия. Все в цвету; ужасная зима осталась далеко позади. Увы, Нева — одна из трех Мишиных борзых — побегав по лесу, вернулась смертельно раненная. Я отнес ее к ветеринару, но беднягу пришлось пристрелить. Две оставшиеся псины безутешны и всюду ходят теперь за мной по пятам. Натали взяла их к нам в дом, и они живут душа в душу с Натси и тремя ее щенками.

6 мая 1917

Уступая просьбам крестьянам, я продолжаю присутствовать на их сходках. Вот уже несколько дней пытаюсь организовать исполнительный комитет. Вчера предложил им значительную сумму денег на образование. Никакой враждебности, самая теплая обстановка. «Лучшего и желать нельзя», — говорит Натали; на людях она поддерживает меня во всем, но дома тревожится при мысли, что нашу землю придется делить. Она каждый день играет на фортепьяно. Всякая фальшь и жеманство противны ее природе; она способна проявить и незаурядную энергию, и удивительную чуткость. Я не устаю восхищаться ею.

8 мая 1917

Повсюду дебаты о земельной собственности. С реформой не торопятся, хотя следовало бы, наоборот, провести ее как можно скорей. Среди крестьян начинаются разговоры о том, что землю надо захватить немедленно. Большевистская газета «Правда», которую теперь распространяют в деревнях, всячески способствует этому. Я пытаюсь спорить с крестьянами. Уездный же комиссар вовсе не желает их слушать. Я считаю, что закрывать глаза на перемены столь же глупо, сколь и опасно. Но кто всех перещеголял, так это Миша! Когда я сообщил ему по телефону о смерти

его борзой, он разрыдался, а затем накинулся на меня с упреками. Россия в огне и крови, а моего брата волнует одно: как и почему погибла его собака!

11 мая 1917

В волости появились какие-то агитаторы и подстрекают наших крестьян к бунту. У меня в усадьбе один такой горланил, забравшись на бочку: «Вы теперь свободные люди! Берите себе землю, а тех, кто ее не отдает, убейте!» Мне пришлось дать ему отповедь. Но, невзирая на откровенную враждебность моих крестьян, я рассказал им о грядущем справедливом и законном переделе земли. Под конец мне даже аплодировали, а Григорий, один из лучших батраков, заметил: «Хорошо говоришь, ваше сиятельство, стоит тебе рот открыть — и мы все с тобой согласные».

13 мая 1917

Волна агитации захлестнула губернию. Не знаю, кто эти агитаторы, но все больше крестьян слушают их. В Байгоре пока спокойно, но я на всякий случай телеграфировал маме, чтобы она не брала с собой никого из детей, кроме Дафны и Татьяны. Мой зять Леонид остается, чтобы присмотреть за детьми и защитить их в случае

чего. Петроград превратился в пороховую бочку, рвануть может где угодно и когда угодно. Гроб с телом Игоря прибывает завтра, родные тоже. Натали расставляет в доме букеты цветов, возится с ланями и телятами как ни в чем не бывало. Она хочет расширить свой розарий и говорит, что неплохо бы поставить там беседку. Я же надеюсь в скором времени сделать ей сюрприз: вольеру.

Екатерина плакала не переставая с самого приезда в Байгору, вот уже несколько часов. В поезде ее рвало, и она грозила, что ей опять будет плохо, если ее заставят присутствовать на семейном обеде Белгородских. Миши не было — ему не удалось вырваться с фронта. Надеялись, что он приедет завтра-послезавтра, но, ничего не зная наверняка, решили хоронить без него.

Горе Екатерины пересилило сдержанность Марии, и она, прежде такая внешне невозмутимая, теперь лила слезы вместе с невесткой. Они сидели, обнявшись, на диване в большой гостиной, а дворецкий, заглядывая, спрашивал, «не прикажут ли отменить обед». «Нет, ни в коем случае», — устало отвечал Адичка.

Последние сутки дались ему тяжело. Крестьяне роптали, не желая, чтобы Игоря хоронили в усыпальнице. Адичка пытался договориться с ними,

увещевал. Но все напрасно. Эти люди помнили кровавую расправу 1905 года и не забыли, что Игорь присутствовал при казни. Их решимость в конце концов поколебала Адичку, и он поделился своей тревогой с сестрой Ольгой, как только та сошла с поезда. «Что ты думаешь делать? — спросила молодая женщина. — Отправить гроб назад в Александро-Невскую лавру?.. Отложить похороны, пока все не уляжется?» Ольга едва не вспылила: «Нельзя поддаваться на угрозы каких-то смутьянов! Нельзя давать им потачку, это позор!» Она была настроена так решительно, что Адичка сдался. Однако напоследок сказал: «Тебе хорошо говорить, ты у нас, конечно, самая смелая. Но ты и вся родня — вы скоро уедете. А мы с Натали останемся, и расхлебывать все это придется нам». Эта фраза теперь не давала ему покоя. В нем шевельнулось предчувствие — но, может быть, виновата в этом была физическая усталость? — что его конфликт с крестьянами будет на руку всяким агитаторам и что это грозит опасностью для него и его близких. В то же время он корил себя за недостаток мужества и в душе одобрял Ольгину твердость. Гроб уже принесли в церковь, и состоялась первая, короткая, панихида; пока все обошлось, если не считать некоторой

сутолоки в дверях.

Плач сидевших на диване женщин отвлек его от тревожных мыслей.

— Мама! Катя! Возьмите же себя в руки! — воскликнул он, изо всех сил стараясь сохранить тон главы семьи.

Ксения меж тем ходила кругами по гостиной, ломая руки, и все повторяла: «Как это ужасно! Бедный, бедный Игорь!» Адичка посмотрел на нее строгим взглядом, и она так и застыла с открытым ртом, точно статуя. Даже ее дыхания не было слышно.

Наталия сидела за белым роялем и тихонько наигрывала первые такты ноктюрна Шопена; лицо ее было бесстрастно, казалось, горе семьи не имело к ней отношения. Возле ног Наталии, спрятавшись под роялем, ее сестра Татьяна и Ольгина дочка Дафна играли с Канном, Ниццей и Ментоной, шустрыми, невоспитанными, но ласковыми щенками. Одной девочке было двенадцать лет, другой восемь, из всех детей только их взяли на похороны. Время от времени колокольчиком рассыпался Татьянин смех. От этих-то звуков Мария чуть-чуть приободрилась. Она вытерла слезы, свои и Екатерининых, и встала; ее прекрасное лицо снова было спокойно.

— Идем обедать, Катя.

Но Екатерина расплакалась еще горше. Лицо ее, шея и плечи пошли красными пятнами. Ольга решительно шагнула к невестке:

— Довольно, возьми себя в руки. Как ты завтра выдержишь похороны, если уже довела себя до такого состояния?

Она взяла было ее под руку, но Екатерина вырвалась с неожиданной силой.

Адичка подошел к Наталии, которая по-прежнему сидела склоненная над клавишами, с закрытыми глазами, вся растворившись в музыке Шопена.

— Прошу тебя, — сказал он, — отведи ее в спальню, кажется, с ней сейчас случится истерика. Сделай ей холодный компресс, уложи в постель и приходи обедать.

Наталия недовольно обернулась к нему:

— Это же Ольга у нас сестра милосердия, а не я…

Его лицо было усталое, осунувшееся от недосыпания и тревог. Глаза умоляли. Наталия впервые видела мужа таким, и еще она заметила у него седину — тоже впервые.

— Я все сделаю. Начинайте обедать без меня.

Ольга тем временем стояла у дивана и раз-

драженно увещевала Екатерину, взывая к хладнокровию и выдержке, фамильным качествам Белгородских. «Оставь ее. Ты что, не видишь, что только сильней ее нервируешь?» — прошептала Наталия. «А тебя кто спрашивает?» — отозвалась Ольга.

Но Наталия была уже рядом с Екатериной. Она обняла ее, стала гладить по голове, зашептала ей на ухо слова утешения. Это было что-то новое, удивившее всех: оказалось, что Наталия, подчас такая резкая, умеет быть и нежной.

— Иногда твоя жена меня просто поражает, — бросила Ольга брату.

Склонившись над тазом, Екатерина прикладывала к лицу мокрое полотенце. От холодной воды красные пятна зардели еще ярче, но ей немного полегчало. За дверью, в спальне, Наталия уже постелила постель, взбила подушки. Она ждала, сдерживая нетерпение, когда Екатерина соизволит наконец прийти и лечь. Екатерина поймала ее взгляд в зеркале, висевшем над умывальным столиком.

— Я беременна, — выпалила она. И, повернувшись к невестке лицом, продолжала: — Уже четыре месяца. Я пыталась избавиться, но ничего не получилось. Я не хочу второго ребенка.

Наталия отвернулась, пряча потрясенное лицо. На языке у нее вертелся вопрос, который она не смела произнести вслух, но Екатерина сама догадалась:

— Я беременна от Игоря. Мы не ладили, но я никогда ему не изменяла.

Она опять была на грани истерики, нервно теребила платье, не замечая судорожных движений своих рук. Ее пылающее лицо стало багровым. Черепаховая шпилька выпала из прически на ковер, и Екатерина в ярости раздавила ее ногой.

Из парка веяло запахом клевера и мяты. Еще несколько дней — и зацветет первая сирень. Не зная, чем еще помочь невестке, Наталия отошла к окну. Все было спокойно. На лужайке, отведенной для детских игр, она заметила Татьяну и Дафну — две прижавшиеся друг к другу фигурки раскачивались на качелях. Девочки смеялись так громко, что их было слышно издалека. Наталии стало обидно до слез, что ей нельзя разделить их забавы, как в тот день, накануне ее свадьбы, всего лишь год назад. Она отвернулась от окна и посмотрела на Екатерину:

— Игорь знал, что ты беременна?

— Нет, я ведь хотела избавиться.

— Какая жалость! Он был бы так счастлив!

Искренность, с которой вырвались у Наталии эти слова, вызвала у Екатерины новую вспышку гнева.

— Игорь умер! Какая разница, знал он или не знал! А я осталась одна с трехлетним ребенком на руках, и скоро появится еще один, которого я не хочу! Понимаешь, одна!

Она бросилась на кровать и снова залилась слезами. Наталия и рада была бы пожалеть невестку, но мысль ее неотвязно возвращалась к Игорю. Он так и стоял у нее перед глазами, играющий с сынишкой, спорящий о хозяйстве с братьями. Ей вспомнилось, как он смеялся в тот августовский вечер, когда они пели вместе с жабами. И при мысли, что больше она никогда его не увидит, горе, которое Наталия до сих пор старательно прятала, захлестнуло ее, грозя прорваться наружу. Она закусила руку, чтобы не заплакать. Ее взгляд стал жестким. Теперь ей были противны стенания невестки, эти слезы, которые она проливала не по погибшему мужу, а по себе.

— Ты не одна, — сказала Наталия. — У нас очень дружная семья. Ребенок Игоря — это свято. Все будут рады ему, будут его любить. Мы позаботимся и о нем, и о тебе, и о твоем сынишке.

— А если я не хочу, чтобы вы обо мне заботи-

лись? — вскинулась Екатерина.

Ее вновь охватила такая ярость, что она даже забыла о своем горе; вскочив, она бросилась к Наталии.

— Выдержка Белгородских! Достоинство и честь Белгородских! Их широкая натура! Их родственные узы! О да, в этой семье крепко держатся друг друга! Но мне-то что с того, если я беременна и не хочу этого ребенка! Ребенок Игоря — это свято, говоришь? А как же я? Я!

Екатерина говорила с таким напором, что Наталия не могла даже вставить слово, попросить ее замолчать. Она злилась, была голодна, ей надоело ссориться. Пусть Екатерина кричит, сколько душе угодно, но в одиночестве. Наталия хотела было уйти, но невестка загородила дверь, не выпуская ее из комнаты. Прекрасные зеленые глаза по-кошачьи прищурились, взгляд застыл. Красные пятна на шее и плечах исчезли. Внезапно она совершенно успокоилась.

— Вот как, ты мне расхваливаешь семью? Говоришь, что ребенок Игоря — это свято. А сама чего ждешь, у тебя-то почему нет ребенка? Ты уже год замужем — и ничего! Ни разу не забеременела! Как тебе удается? Как ты избавляешься от этого? Или скажешь, что ты еще девственница?

Рука Наталии взлетела сама собой, и затрещина пришлась Екатерине по виску. Наталия замахнулась снова, но тут из парка донесся детский визг, и она метнулась к окну. Ее сестра и Дафна бежали к дому, а пустые качели еще тихонько покачивались.

Еще много лет спустя Татьяна не могла удержаться от смеха, вспоминая эту сцену.

«Взрослые были сами не свои из-за всех этих угроз в связи с похоронами дяди Игоря, и на нас никто не обращал внимания. После обеда мы пошли играть в сад. У ворот в траве громко квакала большая жаба. Дафнушка тут же поймала жабу и вздумала покачать ее на качелях. Сказано — сделано. И вот мы качаемся втроем: я, Дафнушка и жаба. Раскачиваемся, вверх-вниз, все выше и выше, а жабу придерживаем с двух сторон коленками. И вдруг на нас как брызнет что-то зеленоватое, с таким неприятным запахом! Это жабу вырвало. Представляете, ее укачало на качелях! Увидев нас, Наталия расплакалась. Мы не понимали почему, и нас это сильно испугало. До того, что мы даже отправились спать без разговоров. А когда поднимались по лестнице, услышали, как она расхохоталась. Теперь-то я понимаю, что нервы у сестры были на пределе».

За столом Наталия рассказала историю про жабу на качелях и несколько развеселила всех. Стали вспоминать забавные случаи из детских игр с животными. Даже старый дворецкий Костя позволил себе вставить слово, подавая ей тарелку раков:

— Вот ваш муж в детстве — он бы никогда такого не сделал. Он природу очень любил и всякую живую тварь понимал. Бывало, целыми днями пропадал с биноклем и тетрадкой, все наблюдения свои записывал.

— Мы смеялись над ним и звали великим натуралистом, — подхватила Ольга.

— Но все восхищались его умом и широтой познаний. Он знал названия всех деревьев, всех насекомых и всех птиц, — добавила Мария.

Она с любовью смотрела на старшего сына, который по-прежнему был для нее средоточием всех на свете достоинств. Адичка застенчиво улыбался, как будто смущенный тем, что говорят о нем. На самом же деле он вовсе не слушал разговора. Мысли его то и дело возвращались к похоронам Игоря. Хоронить или не хоронить брата в усыпальнице? Несколько часов назад Адичка вместе с Ольгой принял решение, но теперь снова сомневался. В открытое окно он видел

людей, столпившихся на краю большого луга. Лиц на таком расстоянии различить он не мог.

— Когда мама ляжет, приходи ко мне в кабинет, — шепнул он на ухо Ольге.

Та незаметно опустила веки в знак согласия и поднялась, давая понять, что обед окончен и можно встать из-за стола.

— Костя, — распорядилась она, — подай нам кофе в серо-желтую гостиную, там будет лучше, чем в малиновой. Ты затопил камин, как я тебе приказывала? — Взгляд ее встретился с внезапно потемневшими глазами Наталии. — Прости, дорогая, опять я забыла, что хозяйка дома — ты.

Ольга толкнула дверь кабинета и удивилась, застав у брата целое общество: священника, который служил панихиду, управляющего и Козетту и Николая Ловских — они только что приехали, и дворецкий провел их без доклада прямо сюда. Наталия стояла за креслом мужа. Окна были закрыты, гардины задернуты. Кабинет освещали несколько ламп.

— Здесь нечем дышать, — сказала Ольга, направляясь к окну. — Надо проветрить!

— Не надо, — остановил ее Адичка, и рука Ольги застыла на полпути.

Она вопросительно подняла брови, но возра-

жать не стала и села в кресло, на которое он ей указал.

— Вокруг дома так и рыщут, я не хочу, чтобы нас увидели. Во дворе у коровника толпятся вооруженные люди.

Рука его машинально поглаживала бородку, а губы силились улыбнуться. В скудном освещении ламп стали заметнее круги под его глазами и бледность.

— Дело обстоит хуже, чем мы думали, и я не сразу сказал вам об этом только потому, что не хотел понапрасну тревожить маму, Катю и Ксению.

Лица, обращенные к нему, были серьезны и внимательны. Одна Козетта заметно нервничала. Несмотря на закрытые окна и задернутые гардины, можно было расслышать хор жаб, и от этих звуков на усталом лице Адички вновь появилась улыбка, на сей раз невольная. Затем своим ровным, мягким голосом он рассказал, что случилось сегодня под вечер.

После окончания бдения в церкви Адичка еще раз зашел туда. Ему не понравились сваленные в беспорядке у гроба букеты, да и зеленых веток было маловато. И вот, когда он распекал садовников, к нему обратился незнакомый человек, видно пришлый, с вопросом: «И где же вы думаете по-

хоронить вашего брата?» Человек был молодой, высокого роста, в бескозырке. Дерзость его рассердила Адичку, и он сухо бросил в ответ: «В нашей церкви, в усыпальнице». Тут незнакомец сделал знак садовникам и крестьянам подойти поближе, чтобы все слышали его. И начал, повысив голос: «Вашего здесь больше ничего нет. И дом не ваш, и земля, и церковь. Попробуйте только похоронить вашего брата в усыпальнице, и мы выкинем его тело вон и всю вашу родню заодно!»

Адичка и матрос стояли лицом к лицу в окружении толпы крестьян — большинство из них родились в Байгоре. Никто не возмутился, никто не возразил. Адичка обвел взглядом жителей деревни, всмотрелся в каждого, словно призывая сказать хоть что-нибудь. Но ответа он не дождался. Все молчали, словно в оцепенении. Тогда он тоже повысил голос: «Я поступлю так, как считаю нужным! — И продолжил спокойно: — А теперь дайте мне пройти». Люди послушно расступились. Уходя, Адичка слышал, как незнакомец подстрекает крестьян: «Ничего его здесь больше нет!»

— Раньше я никогда этого матроса не видел, — закончил свой рассказ Адичка. И под бурное возмущение слушателей заключил: — Лично

я думаю, что уступать нельзя. Крестьяне хотят получить нашу землю — ладно, но осквернять наши могилы — этому не бывать! Пусть даже придется пойти с ними на конфликт, чего мне до сего времени удавалось избежать.

— Лучше отправь гроб назад в Александро-Невскую лавру!

Николай Ловский был давним другом Белгородских. Тесно сошлись они еще в детстве. Он учился вместе с Мишей, затем, после смерти отца, оставил армию, чтобы заняться своим огромным поместьем. Он слыл человеком ровного нрава, спокойным и сдержанным. Поэтому сейчас, заговорив с несвойственной ему горячностью, Николай сразу завладел вниманием собеседников.

— Боюсь, что с них станется перейти от слов к делу. Мои крестьяне так же, как и твои, помнят восстание пятого года… Расправу… Казни… Никто не забыл об участии во всем этом Игоря.

— Вздор! Ему было восемнадцать лет! Он подчинялся приказу! Он всего лишь исполнял свой долг!

Это Ольга с неожиданной яростью ринулась на защиту брата. Не за одного Игоря заступалась она, а за них всех. Наконец-то прорвалась ее нена-

висть к большевикам. Будь ее воля, их истребили бы всех до единого, повесили бы немедленно агитаторов и их подпевал из крестьян и батраков. «Или они или мы! Нельзя уступать! Ни за что!» — твердила она.

Олег, управляющий, все время порывался что-то сказать. Когда Адичка обратился к нему, Олег, вслед за Ловским, принялся заклинать «его сиятельство» не хоронить Игоря в усыпальнице. Он тоже считал, что крестьяне могут привести свои угрозы в исполнение и выкинуть тело из церкви. К нему присоединился священник: лучше подождать, пусть страсти улягутся, а пока надо отправить гроб в Петроград. Но все эти речи только укрепили решимость Ольги. Она немного успокоилась, но продолжала отвергать все доводы друга детства, управляющего и священника.

Адичка обернулся к Наталии, отметив про себя, что она не сказала ни слова. Ее молчание не удивило его: Наталия часто думала о чем-то своем. Но сегодня ему было особенно важно услышать ее мнение. «А ты что скажешь?» — шепнул он. «Как ты решишь, так и будет правильно». — «Что бы я ни решил?» — «Что бы ни решил». И как бы в подкрепление своих слов она положила руку на затылок мужа. Но от ее доверия Адичке стало еще

тяжелей. «Только бы не ошибиться, — подумал он. — Ради нее».

— Довольно спорить. Мой сын будет похоронен завтра в семейной усыпальнице. Я вообще не понимаю, как вам могло прийти в голову отложить похороны.

Мария закрыла за собой дверь и прислонилась к притолоке. Она была в гневе и настроена весьма решительно. Ольга так кричала, что, услышав ее, она встала с постели. Голоса и полоска света привели ее к кабинету. Минут десять Мария слушала, стоя в темноте за дверью.

Наталия потрясенно смотрела на нее. Это была не та ласковая и уравновешенная женщина, которую она знала уже год, — генерал, главнокомандующий, да и только. Ольге было далеко до ее властности, Адичке — до ее уверенности в своей правоте. Она не предлагала и не спрашивала совета. Она приказывала:

— Похороны пройдут так, как мы решили. Я буду стоять у гроба с Наталией, Ксенией, Катей и детьми. Вы, Адичка и Ольга, станете позади, ближе к дверям. Никто не посмеет нам помешать. Никто!

Глаза ее встретились с глазами сына и дочери; она прочла в них ту же решимость, и былое спо-

койствие отчасти вернулось на ее прекрасное измученное лицо.

— Не следует показывать этим большевистским агитаторам, что мы их боимся, уж лучше дать им привести их угрозы в исполнение… как бы это ни было ужасно для нас…

«С самого начала войны князь Игорь Белгородский командовал санитарной частью, которую сам организовал. Будучи слабого здоровья, он мог занять высокую должность в тылу. Но он, как всякий русский патриот, почитал своим долгом воевать за родину и был со своей частью в самом пекле боев, рисковал жизнью на передовой, зачастую под градом артиллерийских снарядов. Тысячи русских матерей, чьи сыновья остались в живых, обязаны этим князю Белгородскому, десятки тысяч детей благодаря ему не стали сиротами. В Двенадцатой армии, и в частности в рядах Одиннадцатого сибирского армейского корпуса, в Отдельной бригаде и в Семнадцатой кавалерийской дивизии, вряд ли найдется хоть один офицер, хоть один солдат, которому князь Белгородский ни оказал бы помощь. Пусть убитые горем потери родные найдут утешение в том, что имя князя Белгородского всегда будут произносить с благодарностью. Пусть его осиротевший

сын, когда станет взрослым, с гордостью хранит память о мужестве и самоотверженности своего доблестного отца».

Обращаясь к толпе, теснившейся в церкви и за ее дверьми, священник зачитывал послание генерала Домитриева, легендарного героя японской войны. Гомон и сутолока первых минут сменились внимательным и почтительным молчанием. Вчерашний матрос опять надсаживал глотку неподалеку от церкви, но никто больше его не слушал. Двух других большевистских эмиссаров, присланных сеять смуту в губернии, попросту не пустили в церковь те самые люди, которых они агитировали за час до службы на общей сходке.

То здесь, то там слышались рыдания. О кровавой расправе 1905 года забыли. Зато все вспомнили о мужестве Игоря, о спасенных им раненых, многие из которых были здесь, в церкви. Послание генерала Домитриева произвело на этих людей и на их родных колоссальное впечатление. Придя сюда, чтобы помешать похоронам, теперь они стояли на страже, готовые костьми лечь, если потребуется. И против ожиданий религиозный и патриотический порыв мало-помалу передался всем собравшимся крестьянам.

Тем не менее Ольга и Адичка по-прежнему были начеку.

Стоя по обе стороны гроба, вполоборота к дверям, они сторожко следили за всеми, кто входил в церковь. Их напряженные, напоминавшие боевую стойку позы и решимость на лицах многих заставили присмиреть. Бдительность их не ослабевала ни на миг. Бывшие здесь соседи, давние друзья семьи — человек десять, тоже готовы были кинуться в драку, если кто-нибудь посмеет тронуть прах Игоря.

Отпевание закончилось; все как будто обошлось. Многие крестьянки плакали, да и мужчины сморкались. Когда настало время опускать гроб в усыпальницу, кое-кто из крестьян предложил свою помощь, и Адичка не отказался. Однако чувствовалось, что он все еще настороже. Наталия, не сводившая с него глаз, увидела в муже такой несгибаемый боевой дух, что навсегда уверовала в его неуязвимость. Этого она потом не могла себе простить всю жизнь. И Мария с Ольгой тоже корили себя за это. «Адичка имел на крестьян больше влияния, чем все большевики, вместе взятые», — говорила одна. А другая добавляла: «Как же мы ошибались, полагая, что если на сей раз он одержал верх, то всегда так будет».

Наверно, и Адичка думал то же самое.

Несмотря на свое горе, искреннее, глубокое и, надо полагать, безутешное, вечером того же дня Адичка был почти весел. В нем, обычно таком сдержанном и скромном, вдруг проявилось что-то вроде гордости.

— Я говорил и буду повторять всем дворянам, всем помещикам, что это безумие — поддаваться на угрозы и тем самым показывать, что мы боимся. Если большевики поймут, что нас не так-то просто запугать, — вот тогда ничего с нами не случится. Ускорить реформы и передел земли — да. Но уступать их непомерным требованиям — нет!

Они с Ольгой сидели на верхней ступеньке крыльца, как сиживали когда-то детьми. Напряжение последних дней сменилось расслабленно-блаженной усталостью. Адичка позевывал с довольным видом. Теперь, когда страх отступил, он, как и прежде, находил отраду в самых простых вещах: вечерней свежести, тенях больших деревьев на траве, прикорнувшей у его ног лохматой Натси. Присутствие Наталии, которая сидела двумя ступеньками ниже и спрашивала вслух, ни к кому не обращаясь, можно ли будет завтра покататься на лодке, усиливало это мимо-

летное ощущение вновь обретенного покоя.

Похороны Игоря прошли спокойно, никаких беспорядков не случилось. Весь день чередой шли в усыпальницу крестьяне и батраки. Многие женщины приходили в господский дом, чтобы выразить свои соболезнования семье Белгородских, особенно Марии, которую любили в округе. Она всех привечала, благодарила, приглашала поесть и выпить за помин души. Наталия, Ольга, Ксения и Екатерина не отходили от нее. Екатерина со всей серьезностью играла роль вдовы. Про себя она решила, что завтра же уедет в Петроград — с родными мужа или без них, все равно. После этого Екатерина успокоилась, только взгляд ее то и дело устремлялся на часы, которых в доме было много. Она машинально повторяла дежурные слова благодарности, про себя тем временем отмечая все, что было ей ненавистно в Байгоре, и, по мере того как день шел на убыль, список этот становился все длиннее. На этот счет у нее тоже все было решено: теперь, когда Игоря больше нет, ничто не заставит ее проводить лето в постылой усадьбе. Ее сынишка? Пусть им занимаются дядюшки и тетушки. Ребенок, который вскоре родится? Где один, там и двое. Екатерина не держала зла на Наталию за вчерашнюю затрещину,

но хорошо запомнила ее слова: «Ребенок Игоря — это свято. Мы все о нем позаботимся».

Сидя рядом с братом на крыльце, как в былые времена, Ольга задумалась. На нее нахлынуло множество воспоминаний, одни счастливые, другие забавные. Она рассказывала случай за случаем, а брат согласно кивал головой или поправлял ее. Ему тоже взгрустнулось в этот вечер оттого, что сегодня с ними не было Миши, а Игорь ушел навсегда. Отрадно было вспоминать их общее детство, когда они подрастали вместе, неразлучные, как четыре щенка в одной корзине; те годы, похожие поначалу один на другой и все более разные, по мере того как они взрослели. Это было отрадно и так необходимо им сейчас.

— А помнишь, как бывало в пост? Вместо коровьего молока нам давали миндальное… Помнишь, как мы его любили? — говорил он.

— А карантины, как мама строго их соблюдала? — откликалась она. — Игорь у нас побил все рекорды, полгода просидел взаперти, когда болел подряд скарлатиной, корью, ветряной оспой и коклюшем.

— А ухаживал за ним Ваня. Мама заходила к Игорю только по утрам, вместе с доктором.

— Чтобы не заразить нас.

Для Наталии, слушавшей брата и сестру, им снова было восемь, десять, пятнадцать лет, и на время она даже забыла о войне и о смерти Игоря. Все отступило перед недолгой красой уходящего лета, неповторимо ослепительным восходом солнца, псовыми охотами в тумане ранней осени. Адичка первым вернулся из зачарованного мира детства.

— Теперь всему этому конец, — сказал он. — Вот увидишь, тебе придется растить своих детей на чужбине.

— Вздор! Эта революция — всего лишь случайность, каких было множество в истории нашей страны! Это так по-русски! Скоро все уляжется и жизнь пойдет как прежде!

— Как прежде уже не будет никогда. Даже в лучшем случае смута продлится не один год.

— Эта революция — змея! Она отпадет, как змеиная кожа!

«Ну вот, опять они за свое», — подумала Наталия. Слушать спор брата и сестры было скучно. И она стала глядеть на звезды и почти полную луну, на луг, тихонько шелестевший никем нынче не кошенной травой, на три их тени, которые отчетливо вырисовывались на песчаной дорожке перед крыльцом. Ей показалось, что повеяло

запахом сирени, впервые, и этот аромат наполнил ее таким счастьем, что захотелось вскочить, убежать одной в парк и обнимать одно за другим любимые Адичкины деревья. Начиная с самого дорогого его сердцу большого старого дуба с неохватным стволом, который стоял темной громадой на краю луга, словно нес охрану.

Из дневника Адички

17 мая 1917

Погода стоит солнечная и теплая. Миша все еще на фронте. Четыре дня от него нет вестей. Мама вернулась в Петроград с Ксенией, Екатериной и девочками. Ольга осталась ненадолго помочь мне разобраться со счетами. Скоро нам понадобятся деньги, и я хочу вместе с ней посмотреть, что мы можем продать. Они с Натали в первый раз купались в речке. Цветут ландыши. Повсюду благоухает сирень. Распускаются ирисы. Поляны в лесу голубые от незабудок. Кончаются облачные дни.

20 мая 1917

Ходили гулять к излучине реки, где пасутся мои табуны. Меня ждал неприятный сюрприз: потрава; крестьяне, оказывается, теперь выгоняют туда же своих лошадей, которые пасутся

где попало. Когда я попросил крестьян покинуть мои владения, они в ответ пригрозили отравить мои луга.

21 мая 1917

Жена не на шутку поссорилась с моей сестрой. Ольга целые дни проводит в больнице. По вечерам она вместе со мной проверяет отчетность по имению. Натали же только и делает, что играет на фортепьяно, и это несказанно раздражает Ольгу. «У тебя есть множество куда более важных дел», — не раз упрекала она ее. Натали даже не удостаивала ее ответом, и Ольга вышла из себя: «Тысячи русских гибнут каждый день! Чего ты ждешь, почему не беременеешь? Долго еще будет продолжаться это затянувшееся детство?» Натали обиделась. «Я у себя дома и делаю что хочу!» Россия катится в пропасть, а невестки затевают бабьи свары!

25 мая 1917

Повсюду собрания и сходки. Вечерами я читаю «Историю французской революции» Мишле, а Натали — «Люсьена Левена» Стендаля. Ольга уехала раньше, чем собиралась. С Натали они помирились, но Ольга по-прежнему настроена к моей жене весьма критически.

27 мая 1917

Прислуга требует прибавки жалованья и грозит забастовкой. Имел долгие споры с ними, затем с садовниками. Поскольку они отказываются работать, сам выкосил большой луг перед домом. Натали хотела помочь мне, но сразу же порезала ногу. Теперь она хромает, но не унывает, возится в розарии, читает и играет на фортепьяно. Купаться в речке одной я ей запретил.

28 мая 1917

Николай Ловский приехал мне помочь, и мы с ним весь день косили в парке. Натали с Козеттой купались в речке.

29 мая 1917

Сорокинск, комитет по мобилизации. Тех, кто пытается комиссоваться, заставляют проходить медицинское освидетельствование. Они отказываются идти на фронт, кричат и скандалят. Это какой-то неописуемый хаос. Я уже не говорю о тех, что скрываются от мобилизации. В большинстве случаев их семьи им пособничают.

31 мая 1917

Во всех окрестных городах — скандал за скандалом. Крестьянки требуют утроить им поденную плату, а крестьяне — увеличить впятеро. По моей просьбе собрался комитет прислуги: они тоже требуют удвоить жалованье.

3 июня 1917

Долгие переговоры с комитетом прислуги. К согласию так и не пришли. Угрожают забастовкой. Я предложил, чтобы нас рассудил согласительный комитет. Потрава лугов в поместье продолжается. Пропали четыре моих лошади. Я заявил о краже.

4 июня 1917

Комитет прислуги готовится к забастовке, но я через Олега, управляющего, предложил компромисс. Ждем их ответа. Тревожные новости: многие солдаты дезертируют, а те, кто остался, братаются с немцами. Временное правительство совещается, советы прибирают власть к рукам, а больше никто ничего не делает. При виде моих крестьян, погрязших в безделье, я выхожу из себя.

6 июня 1917

Под вечер в Байгоре огромная толпа крестьян, вооруженных кольями и дубинами, ворвалась в имение. На дворе у коровников они устроили митинг. Олег, наш управляющий, перепугался, явился к нам с Натали и стал уговаривать нас бежать. Но я сам вышел к толпе узнать, чего они хотят. Зачинщики требуют, чтобы я выгнал Олега, и грозят расправиться с ним, если я не сделаю этого в двадцать четыре часа. Еще они велели

нашим слугам, которые прекратили забастовку, после того как я повысил им жалованье, потребовать много больше. Паша отважно попыталась дать отпор одному из революционеров, но потерпела неудачу. Она вернулась на кухню вся в слезах под улюлюканье бунтовщиков. Сейчас одиннадцать часов, и толпа наконец согласилась покинуть имение.

7 июня 1917

Как и вчера, сотни крестьян весь день толпились вокруг дома. Они по-прежнему требуют выгнать управляющего. Я долго размышлял, наконец велел позвать зачинщиков и сообщил им, что Олег уволен. После этого толпа разошлась с песнями. Коротко переговорил по телефону с Мишей. Он смеется: «Я отражаю натиск со всех сторон. Вот это дело, я в восторге!» Сказал, что скоро приедет в отпуск.

11 июня 1917

Жара как в Сахаре. Мы провели день у Козетты и Николая. Сегодня ночью у них подожгли два овина. Козетта хочет уехать в Петроград, здесь ей страшно. Я настойчиво советовал Натали ехать вместе с ней. Натали отказалась наотрез. «Я не боюсь», — заявила она. Тогда Козетта решила отложить отъезд. На обратном пути — остановка

в Воринке и долгая дискуссия с большевиками по поводу реформ, обещанных Временным правительством.

14 июня 1917

Ищу нового управляющего, но безуспешно. Вчера вечером, обходя парк, я застал крестьянок за кражей хвороста. Сегодня утром ко мне пришли крестьяне, человек десять, и потребовали шестьдесят десятин земли вместо сорока семи, о которых мы договорились. Нескончаемые споры. Я пытаюсь убедить их, что так нельзя. Затем напоминаю им, что земли под паром еще не удобрены, сев конопли и гречихи не закончен, заливные луга надо срочно выкосить. Под конец один из них мне заявляет: «Ты как хочешь, ваше сиятельство, но мы за Ленина и потому ни пяди не уступим». Миши все еще нет, поезда ходят все хуже и хуже. Если общая ситуация не изменится, через полгода движение замрет окончательно. Не сегодня-завтра все железные дороги России выйдут из строя. Мои садовники ленятся поливать огород; я не перестаю им повторять, что в такую погоду они не должны выпускать лейки из рук.

15 июня 1917

Вместе с Натали мы два часа напрасно прождали Мишу на вокзале в Волосове. Во что

превратился красивый вокзал, гордость нашей губернии: крестьяне, солдаты, больные вповалку, горожане часами ждут поездов. Надо видеть, как они дерутся, штурмуя даже вагоны для скота!

16 июня 1917

Весь вчерашний день провел в Галиче с Николаем Ловским. Заседание комиссариата, совета солдатских депутатов, аграрного и продовольственного комитетов. Везде хаос и неразбериха. На перекладных, проделав часть пути на возах, часть автомобилем и часть по железной дороге, днем приехал Миша. Сейчас он отсыпается. Натали второй раз читает «Принцессу Клевскую» по-французски. По вечерам она переводит мне прочитанное на русский. Мы давно не музицировали вместе, но она упражняется на фортепьяно каждый день.

Наведавшись в винный погреб, Адичка заметно приободрился. Сотни бутылок, по большей части коллекционных, — целое богатство. Были там, разумеется, крымские вина, венгерские, но главное — лучшие марки бургундского и бордоского, которые три поколения Белгородских любовно и со знанием дела отбирали и хранили в погребах Байгоры. Продав все это, можно было выручить хорошие деньги даже в военное время, о чем он

терпеливо толковал младшему брату.

Сначала Миша соглашался с ним, но по мере осмотра погреба им овладевала сентиментальность, вытесняя здравый смысл. Видя воочию все эти драгоценные бутылки, он вспоминал, сколько затрачено трудов, чтобы собрать такую коллекцию, и представлял, как счастливы будут их дети и внуки — да и они сами, — отведав этих вин. Он, собственно, уже взял на пробу коллекционную бутылочку красного бордоского шато-лафита, которую сразу откупорил. Так, со стаканом в руке, он и расхаживал по погребу, переходя от одной полки с бутылками к другой и громогласно выражая свои восторги. Две борзые, не сводя с него влажных влюбленных глаз, следовали по пятам.

— Шато-марго, тоже бордоское коллекционное! А вот еще леовиль, розан, монту! И красное бургундское — кот-де-нюи, кло-де-вужо, шамбертен, мюзиньи! А вот и кот-де-бон — кортон, вольнэ, савиньи, сантенэ, меркюрэ!

Казалось, будто он приветствовал живых и дорогих ему людей. Адичка при виде столь бурного проявления чувств не смог удержаться от улыбки. Как он мог наивно полагать, что братишка согласится пожертвовать тем, что составляло две его страсти: рысаками и винами? Надо было

решить этот вопрос с Ольгой две недели назад.

Погреб хорошо проветривался, в помещении было прохладно и сухо. Под ногами поскрипывал речной песок. На столике стоял поднос с хрустальными бокалами для желающих отведать вина.

— Для вина самое главное — год, — разглагольствовал Миша. — Любая коллекционная марка бордоского гроша ломаного не стоит, если год неудачный. Но наш шато-лафит… король!

Он налил себе еще бокал, другой протянул Адичке.

— Неужели у тебя сердце не дрогнет, когда ты будешь продавать наше фамильное сокровище?

Миша нагнулся, разглядывая последние ряды бутылок. Электрический свет в погребе был слабоват, и он зажег свечу.

— Монтраше! Мерсо! Шабли! Пуйи! Я и не знал, что у нас есть белые бургундские!

Он поднес свечу к следующей полке.

— И красные божоле! Я, по-моему, никогда их не пил!

Он достал несколько бутылок и поставил их в ряд на песке. Лицо его озарилось алчной радостью. Таким оно бывало, когда он скакал верхом на своем любимом рыжем жеребце.

— Мулен-а-вен, флери, моргон, бруйи… Ни од-

ного не пробовал. Давай их выпьем сегодня.

— Мы их не пить собираемся, а продавать, — мягко напомнил Адичка. — Урожай никакой прибыли не принесет, жалованье надо повышать всем, кого ни возьми, да еще и землю отдадим — скоро мы останемся совсем без гроша.

Но Миша его не слушал. Он приметил запертый шкафчик и направился к нему. Опустившись на колени прямо на песок, он со смехом стал пробовать один за другим все ключи из взятой у Паши связки. Наконец замок поддался.

— Заветные бутылочки, как говорят французы…

По наступившему затем почтительному молчанию Адичка догадался, что брат отыскал именно то, что составляло самую большую ценность винного погреба. И, давая понять, что содержимое шкафчика для него не тайна, он сказал просто:

— Шато-икем.

Дворецкий Костя и несколько горничных по-прежнему служили в господском доме. Глядя, как они спокойно и ловко управляются по дому, можно было подумать, будто воцарившийся повсюду хаос не коснулся Байгоры. Миша видел то, что хотел видеть, и радовался, что поместье осталось таким же, как во времена его детства. У

Адички не хватило духу сказать ему все как есть. Он многое смягчил в своих рассказах, кое о чем и вовсе умолчал. Завтра брату снова на фронт, к чему тревожить его понапрасну?

За обедом Миша заразил своим весельем Наталию. Они наперебой рассказывали забавные случаи, состязаясь, чей рассказ смешнее, выдумывали истории из светской жизни — одна нелепее другой. Наталия впервые в жизни попробовала шато-икем и пришла в восторг. Адичка смотрел на них снисходительно, как на расшалившихся детей. Он еще успеет, попозже, вечером, поговорить о продаже — неизбежной, он это знал, — коллекционных вин и рысаков. Между взрывами смеха Наталия поглядела на мужа. По особому прищуру ее глаз он прочел, как дорог ей. Эти милые знаки любви ненадолго успокаивали тревогу, вот уже несколько месяцев не покидавшую его.

Но после обеда, в маленькой малиновой гостиной, настроение разом переменилось.

Миша откупорил третью бутылку шато-икема и ждал, чтобы драгоценное вино проветрилось. Он неотрывно смотрел в одну точку над камином из розового мрамора и молчал, словно в каком-то столбняке, а на вопросы Адички и Наталии

отвечал односложно и невпопад. Тогда Наталия привычно взялась за «Принцессу Клевскую», а Адичка погрузился в какой-то труд по ботанике. И тут Миша заговорил.

Лишенным всякого выражения голосом он рассказывал об ужасах войны, в которой он не понимал больше, за что воюет; о мятежах, все чаще вспыхивающих в гарнизонах и почти неизбежно заканчивающихся убийствами офицеров. Затем он рассказал о том, что ему пришлось пережить на Западном фронте в те самые дни, когда хоронили Игоря:

— Шестнадцать дней Вторая стрелковая дивизия сражалась не на жизнь, а на смерть… Шестнадцать дней под адский грохот немецких пушек… Их огонь стирал с лица земли целые траншеи… Почти все мои солдаты погибли на моих глазах. Мы не отстреливались, потому что отстреливаться было нечем… Наши войска, выбившиеся из сил, голодные, атаку за атакой отражали штыками… Два полка были уничтожены одним только артиллерийским огнем… Шестнадцать дней продолжался этот ад.

Мишин голос слабел и под конец стал почти неслышным. Но Наталия и Адичка не решались перебить его просьбой говорить погромче. С бо-

лью в сердце они читали на измученном лице Миши рассказ об ужасах, которые даже в Байгоре, в счастливой обители детства, он не мог забыть.

Впервые в жизни увидев в отчаянии того, кто до сих пор в его глазах был ребенком, братишкой, Адичка был потрясен. Он вскочил с кресла и обнял Мишу. Стиснул пылко, по-мужски, почти грубо. И тогда Миша разрыдался. Бурные, судорожные рыдания душили его, перемежаясь торопливыми, бессвязными словами. Что-то об Игоре, нелепо погибшем от шальной пули; о сельской церкви, которую осквернила озверевшая солдатня, и никому не было до этого дела, а он даже не сумел их остановить; о стайках голодных и босых сирот, бродивших по окраинам города, — никогда ему не забыть их молящих глаз; о друзьях и боевых товарищах, погибших, раненых, лишившихся рук или ног; он перечислял имена и фамилии, будто хотел, чтобы Адичка и Наталия навсегда запечатлели их в своей памяти.

Мало-помалу рыдания стихли, слезы иссякли, и братья разжали объятия. Миша отвернулся, утирая лицо полой рубашки. Ослабев от выпитого вина и переживаний, он двигался неуклюже, как медведь. Наталия, глубоко потрясенная его рассказом, протянула ему свой носовой платок.

Миша с любопытством повертел в руках крошечный кусочек батиста с вышитыми на нем инициалами и вернул невестке.

— Маловат, мне бы сейчас скатерку, — улыбнулся он и глянул на бутылку шато-икема и три бокала, которые дворецкий поставил на столик у камина. — Выпьем за то, что жизнь продолжается, что наши дети подрастают, за то, что эта война когда-нибудь кончится. Мы выпьем до дна, потом я принесу еще бутылку, а ты, Натали, сядешь за рояль. Только не вздумай играть своих любимых Шопена, Бетховена и Баха, уж слишком они торжественны на мой вкус. Хочется чего-нибудь русского, душещипательного, вот хотя бы «Отцвели хризантемы».

И он затянул зычным голосом:

Отцвели уж давно хризантемы в саду,

Но любовь все живет в моем сердце больном…

— Совсем не тот мотив! — запротестовала Наталия, сев за рояль. — Ты поешь совершенно фальшиво!

— Не важно, играй! Последняя ночь моего отпуска будет русской — или никакой! А потом, когда рассветет, я вам спою то, что мы поем в

окопах для поднятия боевого духа. Есть одна песня, революционная, но замечательная, я знаю ее наизусть. «Интернационал» — так они ее называют.

Из дневника Адички

19 июня 1917

Повсюду беспорядки. У меня в поместье обстановка тоже скверная. Собираюсь попросить официально взять Байгору под военный надзор.

20 июня 1917

Воринка, съезд помещиков. Затем Галич. Заседание комиссариата, совета солдатских депутатов, аграрного и продовольственного комитетов по вопросу охраны Байгоры. Мою просьбу удовлетворили с легкостью. Байгора — одно из крупнейших поместий России, так что они не меньше меня заинтересованы в ее защите.

22 июня 1917

Уполномоченные четырех комитетов из Галича явились наводить порядок в Байгоре; они обнаружили толпу женщин и детей, разорявших мои фруктовые сады. Вечером — самум, буря, молнии и тучи пыли. Натали нервничает, но винит во всем грозу, «которая нависла и никак не разразится». Я подозреваю, что она кривит

душой, чтобы не тревожить меня.

24 июня 1917

Визит полковника Водзвикова, прибывшего по поручению комиссара в главное управление конных заводов. Он заверил меня, что наши лошади остаются одними из лучших в России. При мысли о том, что их надо продать, у меня сердце кровью обливается. Однако придется.

28 июня 1917

С тех пор как солдаты охраняют усадьбу, спокойствие в Байгоре мало-помалу восстанавливается. Если так пойдет и дальше, жатву начнем вовремя. В больнице — новые раненые с фронта. Крестил внука Никиты, моего отставного квартирмейстера, социалиста из первых, которого Натали еще несколько месяцев назад защищала от каких-то глупых придирок полиции. Перевел скотину полностью на подножный корм.

1 июля 1917

Крестьяне опять подсыпают отраву в корма. Прислуга, напротив, успокоилась: никаких забастовок, все работают.

2 июля 1917

Розарий Натали частично разрушили. Я не знаю, сделали ли это здешние крестьяне или кто-нибудь из дальних деревень. Паша говорит,

будто видела ораву подростков, и уверена, что узнала среди них Алексея, одного из лучших певчих нашего хора. Мы с Натали позвали его к себе. Алексей вошел в дом, не сняв картуза, с развязностью, какой мы прежде за ним не знали. Он все отрицал, и Натали, вне себя, дала ему пощечину. Его ангельское лицо стало дьявольским. Он позволил себе угрожать Натали, и я, тоже не сдержавшись, вышвырнул его вон и приказал больше никогда не показываться нам на глаза. Теперь я жалею, что мы оба так вспылили.

3 июля 1917

Начали жатву зерновых: ржи, озимого овса, пшеницы и ячменя.

7 июля 1917

Жатву закончили. Солдатам, что несут охрану, ни разу не пришлось вмешаться. У нас относительно спокойно, в то время как в Сорокинске царит анархия. Перевели лошадей на фураж, остальная скотина по-прежнему на подножном корму. Я приказал чаще поливать цветы и высадить гвоздики. Стараюсь выкроить хоть час в день для игры на скрипке.

9 июля 1917

Козетта и Николай Ловские, только что вернувшиеся из Петрограда, приехали к завтраку

и привезли свежие новости из столицы. Рассказали, как столкнулись на Аничковом мосту с толпой вооруженных рабочих, объединившихся с кронштадтскими моряками, и оказались в самом центре перестрелки. Им чудом удалось укрыться от пуль. Перестрелка продолжалась весь день, толпа скандировала: «Долой министров-капиталистов!» В тот же вечер Ловские побывали на Фонтанке, у мамы, где собрались родственники. У них все хорошо.

12 июля 1917

Новый председатель земельного комитета по фамилии Земской — учитель, который никогда в жизни не был в деревне. Демагог, трус, хамелеон, вдобавок пьяница и эпилептик. Подобный выбор чрезвычайно опасен для уезда. Как же добиться его отставки? Мама пишет, что было бы разумнее всем нам уехать на несколько месяцев в имение родителей Ксении, в Крым. Но ведь, помимо многочисленных обязанностей в нескольких комитетах, мне приходится думать о будущем урожае, о потравах лугов, вырубке леса, голодной скотине, рысаках и коллекционных французских винах, которые мне никак не удается продать. Натали отказывается ехать без меня. Она, похоже, потеряла интерес к остаткам своего розария

и почти все время проводит за фортепьяно. Вчера, впервые за несколько недель, мне удалось подыграть ей на скрипке. Музыка — наш отдых и утешение.

16 июля 1917

Сегодня ночью один из солдат, охранявших казенный спирт, проник в помещение через слуховое окно: хотел разжиться выпивкой. Час был поздний, стояла непроглядная тьма, и этот дурень не нашел ничего лучше, как чиркнуть спичкой. Цистерна взорвалась, и вспыхнул пожар. Солдата разнесло в клочья. Остальные часовые выбежали во двор и, решив, что на них напали, принялись палить во все стороны. Крестьяне и слуги, проснувшись от грохота, разбежались кто куда, боясь новых взрывов. Самые смелые остались тушить пожар и попали под огонь потерявших голову часовых. Я еле разобрался, что происходит и кто в кого стреляет, затем с большим трудом собрал разбежавшийся народ. Незадолго до рассвета с огнем удалось совладать. Результат: один человек погиб, несколько легко ранены, две постройки сгорели дотла, а мои газоны и клумбы совершенно вытоптаны. Я потребовал официального расследования.

17 июля 1917

Осматривал стада с новым управляющим. На обратном пути пришлось выгонять крестьянских лошадей с моих посевов кормовых трав. Мне сообщили, что Украина отделяется и провозглашает независимость.

20 июля 1917

Визит комиссара в главное управление конных заводов отложен на две недели. Садовники снова работают. Я приказал выкопать карликовые буксы, вытоптанные толпой, и посадить новые: они неприхотливы и хорошо укореняются. На клумбах вокруг дома заново посажены цветы.

22 июля 1917

Французские друзья прислали Натали подарок: четыре пары холщовых туфелек на веревочной подошве, разных цветов. Посылка, отправленная из Биаррица в декабре 1916-го, шла до нас восемь месяцев. Не так уж долго, принимая во внимание состояние почты, транспорта, короче говоря — России. Натали не помнит себя от радости и всем говорит, что случилось чудо.

Наталия сидела за роялем, разбирая партитуры, и даже не подняла головы, когда в гостиную вошел новый управляющий. Она не слышала, что он сказал Адичке. Но невольно поразилась, когда муж с яростью отшвырнул лежавшие перед ним

папки, быстрыми шагами вышел и побежал куда-то по центральной аллее парка. Она кинулась к окну, позвала его. Тщетно. Адичка не слышал ее или не хотел слышать. Но прежде чем он скрылся за большим дубом, Наталия успела заметить, как в его правой руке блеснул револьвер. Не раздумывая, она побежала следом.

Позже она удивилась, что никого не встретила по дороге. Между тем был час, когда крестьяне и батраки возвращались домой. В последние дни немного моросило. После мелкого летнего дождика воздух стал свежее, ожили растения. Луга казались зеленее, а песок под деревьями был еще мокрым. Наталия прыгала через лужи, чтобы не намочить холщовые туфельки, которые только вчера обновила. Трижды она окликала Адичку.

Прогремевший выстрел указал ей, куда идти. Как раз в противоположную сторону от теннисного корта, куда она было направилась. Наталия развернулась и побежала напрямик, забыв о лужах, мокром песке и драгоценных французских туфельках. Она добежала до конца аллеи и увидела загон для ланей и Адичку, спиной к ней, опустившегося на одно колено. В руке у него еще дымился револьвер. У ног лежала окровавленная лань. Наталия завизжала от страха.

— Не подходи… Уйди…

Адичка обернулся. Взгляд его выражал отвращение, гнев и жалость одновременно. Он наклонился вперед, словно желая заслонить от нее мертвую лань. Метра три, не больше, отделяли его от Наталии. Она застыла, как громом пораженная, глядя на развалины загона.

Под сенью деревьев в розовом предвечернем свете Наталия отчетливо увидела семь мертвых ланей. Одним просто перерезали горло, других страшно изувечили. Повсюду была разбрызгана кровь, вся трава вокруг стала бурой. От домика, построенного прошлой зимой, ничего не осталось.

— Кто-то убил их с неслыханной жестокостью, — сказал Адичка. — Всех до одной. Можешь пересчитать. Восьмая была еще жива, но ей сломали позвоночник. Пришлось ее пристрелить.

Слезы потекли по исхудавшему лицу Адички, рука его гладила еще не остывшую мордочку лани с открытыми черными глазами, влажными и ласковыми.

— У этой должны были скоро родиться маленькие…

Но Наталия уже не слышала его. Она бежала, не разбирая дороги, не замечая хлеставших по

лицу веток и царапавших колючек. Дважды она спотыкалась о корни и падала ничком у края дорожки. Поднималась и бежала еще быстрей. Впереди была река, река с быстрым течением, которая унесет ее далеко-далеко; там было забвение, которого она желала больше всего на свете. И когда она наконец добежала до реки, то увидела в ней ответ на свое отчаяние. Сейчас она прыгнет — и не будет ничего, ни крови на траве, ни зарезанных ланей, ни смертоносного безумия, овладевшего миром, жить в котором она больше не хотела.

Несколько часов спустя Наталия, которую все еще трясло от страха и холода, несмотря на жаркий огонь в камине, несколько одеял и неустанные заботы Паши, смогла наконец ответить на расспросы перепуганного мужа. «Наверно, я хотела умереть», — сказала она. И, увидев, в какой ужас повергло ее признание Пашу, да и Адичку тоже, прибавила: «Мне не хватило веры в жизнь. Простите меня».

Из дневника Адички

25 июля 1917

Еще одно заседание совета солдатских депута-

тов, аграрного и продовольственного комитетов по вопросу усиления военной охраны в Байгоре. Зверское убийство ланей почти никого не возмутило, только немецкие военнопленные, которые работают у меня в конюшнях, искренне негодовали. Все теперь думают лишь о собственное шкуре или о деньгах. Каждый сам за себя. Натали играет на фортепьяно до изнеможения. Она отдается музыке со страстью, близкой к фанатизму.

26 июля 1917

Воринка. Конфликт с Земским, председателем земельного комитета.

27 июля 1917

Вчера родились два жеребенка. Натали отвлеклась от фортепьяно и проводит много времени в конюшне. Она учится ухаживать за малышами. Умерла после затяжной пневмонии тетя Козетты.

28 июля 1917

Воринка. Галич. Первое заседание союза землевладельцев. Восемьдесят человек. Все прошло прекрасно. Расследование дела об убийстве ланей не движется с места. Натали подозревает этого парня, Алексея, и его дружков. Но доказательств никаких.

1 августа 1917

Байгора. Дождь льет всю ночь и весь день. Повсюду грязь по колено. Мы не выходили из дому. Читали, немного музицировали. Натали становится превосходной пианисткой; рядом с ней я чувствую себя дилетантом. Я люблю манеру ее игры, ее силу и врожденное чувство ритма.

3 августа 1917

От дождя развезло все дороги. Приводить их в порядок некому. Тем не менее мы с Натали поехали завтракать к Козетте и Николаю. Они никак не могут решить, где похоронить тетю: опасаются нападений крестьян. Возмущенное послание от Миши в ответ на мое письмо, в котором я сообщил ему о рождении двух жеребят. Он не может простить, что с ним не посоветовались, выбирая имена: он ведь в семье главный специалист по лошадям. Придется напомнить ему, что это и наши жеребята, а не только его.

4 августа 1917

Уступив настойчивым просьбам Натали, я пошел с ней по грибы. После недавних дождей их видимо-невидимо. Мы долго ходили, выискивая грибные места в мокрых рощах, не встретили ни души и наслаждались дивным лесным покоем. При виде каждого боровика у Натали даже ноздри раздувались от удовольствия. Мы набра-

ли четыре корзины. В усадьбе все спокойно.

5 августа 1917

Весь день в Галиче. Союз землевладельцев. Во второй половине дня — комитет по мобилизации.

6 августа 1917

Весь день с новым управляющим осматривали коров, телят, быков и лошадей. Созрело просо, начали молотьбу, открываем закрома.

10 августа 1917

Байгора. Пасмурно, моросит. Мама пишет мне из Петрограда, уговаривает оставить поместье и уехать на несколько месяцев к Ксении и ее родным в Ялту. Мой верный дворецкий вот уже несколько дней заводит со мной разговор на ту же тему. Он очень тревожится за меня и Натали. По его мнению, обстановка стремительно накаляется и уже не в моих силах что-либо сделать. Он боится за нашу жизнь. В ответ я говорю ему чистую правду: лично я полностью разделяю его опасения и тоже считаю, что было бы разумно и даже на благо всем уехать к маме в Петроград, но как предводитель дворянства и председатель комитета по мобилизации я обязан оставаться здесь до конца войны. Уехать, хотя бы на пару месяцев, было бы равносильно дезертирству.

Однако нужно что-то придумать, чтобы удалить отсюда Натали. Рассчитываю, что в этом мне поможет мама, хотя я сильно смягчаю краски, когда пишу ей о том, что творится здесь. В постскриптуме мама сообщает, что Екатерина беременна на восьмом месяце. У меня сердце кровью обливается, когда я думаю, как счастлив был бы Игорь. Я сказал об этом Натали, она, оказывается, уже знала. О Екатерине она отозвалась очень нелицеприятно.

11 августа 1917

Пасмурно, весь день дождь. После чая мы с Натали прошлись по парку в непромокаемых плащах. Повсюду новые акты вандализма. Крестьянки воровали фрукты в саду. Мне не удалось их прогнать. Солдаты, призванные поддерживать порядок в Байгоре, похоже, бессильны что-либо сделать.

12 августа 1917

Рано утром мы услышали, как в соседней деревне бьют в набат. Затем тысячная толпа ворвалась в поместье: они явились по мою душу. Поручик Жержев уговаривал меня скрыться, однако я вышел к ним во двор. Агрессивность и сумятица. От меня требовали ответа: зачем я дал приказ солдатам стрелять в них той ночью, когда

взорвался склад со спиртом. Пока я втолковывал им, что это было нелепое недоразумение, они припомнили старые счеты с моим отцом, а потом и обиды времен крепостного права. Договориться совершенно невозможно. Битых три часа я простоял с ними — и без толку. В конце концов они разбрелись, угрожая, что придут снова, числом поболе и с оружием. Солдаты, которым приказано нас охранять, были бессильны, теперь же они до смерти напуганы! Новая попытка отравить мои луга. Жаль сносить мост, но я буду вынужден пойти на это, чтобы крестьяне не могли им пользоваться. Тогда, чтобы пакостить мне, им придется проходить мимо дома.

13 августа 1917

Байгора. Пасмурно. Прошли ливневые дожди. Сильный ветер с юга. Почти не выходили, много читали и музицировали. Натали хочет, чтобы мы разучили Седьмую сонату Бетховена. Я обещал выкроить время и приступить к репетициям. Хорошо бы нам успеть подготовиться, чтобы исполнить ее дуэтом на Новый год.

(Крупный, четкий и ровный почерк Адички сменяется другим, мелким и неразборчивым; такой называют «как курица лапой». Это почерк Наталии. С некоторым трудом можно прочесть:

«На этом заканчиваются записи, сделанные рукой Адички в «Книге судеб».)

Толпа тысячи в полторы человек собралась перед господским домом. В эти же минуты у заднего крыльца Адичка заклинал Наталию немедленно ехать к Козетте и Николаю Ловским. Кучер по собственному почину уже запряг коляску, чтобы отвезти барыню. Паша, дворецкий и горничные уговаривали ее поспешить. А солдаты — их было человек десять, это они подняли всех на ноги час назад — все повторяли: «Бегите отсюда, бегите!» Они больше всех поддались панике. «Вы здесь для того, чтобы охранять нас, и у вас есть оружие. Выполняйте свой долг, ведите себя как мужчины, — холодно бросил им Адичка. И обратился к Наталии, которая отказывалась садиться в коляску: — We are wasting time. Please, go, it will be much easier for me»[1].

Английская речь немедленно возымела действие: каковы бы ни были чувства Наталии, она обязана повиноваться мужу. Последний взгляд, очень долгий, жалкая, вымученная улыбка — и она села в коляску.

---

[1] Примечания: 1

Мы теряем время. Пожалуйста, уезжай, мне так будет гораздо легче (*англ.*). (*Здесь и далее примеч. переводчика*).

Но было уже поздно.

Часть толпы обогнула дом, и, увидев господскую упряжку, крестьяне загородили дорогу. Кучер заколебался: с помощью кнута он еще мог расчистить себе путь. «Вези княгиню к Ловским!» — крикнул ему Адичка. Но Наталия решила иначе. Так же проворно, как забралась в коляску, она соскочила на землю. Улыбка ее была почти веселой. «Будем воевать вместе», — шепнула она и вложила руку в его ладонь. Было ли тому причиной ее мужество? А может, страх, который испытывали не только солдаты, но и Паша и дворецкий? Или паническое бегство горничных, скрывшихся в кухне? К Адичке вернулось присутствие духа, изменившее ему несколько мгновений назад, когда он думал только об одном: чтобы уехала Наталия. «Будем воевать вместе», — повторил он. Держась за руки, Адичка и Наталия шагнули к толпе; в эту минуту могло показаться, будто они вышли навстречу гостям.

Во всех окрестных деревнях били в набат.

Выдержка из протокола Сорокинского волостного суда

Князь Белгородский, желая закрыть крестьянам, отравлявшим его луга, доступ в поместье

через мост, соединявший его восточные границы с соседними деревнями, распорядился снести этот мост. Решение князя вызвало сильнейшее недовольство крестьян, которые на деревенской сходке постановили воспрепятствовать его исполнению и отправились к князю с требованием отмены решения. Поручик патрульной роты Жержев и Константин, уполномоченный продовольственного комитета, назначенные уездными властями для обеспечения безопасности князя, присутствовали на этой сходке. Они призывали крестьян не прибегать к насилию, но те остались при своем мнении. Толпа была враждебно настроена не только по отношению к князю, но и в равной мере к поручику Жержеву, которому ставили в вину служение интересам помещиков и старому режиму. Оказавшись лицом к лицу с разъяренной толпой, вооруженной вилами и кольями, Жержев и Константин вскочили в двуколку, чтобы скорее предупредить князя о грозящей ему опасности. Толпа гналась за ними по пятам; чтобы уйти от преследования, Жержеву и Константину пришлось бросить двуколку и добираться до Байгоры вплавь через реку. Жержев дважды стрелял в воздух, чтобы позвать на помощь охранявших поместье солдат. Кон-

стантин первым добежал до дома и посоветовал князю немедленно уехать. Тот отказался, пребывая в уверенности, что сможет договориться с крестьянами. Когда толпа ворвалась в поместье, он вышел навстречу вместе с княгиней, которая тоже отказалась покинуть дом. В отличие от предыдущих инцидентов, на этот раз князю не дали возможности объясниться. Ему пеняли на то, что он хочет снести мост, что не отдал всю свою землю и оставил для своего скота лучшие пастбища. Старожилы припоминали ему также всевозможные злодеяния, якобы совершенные его отцом и дедом. Крестьянки набросились на княгиню, за то что она ради своего розария лишила их дороги. Княгиню их нападки не испугали, и тогда ей накинули на шею веревку. Крестьяне, однако, велели женщинам веревку снять, что те и сделали.

Поставленный в известность о тревожных событиях в Байгоре, уездный комиссар собрал на заседание представителей комиссариата, совета рабочих и солдатских депутатов, а также начальника уездной милиции. Было решено послать на помощь поручику Жержеву отряд из двенадцати человек.

Наталия и Адичка не смогли бы сказать, как

долго они выдерживали натиск крестьян. Толпа была взбудоражена, их то подталкивали вплотную друг к другу, то оттесняли. Врозь они чувствовали себя уязвимее и немало усилий прилагали, чтобы не потерять друг друга из виду.

Когда шею Наталии вдруг захлестнула петля, она не испугалась — скорее удивилась. Ни на мгновение ей не пришло в голову, что крестьянки собираются ее повесить. Она вообще не понимала, за что они на нее так взъелись. «Подумаешь, розарий, ну и что такого!» — несколько раз повторила им Наталия. Она скользила надменным взглядом по окружавшим ее людям, даже не пытаясь скрыть своего презрения. Никого она не узнавала, ни одного лица. В какой-то момент она попыталась потолковать с женщинами. Из каких они деревень? Чьи матери, чьи жены? Кто из них работал прежде в Байгоре? В ответ раздавалась брань, и Наталия, искренне возмущенная подобным непочтением, предпочла замолчать. Столько презрения было в ее молчании, что недовольство женщин быстро переросло в лютую злобу.

Потом, спустя годы, Наталия признала, что была в этих ошибках доля и ее вины. Ей, хозяйке Байгоры, следовало попытаться узнать и

понять людей, живших на ее земле. Ведь Ольга не раз ей об этом толковала. Как это делали прежде золовка и Мария, Наталия должна была заниматься больницей, учить детей, помогать самым обездоленным. Но она не думала ни о чем, полагаясь на Адичку. И всю жизнь ей не давал покоя один мучительный вопрос: будь она не столь равнодушна, изменило бы это хоть что-нибудь, предотвратило бы трагический конец ее мужа? Конец, о котором она, даже под натиском озверелой толпы, с петлей на шее, не могла и помыслить.

Крестьяне же сразу смекнули, чем могло это закончиться. С поразительным единодушием они накинулись на женщин, и петлю немедленно сняли. Адичка, воспользовавшись минутой, пока они отвлеклись, протиснулся поближе к Наталии. Он тоже увидел веревку. Страх за жену заставил его энергично и властно растолкать людей. «Будем держаться вместе», — сказал он, крепко ухватив ее за руку. Но толпа уже напирала вновь.

В отличие от жены, Адичка знал многих. Заодно с крестьянами из дальних деревень было немало его работников. С ними-то он и пытался договориться. Называл каждого по имени. Вспоминал,

называя точную дату, кто в какой семье умер, у кого случилось прибавление. Но на сей раз его замечательная память не помогла. Его крестьяне и батраки, казалось, оглохли. Они держались с вялым равнодушием, в котором не было ненависти, и Адичка упрямо бился в эту стену, ибо верил, что здравый смысл в конце концов одержит верх.

Его главным противником был низенький, тщедушный человек с ранней лысиной и в пенсне, называвший себя уполномоченным из Москвы. Адичка никогда не встречал его раньше, но, вероятно, он появился не вчера, потому что был знаком со многими крестьянами. С потухшей папироской во рту, сунув руки в карманы, он обращался то к толпе, то к Адичке. Барину угрожал смертной казнью, крестьянам пенял за равнодушие. Похоже, и господ и холопов он одинаково презирал и ненавидел, и чутье подсказывало Адичке, что хоть его и слушают, но не любят. Наталия, стоявшая за его спиной, была на грани истерики. «Раздави этого таракана», — шепнула она ему в четвертый раз. «Don't talk, let me answer»[2], — отвечал Адичка.

Наталия вдруг почувствовала, как на нее на-

---

[2] Примечания: 2
Молчи, дай мне ответить (*англ.*).

валилась безмерная усталость. Ей захотелось присесть прямо на обочину дороги, заткнуть уши, зажмурить глаза. Но она боялась, что ее растопчут. Лучше было оставаться на ногах. Чтобы отвлечься от ломоты в спине, плечах и затылке, она смотрела на небо, на листву деревьев. Впервые за всю неделю выдался ясный день без дождя. Зеленеющий парк сиял на солнце еще не просохшей влагой. Наталии казалось, будто сквозь неприятные запахи толпы веет ароматами резеды и лавра. Эти кусты, посаженные вокруг дома, сильнее запахли после дождя.

Рядом какой-то мальчишка залез на магнолию. Торопясь добраться до верхушки, он обрывал листья и цветы, ломал ветки. Адичка заметил его и машинально крикнул: «Слезь!» В голосе его на мгновение вновь зазвучали властные нотки хозяина Байгоры. Присмиревший мальчишка застыл в нерешительности. Стоявший под деревом батрак, которого в деревне считали социалистом, прикрикнул на него: «А ну слазь, дурень! Ты что, не слышал, что князь сказал?»

Слова вырвались у него невольно, в точности как только что у Адички. Это было так неожиданно, так неуместно, что хозяин и батрак в недоумении уставились друг на друга. Мальчиш-

ка между тем послушно слезал с дерева, стараясь ничего больше не сломать. Все разговоры смолкли, казалось, толпа задумалась над неожиданным оборотом дела. Этот трудный мыслительный процесс Наталия ощутила почти физически, и он вселил в нее надежду.

То же самое почувствовал, должно быть, и московский агитатор. Выставив вперед подбородок, приосанившись, точно деревенский петух, он накинулся на крестьян. Глаза его за стеклами пенсне смотрели злобно, слова хлестали наотмашь. Он крыл крестьян и крестьянок почем зря, называл их трусами, предателями. «Как были вы холопами, так до самой смерти холопами и останетесь!» — чеканил он. Толпа безмолвствовала, словно в чем-то уличенная. Когда же его обвинения наконец иссякли, от группы крестьян отделился мужчина в годах и подошел к нему вплотную. Адичка тотчас узнал его: это был один из лучших батраков, уже не работавший по старости. Он родился в Байгоре, здесь женился, вырастил детей. Отношения с семьей Белгородских у него всегда были душевные. В отличие от большинства своих сверстников, он умел читать и писать. Все его уважали.

— Так-то вот… — сказал он, — что поделаешь,

привыкли: стоит князю свистнуть — и мы тут как тут. Но нынче времена не те, нам нужна его земля. Покуда жив, он нам ее не отдаст, стало быть, кончать его надобно.

Старик сделал короткую паузу. Толпа вокруг него всколыхнулась, а московский агитатор зааплодировал. Тогда старик поднял палку, на которую опирался, и указал на него:

— А ты не радуйся раньше срока. Придет время — мы и тебя кончим. Только с тобой — не то что с князем: расправимся безо всякого уважения.

Солнце уже скрылось за верхушками деревьев, когда кто-то решил посадить Наталию и Адичку Белгородских под арест. Толпа одобрительно загудела. Прошло несколько часов, в течение которых Адичка как мог отвечал на все обвинения — от самых нелепых до действительно справедливых. Однако ни мягкость, ни терпение, ни здравый смысл ему не помогли. Вряд ли его вообще слушали. Порой он подмечал на лицах некоторых крестьян что-то вроде сомнения. Он чувствовал, что они растеряны, — наверно, так оно и было. Но тут же находился человек, который предъявлял ему новые претензии, и Адичка был вынужден опять излагать свои доводы с самого начала.

«Куда вы нас ведете?» Вопрос потонул в го-

моне толпы. Их подталкивали вперед без особой агрессивности, но неумолимо. Адичка держал Наталию за руку. Он так много говорил, что теперь был совершенно вымотан и только надеялся, что когда их приведут на место, то дадут хотя бы попить и поесть. Несмотря на усталость, ему казалось, что вокруг воцарилась атмосфера умиротворенности. Словно сам факт взятия их под арест успокоил страсти. Гнев толпы проявлялся пока только на словах. Ему не раз угрожали смертью, но никто еще не смел поднять на него руку.

Все это время солдаты опасливо держались в стороне. Адичка не мог бы с уверенностью сказать, была ли то военная тактика или равнодушие. Какие им дали указания? Они были вооружены, и освободить его и Наталию не составило бы для них труда. С одной стороны — винтовки, с другой — вилы и косы. Но наверняка были бы убитые и раненые; на возможности решить дело миром пришлось бы поставить крест. Адичка поймал отчаянный взгляд поручика Жержева, замыкавшего шествие. Он через силу улыбнулся ему, стараясь, чтобы улыбка вышла ободряющей. «Не вмешивайтесь, пока не надо», — сказал бы он, будь у него возможность перекинуться с ним хоть парой слов.

После новых бурных споров их заперли в доме учителя, который уехал на время каникул.

Это был примыкающий к школе деревянный домишко, построенный еще Адичкиным дедом, — всего одна комнатка да закуток с умывальником. Обстановка была под стать учителю: скромная, ничего лишнего. Узкая кровать, письменный стол, два стула и полки с книгами. В углу кнопками прикреплены к стене открытки с видами Ялты и крымскими пейзажами. Адичка показал на них Наталии:

— Смотри, где ты была бы сейчас вместе с Ксенией и ее детьми. Жаль, что ты меня не послушалась.

— Да, жаль, — отозвалась Наталия с наигранной веселостью. — Я бы купалась каждый день, плавала бы часами. А вместо этого…

Она не договорила. Снаружи, облепив единственное окошко, женщины отпихивали друг друга, чтобы получше разглядеть барина и барыню. На расплюснутых о стекло лицах читалась дикая смесь любопытства и мстительной радости. Чувствовалось, что каждая готова кинуться в драку, лишь бы не уступить другим свое место у окна.

Наталия без сил рухнула на кровать.

— Я этого не вынесу… Мы для них как звери в клетке!

Ее всю трясло. По щекам катились слезы, и она не пыталась ни утереть их, ни скрыть. «Поплачь, милая, поплачь». Адичка присел рядом с женой на кровать и обнял ее. «Поплачь, потом будет легче», — баюкал он ее, как дитя. Впервые за весь этот день он совершенно пал духом.

Выдержка из протокола Сорокинского волостного суда

После продолжавшихся целый день препирательств князь Белгородский и его супруга, пожелавшая разделить участь мужа, были взяты под арест и заперты в байгорской школе. Поручик патрульной роты Жержев и десять солдат стали в караул у дверей, чтобы не допустить покушения на их жизни. Крестьяне, со своей стороны, выделили два десятка вооруженных мужчин для охраны, на случай, если арестованные попытаются бежать. Около полуночи крестьяне потребовали немедленного суда над князем и княгиней. Их препроводили под усиленным конвоем в классную комнату, где сидели старожилы окрестных деревень, представители бедноты и другие, пока не установленные лица. Согласно

показаниям многих свидетелей, очень скоро стало ясно, что так называемые судьи крайне возбуждены. Обвинения выдвигались одно другого нелепее, а князю не дали сказать ни слова в свою защиту. Согласно тем же показаниям, было очевидно, что судьи все до одного пьяны. Следствие покажет, каким образом и как быстро был разграблен винный погреб Байгоры. В половине второго ночи суд был окончен, и арестованных вновь водворили в дом учителя. Там, однако, они подвергались нападкам и оскорблениям со стороны совершенно пьяного крестьянства. Поручику Жержеву с помощью отставного квартирмейстера Никиты Лукича, представителя народа, удалось навести относительный порядок.

Показания Никиты Лукича, представителя народа

До прошлого года я состоял на службе у князя и княгини Белгородских. Их обоих я весьма уважаю. По причине моих социалистических убеждений до революции я жил под полицейским надзором. Княгине я премного обязан тем, что она несколько раз улаживала мои неприятности с местными властями, которые только и ждали повода, чтобы засадить меня за решетку. Князь, хоть моих убеж-

дений и не разделял, относился ко мне всегда с уважением. В июне он крестил моего внука.

В ночь на 14 августа все в округе были мертвецки пьяны. После судилища, позорного для дела, за которое мы боремся, князя и княгиню снова посадили под замок. Пьяная толпа принялась швырять в дверь учительского дома бутылки из разграбленного господского погреба. Когда же кто-то добрался до единственного окна и попытался его разбить, я собственноручно вызвался помочь поручику Жержеву и его солдатам. Товарищи меня корили и стыдили, мол, я предал революцию. «Неужто это и есть революция, о которой я так мечтал? — отвечал я им. — Да вы просто пьяные скоты!» Все же толпа прекратила бесчинства. Мне, однако, было ясно, что жизнь князя и княгини в опасности. Можете мне не поверить, учитывая то, что случилось потом, но я точно скажу: их любили и среди местных у них еще оставались защитники. Двоих крестьян могу назвать, одного конюха, одного садовника. Мы с ними и поручиком Жержевым решили так: пока все валяются пьяные, поможем князю и княгине бежать. А чтобы все устроить, попросим пособить графа Ловского. В четыре часа утра мы постучались в его дом…

Показания поручика патрульной роты Жержева

Когда мы явились, граф Ловский еще не ложился, так как слух об аресте князя и княгини уже распространился по округе. Он был очень встревожен. Мы обрисовали ему ситуацию в общих чертах, так как нельзя было терять времени. Я лично попросил у графа разрешения оседлать двух его лучших лошадей для побега князя и княгини. Я полагал, что всеобщее пьянство нам на руку и что лучше рискнуть, чем оставить князя и княгиню озверевшей толпе. Граф Ловский решительно отверг мой план: он был уверен, что нас всех поймают и убьют. Мы с товарищами вернулись в Байгору ни с чем. Я теперь все время думаю: должно быть, мы совершили непоправимую ошибку. Эта пьяная толпа была нам, по крайней мере, знакома и, наверно, не так опасна, как тот отряд ехавших с фронта вооруженных дезертиров, которые позже растерзали князя.

Бледный утренний свет проник в комнату, и Наталия внезапно проснулась. Было свежо, и она натянула на себя английский непромокаемый плащ. Вторым таким же плащом они занавесили

окно, чтобы укрыться от глаз толпы. Это Костя, дворецкий, вчера вечером ухитрился передать им корзину фруктов, воду и два плаща.

Адичка спал на полу у кровати. Наталия не решалась шевельнуться, боясь разбудить его. Эта ночь была ужасна. Мучительное ожидание взаперти, бесновавшаяся вокруг домика толпа; потом — нелепая пародия на суд, на который их притащили силой; невозможность как-либо защититься. Сколько это продолжалось? Наталия не знала. Не могла она понять и смысла всего этого балагана. Крестьяне издевались над ними, потом, словно игра им вдруг прискучила, спровадили обратно в домик. Она с содроганием вспомнила те долгие минуты, когда швыряли бутылки в дверь: звон бьющегося стекла и радостный рев мертвецки пьяных крестьян. Кончилось это, правда, так же внезапно, как и началось. «Мир обезумел!» — воскликнул Адичка, после чего опустился на колени и стал молиться.

Утренний свет, хоть и приглушенный плащом, уже освещал комнату. Тишина после ночного шума казалась странной. Можно было подумать, что все в округе спят непробудным сном. Наталия не слышала петухов, да и ранние птицы почему-то не спешили петь свои песни. Улетели они все,

что ли, из этих мест?

Адичка вдруг застонал во сне. Сдавленным рыданием словно прорвалось наружу безмерное и безутешное горе. Рука Наталии потянулась разбудить его нежной лаской. Но пальцы ее застыли в воздухе. Только теперь, при утреннем свете, она увидела нечто ошеломившее ее: короткая бородка мужа и его волосы стали совсем седыми. За одну ночь.

Выдержка из протокола Сорокинского волостного суда

Утром 15 августа ответственные лица, прибывшие из Галича, решили отправиться в поместье Байгора. Оставив взвод из тридцати трех солдат у церкви, подпоручик Воронов вместе с заместителем комиссара Зовским, представителями совета рабочих и солдатских депутатов и уездным уполномоченным по продовольствию отправились в школу, где содержались под арестом князь и княгиня Белгородские. По дороге они обнаружили, что винный погреб, в котором хранилось не меньше тысячи бутылок, был взломан и разграблен и что крестьянки занимаются мелкими покражами из господского дома. Толпа крестьян из соседних деревень собралась у школы. Когда

они увидели взвод солдат, поднялся ропот, все спрашивали: «Зачем здесь солдаты?» На что заместитель комиссара ответил: «Солдаты здесь, чтобы доглядывать за вами, иначе вы друг другу кишки выпустите». Затем к толпе обратился уездный уполномоченный по продовольствию и потребовал освободить князя и княгиню. Тогда крестьяне накинулись на уполномоченного с криками: «Арестовать его тоже!» Тем временем, поднятые набатом, к школе стекались и жители более дальних деревень, вооруженные кольями и вилами. Когда к ним вышел заместитель комиссара Зовский, вокруг школы поднялся крик: «Арестовать его! Убить его!» Зовский велел подпоручику Воронову принять необходимые меры, но тот, подойдя к взводу, обнаружил, что большая его часть дезертировала и присоединилась к толпе. Оставшийся без солдат Воронов, встав на табурет, попытался договориться с толпой. Снова раздались крики: «Убить его вместе с князем!» Когда же Воронову удалось наконец докричаться до толпы, прозвучали обвинения в адрес князя, задумавшего снести мост, и в адрес поручика Жержева, стрелявшего в воздух. После чего подпоручик Воронов предложил отправить князя на фронт, думая этим спасти его от распра-

вы, так как толпа в один голос кричала: «Убить его!» Предложение Воронова было поставлено на голосование и принято подавляющим большинством голосов, о чем составили протокол. Были избраны полномочные представители от окрестных деревень для препровождения князя под конвоем.

Показания подпоручика Воронова

Я думал, что спасу жизнь князю, заставив его отправиться на фронт. Возглавлял на протяжении долгого времени комитет по мобилизации, он нажил немало врагов. Многие семьи, потерявшие родных, почувствовали себя отмщенными, узнав, что князю придется воевать, как и всем мужчинам. Мой замысел состоял в том, чтобы отвезти его на Волосовский вокзал и запереть там до прибытия московского поезда. Я знал, что в Москве ему ничто не будет угрожать. Князю не в чем было себя упрекнуть, он лишь исполнял свой долг и неукоснительно следовал всевозможным предписаниям Временного правительства. Князь охотно согласился проследовать с нами под конвоем, однако не смог совладать со своим гневом, когда ему сказали, что жена его пока останется в усадьбе под арестом. Он сначала при-

казал нам, а потом стал умолять освободить ее. На моей памяти это был первый и единственный случай, когда его всем известное хладнокровие изменило ему. Нам пришлось силой выволочь его из учительского домика. По дороге на вокзал он выглядел совершенно убитым. Я сказал ему, что в Москве он будет в безопасности. Но его заботила только судьба жены, и он взял с меня обещание сделать все, что в моих силах, чтобы княгиня смогла как можно скорее приехать к нему в Москву. Он назвал мне имена верных крестьян и батраков, которые, если потребуется, помогли бы мне устроить ей побег. Назвал также своего друга, графа Николая Ловского, которому я должен был затем препоручить княгиню. Я обещал от чистого сердца. В Волосове я передал его с рук на руки начальнику вокзала, и тот запер его в своем кабинете на третьем этаже. «Не забудьте, вы обещали» — это были последние слова, которые он сказал мне. Вокзал охранялся солдатами, и я счел, что князю ничего не грозит.

У Наталии перед глазами стояло искаженное отчаянием лицо Адички, когда его силой тащили прочь от домика учителя. До последнего мгновения он шел, обернувшись к ней и не сводя с нее глаз. Она видела, как он спотыкался о битые

бутылки, слышала гогот и насмешки толпы. Что станется с ней, больше ее не волновало. Запрут ее или отпустят — все равно. Она перешагнула грань страха и усталости. Позже Наталия так и не смогла толком рассказать, как все произошло после ухода мужа. Она лишь запомнила, что после полудня за ней пришли, вывели ее из учительского домика и под конвоем препроводили в господский дом. Кроме полудюжины солдат да нескольких крестьянок, молча глядевших, как ее ведут домой, никого больше в парке не было. В прихожую, где поджидала ее Паша, она вошла одна. Паша что-то говорила ей, но Наталия не слушала: урожай слив, запасы муки и сахара — все это были вещи, ничего не значащие.

В столовой для нее было накрыто на обычном месте, и Костя стоял за ее стулом, ожидая, когда барыня соблаговолит сесть. Наталия отказалась есть, сославшись на усталость, но он принялся уговаривать ее. К чему было перечить ему? К чему тратить остаток сил на пустые споры? Наталия подчинилась. Напротив, по другую сторону стола, все так же стоял стул Адички, нелепо пустой. Наталия глянула на картины на стенах: сцены охоты, буколические пейзажи. Все они были на своих местах, висели ровно. На сервировочном

столике красовались в серебряной вазе фрукты — настоящие вперемешку с фарфоровыми, фаянсовыми, нефритовыми. Все было цело. Это казалось до того нереальным, что она забыла об обеде.

Костя во второй раз напомнил Наталии, что ей надо поесть. Он как мог старался ее приободрить. Утром он успел переговорить с подпоручиком Вороновым. Тот уже вернулся с Волосовского вокзала, где оставил князя под надежной охраной. Подпоручик был настроен оптимистично: в Москве князь будет в безопасности, а она, Наталия, скоро приедет к нему. Чтобы окончательно ее успокоить, Костя дал ей записку от Козетты Ловской — несколько строк, торопливо нацарапанных на обороте какого-то счета. «Ложись спать пораньше. Завтра мы придем за тобой чуть свет. Ты уедешь первым поездом в Москву, где тебя будет ждать твой муж».

Только после этого Наталия почувствовала, что медленно, постепенно возвращается в реальный мир. Все опять стало настоящим. Она ощутила вкус хлеба, речной рыбы, жареных грибов; увидела угасающий день за окном; услышала свист стрижей. Заметив, что в доме темно, она удивилась вслух. Костя зажег свечи в канделябре и

объяснил, что вчерашней ночью толпа разнесла электрогенератор. Наталия ничего на это не сказала. В Байгоре не стало электричества — ну и что с того? Главное — завтра она увидится с Адичкой. И она поблагодарила Костю за его спокойствие и рассудительность. «Дом я оставляю на тебя, — сказала она, вставая. — Я уверена, что так сделал бы мой муж».

В спальне она опять удивилась, на сей раз тому, что постель расстелена, шторы задернуты, на ночном столике стоит графин со свежей водой, а пеньюар и домашние тапочки лежат на своем обычном месте, на пуфе перед туалетным столиком. Бурные события последних суток ничего здесь не коснулись. Наталия сняла туфли на веревочной подошве и легла одетая под одеяло. Теперь, когда она ждала встречи с Адичкой, на нее навалилась усталость. Раздеться, принять ванну или хотя бы умыться было выше ее сил. Она тотчас провалилась в глубокий сон.

Среди ночи Паша без всяких церемоний разбудила Наталию. Властным голосом, чуть запыхавшись, она просила ее поторопиться. Наталия вскочила с кровати. В доме царила непроглядная тьма; выйти из комнаты, миновать коридор и спуститься по главной лестнице оказалось

непростым делом. Внизу их поджидал Костя с зажженной свечкой в руке. Рядом с ним стоял совсем молоденький солдат. Он объяснил: «Вам надо сейчас же бежать, сударыня. Переоденьтесь, а утренним поездом уедете в Москву. Вам лучше подождать у Ловских, там безопаснее». Наталия кивала, не задавая вопросов, пока Паша укутывала ее в накидку горничной. «Вас не должны узнать, когда мы выйдем, сударыня. Надвиньте капюшон так, чтобы лица не было видно. У заднего крыльца ждет двуколка. Ваш кучер запряг лошадей. Если бы не он, мы не смогли бы увезти вас. — Он обернулся к Паше: — Если нас остановят и спросят о чем-нибудь, отвечать будете вы». Его решительный и спокойный тон подействовал на Наталию. Она почувствовала в себе готовность следовать за этим солдатом, повиноваться ему, всецело положиться на него. Он был такой молоденький, такой трогательно юный. Сколько ему могло быть лет? Шестнадцать? Семнадцать? Голос у него был еще по-мальчишески ломким.

Следуя за огоньком свечи, они прошли через столовую в кухню. За окном Наталия увидела темные очертания двуколки и силуэт кучера на облучке — он уже держал в руках вожжи. Паша надела такую же накидку, как у нее. Обе жен-

щины пониже надвинули капюшоны, и Костя наконец отворил дверь.

Снаружи все было спокойно. Только огни там и сям говорили о присутствии людей. Но то были костры, у которых грелись крестьяне, а не разрушительное пламя. Видно, заходить в усадьбу никому теперь не возбранялось. Жабы, как всегда в эту летнюю пору, распевали вовсю.

Солдат бесшумно взобрался к кучеру на облучок, Паша села сзади. «Спаси вас Бог», — шепнул Костя, помогая Наталии сесть. Свечу он оставил в кухне, чтобы не привлекать внимания. Однако Наталия отчетливо увидела, как по лицу дворецкого, изборожденному морщинами, текут слезы. «Не убивайся так, — ласково сказала она. — Я скоро вернусь. Вместе с Адичкой». Но ее слова только пуще расстроили старика, и он ушел в кухню, рыдая в голос.

Лошади тронулись, стоило лишь кучеру негромко щелкнуть языком. До большой дороги ехали шагом. Только там можно было перейти на рысь, а потом и на галоп.

Дважды их останавливали. Солдат предъявлял фальшивый пропуск, который нельзя было отличить от настоящего. Наталия, закутавшись в накидку и спрятав лицо под капюшоном, при-

творялась крепко спящей. «Счастливого пути, товарищи!» — крикнул им вслед один крестьянин. «Доброй вам ночи!» — отозвалась Паша.

Копыта лошадей весело цокали по дороге. Легкий ветерок разогнал редкие облака, и небо мерцало мириадами звезд. Наталия смотрела на них в каком-то счастливом изумлении. Казалось, будто звезды светят ей, чтобы указать путь, будто говорят, что жизнь продолжается, где-то там, вдали от людского безумия. Она думала о Ксении и ее детях, которые были в безопасности в Ялте, и те же самые звезды светили им. Она сумеет убедить Адичку, что им необходимо уехать в Крым, где родные приютят их до лучших времен. Адичка, конечно, будет отказываться, а она — настаивать. Но в конце концов поступит так, как захочет он. Волнения и страхи, пережитые за эти дни, острое ощущение близкой и реальной опасности, непрочности окружающего ее мира — все это словно пробудило ее от сна. И впервые за время супружеской жизни Наталия искренне, всерьез и с радостью подумала о материнстве. Произвести на свет ребенка Адички — это вдруг показалось ей единственно возможным ответом тому, что она не могла назвать иначе как «людским безумием». Беда отступила, сама мысль о ней

растворилась в ночи. Эта летняя ночь, теплая, напоенная ароматами, о многом напоминала и многое обещала. Пальцы Наталии, лежавшие на коленях, играли начало пятой «Весенней» сонаты Бетховена, которую так любил Адичка и которую они исполняли вдвоем рождественским вечером на Фонтанке. Ей казалось, будто она слышит плач скрипки. Охваченная сладким блаженством, Наталия не замечала ни странного молчания, воцарившегося в двуколке, ни удрученного лица Паши. Ее спутники за всю дорогу не обменялись ни единым словом; когда же она решилась наконец поблагодарить их, то не поняла, почему они вдруг сконфузились и отвернули лица.

Но искаженное горем лицо Козетты Ловской, когда та открыла им дверь, подействовало на Наталию как удар электрического тока. Она не успела еще выкрикнуть имя мужа, как Козетта в слезах кинулась ей на шею. «Адичка умер», — проговорила она.

Выдержки из газет

«Вестник Воринки», 16 августа 1917

Волнения в поместье Байгора

Нам только что сообщили о серьезных волнениях в поместье князя Белгородского. Толпа из

пяти тысяч крестьян разорила имение. Помещик и его жена были захвачены бунтовщиками. Крестьяне разграбили винный погреб и перепились. В Байгору был послан военный отряд. Поместье князя Белгородского считается одним из самых передовых в области разведения элитного рогатого скота и рысистых лошадей. По этой причине оно уже давно находится под охраной губернских властей.

«Вестник Воринки», 17 августа 1917

Сегодня утром мы получили телеграммы от уездного комиссара города Галича. Он сообщает, что толпа, взяв под арест Владимира Белгородского, поставила условием его освобождения немедленную отправку на фронт. Князь принял это условие и был препровожден на вокзал города Волосова, чтобы оттуда отбыть в действующую армию. В это время через город проезжал военный эшелон. Когда состав остановился в Волосове, солдатня, узнав об аресте князя, принялась избивать его, и князь, после жесточайших мучений, был убит разъяренной толпой.

Из полученных позже телеграмм нам стало известно, что Байгора, одно из крупнейших поместий России, принадлежащее князю Белгородскому, почти полностью разорена. Солдаты,

которые по распоряжению губернских властей охраняли поместье князя Белгородского, играющее, как мы отмечали вчера, важную роль в развитии скотоводства, были избиты толпой и разбежались. Разорив поместье князя Белгородского, толпа, подстрекаемая солдатней и агитаторами, отправилась грабить соседние имения. В настоящее время толпа разоряет поместье графа Ловского.

Выдержка из протокола Сорокинского волостного суда, направленная генерал-прокурору в Москву

(*датировано 17 августа 1917 года*)

Вечером 15 августа на Волосовеком вокзале Юго-Восточной железной дороги помещик Галичского уезда (Воринская губерния) князь Владимир Белгородский был убит солдатами.

Как явствует из свидетельских показаний, собранных в ходе предварительного следствия, 14 августа в Байгоре, поместье вышеупомянутого Белгородского, имели место волнения, в результате которых крестьяне взяли Белгородского под арест, обвиняя его в уклонении от военной службы.

Чтобы пресечь волнения, из Галича был по-

слан отряд во главе с подпоручиком Вороновым. Последний, с конвоем из троих солдат и троих крестьян, избранных их товарищами, не доверявшими конвоирам, препроводил Белгородского в Волосово. Там Воронов препоручил Белгородского ответственному за охрану вокзала поручику Витебскому, который запер его в здании вокзала и приставил часовых.

В это время на вокзале остановился следующий на фронт эшелон, состоящий из двух войсковых частей, в том числе 152-го резервного пехотного полка. Когда среди солдат распространился слух об отправке князя на фронт, поднялся ропот: «К чему нам брать с собой на фронт пленного, лучше убить его сразу!» Переговоры ни к чему не привели, и толпа солдат, сметя часовых, охранявших арестованного, ворвалась в кабинет, где находился Белгородский, выволокла его оттуда и принялась зверски избивать. Его стащили по лестнице с третьего этажа на второй, а затем выбросили из окна на перрон вокзала, где он и был найден мертвым.

Вскрытие показало три ранения в сердце. Кроме того, челюсть и нос были сломаны, а лицо разбито. На теле обнаружены многочисленные следы побоев и раны от холодного оружия. Ребра

и кости таза раздроблены.

Первые лучи солнца внезапно осветили товарный вагон. Бледно-серый рассвет потеплел и окрасился розовым. Наталия приподнялась на локте и вгляделась в лицо мужа. Ей хотелось запомнить каждую его рану. Осмелиться посмотреть на него означало разделить его страдания, его смертные муки. Поэтому она и легла с ним рядом, поэтому приникла губами к его окровавленной руке, к раздробленному запястью. Если б можно было всей своей кожей, каждым сантиметром прильнуть к нему, она бы сделала это. Тело Адички, уже остывшее, не внушало ей страха. Ее тепла хватит, чтобы согреть их обоих.

Молоденький солдат — это он привел ее к вагону, куда второпях уложили тело Адички, — отвернулся: ему было неловко присутствовать при столь интимной сцене. Он видел то, чего, казалось, не видела молодая женщина: обезображенное лицо, чудовищно изувеченное тело. Солдат хотел было накрыть его своей шинелью. Но женщина не дала ему этого сделать. Он не понимал, как она может вот так лежать рядом с мужем, то и дело целуя его лицо, грудь, руки. Что-то животное было, на его взгляд, в таком поведении. Эта молодая женщина напомнила ему

суку. Но она была так прекрасна и трогательна, что он тотчас устыдился своих мыслей.

Откуда ему было знать, что перед ее глазами стояло живое лицо любимого человека, заслоняя эту маску, неузнаваемую от побоев. Наталия смотрела на мертвое тело и видела Адичку в разные моменты их недолгой супружеской жизни: вот Адичка просит ее стать его женой в тот зимний день, когда они катались на коньках по льду Невы; вот Адичка в Байгоре, показывает ей поместье и удивляется, что она не может отличить тополь от дуба; вот Адичка со скрипкой, играет Чайковского, так проникновенно, что и она начинает любить эту музыку, которую раньше считала «чересчур русской».

Наталия не теряла головы, не плакала. Она как будто вообще забыла, что такое слезы. В ней не осталось ничего, кроме ее любви. Мертвое тело, к которому она прижималась, было Адичкой, она знала это, но Адичка по-прежнему жил в ее собственном теле. Глаза ему закрыли, но она все еще чувствовала на себе серьезный, чуть встревоженный и бесконечно любящий взгляд мужа. Убитые лани были куда реальнее.

Солдат мягко, осторожно напомнил ей, что уже рассвело и ей нельзя здесь оставаться, он должен

отвести ее к Ловским, где она будет в безопасности, после чего он сделает все необходимое, чтобы перевезти тело ее мужа в Петроград. До конца своих дней Наталия не забыла человека, которого ласково называла «мой солдатик». Она всегда вспоминала его с нежностью и благодарностью. Это был юноша-социалист из Киева, проникшийся жалостью к несчастной женщине. Без его помощи она никогда не отыскала бы Адичку в лабиринте железнодорожных путей, на этом кладбище товарных вагонов.

Наталия в последний раз погладила лицо и шею Адички. Под коркой засохшей крови разглядела поседевшую бородку мужа, и сердце у нее сжалось. Потом она заметила, что на нем нет медальона с прядью ее волос. Ей вспомнилось, что она видела на нем этот медальон, когда его силой уводили от нее; и еще вспомнилось, что это был талисман, хранивший их — Мишу и Адичку. И тогда она почувствовала, как из самой глубины ее существа рвется вопль такой силы, что сейчас он разорвет ей грудь и она тоже умрет, прижавшись к телу мужа.

Детские голоса, тихие, шепчущие, остановили этот крик. Наталия обернулась и увидела у вагона стайку детей. Их было с десяток, мальчиков

и девочек, с ними пришли несколько матерей. Они держали в руках букеты цветов. Цветы были полевые, только что сорванные, еще влажные от росы. На всех лицах, обращенных к ней, она читала скорбь и сострадание. Одна из женщин протянула ей зажженную свечу. Затем перекрестилась и преклонила колени. Остальные последовали ее примеру, Наталия и молоденький солдат в вагоне тоже стали на колени.

«Только благодаря им я не лишилась рассудка», — скажет потом Наталия.

С Волосовского вокзала донесся стук колес первого поезда.

Стало быть, вот здесь, в Волосове, 15 августа 1917 года погиб Адичка Белгородский. Ровно семьдесят семь лет назад. День в день. Вокзал, построенный в конце прошлого века, «гордость нашей губернии», как пишет он в своем дневнике, мало изменился. Единственное здание из красного кирпича хорошо сохранилось. За стеклянной дверью видна лестница, ведущая наверх. В окнах второго этажа пышно цветут герани.

В одно из этих окон выбросили изувеченное тело Адички, об этот вот перрон оно разбилось. Следствие так и не установило, умер он до или после падения.

Итак, мое знакомство с этим уголком России начинается на том самом перроне, где оборвалась его жизнь. Выходя из московского поезда, я не была готова к такому резкому столкновению с историей. Василий Васильев тоже. А ведь мы о многом успели поговорить за время пути!

— Прошу вас, Мари… Нас встречают с цветами… Они почитают за честь принять прямого потомка Белгородских.

Василий Васильев по-дружески берет меня под руку и ведет к выходу. Четыре месяца переписки и почти пятнадцать часов в поезде сблизили нас. Тот документ, который он дал мне мартовским вечером в Париже, сделал свое дело: послужил приманкой. Прочитав «Книгу судеб», я захотела узнать больше. И даже попросила у Васильева разрешения присоединиться к нему, в каком-то смысле принять участие в его работе.

Вчера в этот час я была в самолете. Васильев встретил меня в московском аэропорту. Мы вместе пообедали и поехали на вокзал. В Волосове мы должны были оказаться через шесть часов, но поезд шел вдвое дольше. Сегодня в полночь тем же поездом мы поедем обратно, а затем я вернусь во Францию. Что же мы увидим? Что осталось от Байгоры?

Встречают нас четверо. Трое мужчин и женщина, представители местных властей. Им лет по сорок, все занимают какие-то должности в административном аппарате, ведают культурой. Позже Василий Васильев поймет, что один из мужчин был сотрудником госбезопасности, которого приставили следить за нами.

Женщину зовут Варвара. Светловолосая, ярко накрашенная, она настолько же общительна и разговорчива, насколько ее спутники чопорны и скупы на слова.

Это благодаря ей, ее поискам в архивах 1917 года, Васильеву удалось восстановить обстоятельства гибели Адички. Она же приготовила для нас программу на сегодняшний день: посещение краеведческого музея, затем прогулка по местам, где находилось имение Бай-гора. Под конец она, сияя улыбкой, сообщает, что обедать мы все приглашены в больницу, где главный врач даст банкет в нашу честь. А знаю ли я, что больница, основанная моим прапрапрадедом, до сих пор работает? И что она одна из лучших в области? Васильев переводит и подмигивает мне: дает понять, что все складывается наилучшим образом. «О, Мари… Вы увидите, что такое русское хлебосольство! Нас ждет настоящий пир!» — добавляет

он. День только начинается, и я не знаю, что найду и что вообще здесь ищу. Впрочем, не важно. Я послушно усаживаюсь на заднее сиденье старенького чешского микроавтобуса и — в путь!

Что за места мы проезжаем — я не понимаю. Где кончаются города, поселки? Где начинается сельская местность? Поля пшеницы и овса, фруктовые сады, редкие чахлые рощицы внезапно сменяются огромными, обшарпанными многоквартирными домами, построенными по одному образцу: квадрат с узким, как колодец, двором в середине. И снова пустоши, только кое-где виднеются заброшенные деревянные домишки. Василий Васильев рассказывает мне, как коммунистический режим принуждал крестьян выезжать из частных домов, чтобы тесниться сотнями в этих башнях. Но добавляет с оптимизмом: «Скоро все изменится. Уже начинают реставрировать церкви, отстраивать дома. Настанет день, когда эти концентрационные башни будут снесены».

Да, но где же леса?

Лес я видела на многих фотографиях. Вернее, его опушку. Темная стена елей, на фоне которой проходит стадо швейцарских красавиц коров. И

большой луг, где тренируют рысаков, об исключительных статях которых, о выигранных забегах и состязаниях напоминают медали, вывешенные напоказ. Что общего между Байгорой, богатым, изобильным поместьем, и этими пейзажами за окном микроавтобуса?

Выпив чаю и подкрепившись печеньем и сливами у гостеприимной хранительницы музея, мы идем осматривать ее владения, состоящие из двух комнат, где посетителям предлагают ознакомиться с недавним прошлым области. «Наш музей выполняет педагогическую миссию», — серьезно поясняет Варвара. Русские говорят между собой, я не понимаю их языка и тем временем рассматриваю фотографии на стендах.

Некоторые из них я узна**ю**. Они, видимо, сделаны в то же время, что и мои, из альбомов тети Елены. Другие, незнакомые мне, сняты за три месяца до гибели Адички.

На одной толпа крестьян размахивает флагами. Среди них — Наталия и Адичка, у них непринужденный вид, похоже, им весело. Окружающие их люди выглядят добродушными и дружелюбными.

На другой фотографии те же крестьяне торжественно несут Адичку на руках. Опираясь на

плечи здоровенного детины в русской рубахе, он улыбается, словно извиняясь за то, что его так чествуют. Но в глазах читается пристальное внимание ко всему, что происходит вокруг него.

Еще одна фотография: Наталия, окруженная детьми, принимает букеты цветов.

Васильев тоже смотрит на эти фотографии.

— Они были сняты первого мая семнадцатого года. Ничто еще не предвещало грозы. Но посмотрите — на тех, других, снимках совершенно иная атмосфера. Дело в том, что после революции началась другая жизнь, Мари!

Он показывает на второй стенд с фотографиями двадцатых, тридцатых, сороковых, пятидесятых и шестидесятых годов. Сплошные открытия памятников Ленину и Сталину, военные парады, спортивные соревнования, праздники урожая. Я не задерживаюсь у этого стенда, как, впрочем, и Васильев. Он снова смотрит на фотографию Наталии в окружении детей.

— Она до самого конца осталась очень похожей на ту молодую женщину, которой была когда-то… Я каждый день думаю о ней. Если б вы знали…

Он не договаривает и, видно смутившись, что позволил себе разоткровенничаться, покашливает и хмыкает. Музей, говорит он, не представляет

особого интереса, но из вежливости придется осмотреть его до конца. Это ненадолго.

Во второй комнате — она еще меньше — выставлены вещи: серебряный самовар прошлого века, две иконы, фарфоровые статуэтки, вышитая шаль, еще статуэтка — бюст девушки, и скрипка.

— Можете потрогать, — говорит мне Васильев. — Эти вещи уцелели после грабежей семнадцатого года, и теперь по ним судят о дореволюционной жизни. Как вы думаете, это скрипка Адички Белгородского?

— Да.

Моя догадка ни на чем не основана, мне просто хочется так думать. Скрипка была лучшим другом Адички. Мне кажется, что какая-то частица его впиталась в ее дерево, в струны. Я хотела бы украсть эту скрипку, увезти ее с собой во Францию. Забрать ее из этого патетичного и пыльного российского музейчика.

Василий Васильев видит мою задержавшуюся на скрипке руку и угадывает мои мысли.

— Хотите подать запрос о реституции? Эта практика только начинается, но у нее большое будущее! — Он ласково похлопывает меня по плечу: — Нет никаких доказательств, что именно эта скрипка принадлежала вашим родным. Русские

вообще очень музыкальны.

По его просьбе хранительница открывает застекленную витрину, запертую на ключ.

На куске потертого бархата лежат рядышком карманные часы, стопки чеканного серебра, прелестная миниатюра с заснеженным пейзажем, два веера, еще какие-то безделушки, черепаховые и из слоновой кости, и несколько ювелирных украшений.

Среди этих украшений одну вещицу я узнаю сразу. Точно такую же подарила мне Ксения, моя бабушка, когда мне исполнилось восемь лет.

И я вдруг вижу ее как живую — старенькую, больную, совсем одинокую среди своих кошек, собак и кроликов в скромном домишке в Сент-Женевьев-де-Буа. Жила она бедно, муж фактически ушел от нее к другой, но бабушка благодарила Бога за его милости.

Ксению, как и многих иммигрантов, жизнь не баловала. Но она никогда не плакалась и никогда не сожалела о том, что́ покинула в девятнадцатом году. Она была доброй, любящей и простой женщиной. Делала мне, в ту пору маленькой девочке, взрослые подарки, что не очень нравилось моей французской родне, более консервативной и гораздо менее поэтичной. Так я получила и этот

медальон с фамильным гербом Белгородских.

Микроавтобус катит теперь по ухабистой дороге. Василий и Варвара увлеченно о чем-то спорят. Время от времени кто-то из мужчин тоже вставляет слово. Тот, что сидит за рулем, то и дело цедит сквозь зубы какие-то слова, судя по всему, ругательства: действительно, машину нещадно трясет на рытвинах, и нас время от времени бросает друг на друга.

А я все думаю о бабушке Ксении, которую, увы, так мало знала и так плохо помню: она умерла через несколько месяцев после того, как подарила мне медальон. Я много бы дала, чтобы повернуть время вспять: я пришла бы к ней, примостилась бы у ее колен и сказала бы: «Расскажи мне, как вы бежали из Петрограда… Расскажи про Ялту, где вы жили сначала… Про корабль, который увез вас в Европу. Расскажи, как вам жилось на Мальте… в Лондоне… в Париже… Как вы искали место, где можно было бы начать все заново… Расскажи, каково это — быть выброшенными из одного мира в другой».

Я вспоминаю, как бабушка Ксения в тот день раскрыла мою детскую ладошку, положила на нее медальон и сжала пальцы. И прозвучали загадочные слова, которые стали понятны мне

только теперь, в 1994 году. Ксения сказала: «Этот медальон хранил твоего деда на войне. Его подарила ему Наталия… с прядью своих волос». И я услышала похожую на сказку историю про молоденькую женщину, у которой были такие прекрасные волосы, что она не побоялась остричь их накануне своей свадьбы…

Стало быть, медальонов было два и в них две пряди волос. Один носил мой дед Миша, а другой — его старший брат Адичка.

Медальон без цепочки в музейной витрине — Адичкин. Наверно, его сорвали у него с шеи в Волосове. До или после того, как Адичку растерзали? В судебном протоколе никакие драгоценности не упомянуты.

— Судя по всему, мы находимся приблизительно на землях Байгоры, — сообщает мне Василий, закончив долгий спор с Варварой.

— «Приблизительно»?

— Варвара объяснила мне, что сегодня практически невозможно определить границы этого огромного поместья. Все так быстро поделили и разрушили…

Микроавтобус отважно штурмует пригорки, переезжает речку. Растительность здесь не сказать чтобы буйная, но получше. Зеленее и более

ухоженная. Луга и поля не все в запустении, кое-где попадаются рощи.

На очередном вираже нас опять бросает друг на друга. Микроавтобус сворачивает с дороги на каменистый проселок, едет еще километра два-три и останавливается.

— Варвара просит предупредить вас: вы увидите не совсем то, что было здесь при ваших родных.

Это верно.

Представшие перед нами развалины ничем не напоминают изящную белую церковь, сфотографированную в последний раз летом 1916 года. Нет больше трех куполов-луковок с золочеными крестами, кровля держится непонятно на чем. И все же остатки церковных стен видны над высокой травой и разбросанными камнями.

Мы молча обходим развалины. Земля здесь скользкая от прошедших накануне дождей, отлогий склон спускается к фруктовому саду, где играют дети. За ним — какие-то дома явно недавней постройки. Василий показывает на них Варваре и переводит мне ее слова:

— Это, надо полагать, новая школа. Та, что была построена вашим прапрапрадедом, сгорела в восьмидесятые годы. Как и домик учителя, в

котором когда-то заперли Наталию и Адичку. На их месте, кажется, теперь будет молочная ферма.

Дети заметили нас и уже тут как тут. За ними — несколько взрослых. Нас быстро окружают тесным кольцом, задают вопросы. Вскоре между ними, Варварой и ее спутниками завязывается спор. Василий берет меня под руку.

— Пусть себе выясняют отношения, а мы посмотрим церковь поближе.

В бывшей церкви свален всевозможный мусор, дрова на зиму, мешки с цементом, куча камней и металлолома. Все плиты, покрывавшие пол, выломаны. Под ними выросла трава. Ее щиплют куры; своим приходом мы спугнули их, и они разбегаются. За ними снимаются вороны. Большие черно-серые вороны, которые гнездятся под полуобвалившейся крышей. Мое внимание привлекает какая-то яма в полу. Яма и остатки ступенек.

Эти ступеньки — начало каменной лестницы, которую мы не можем толком рассмотреть из-за полумрака. Василий светит огоньком своей зажигалки, и мы видим усыпальницу. Ту самую, в которой семья Белгородских похоронила Игоря в мае 1917 года.

Варвара, трое ее спутников и еще какие-то

люди тем временем бесшумно вошли в церковь. Дождавшись, когда мы поднимемся, они начинают говорить. Очень быстро и все разом. Василий переводит мне в общих чертах.

— Местные жители подтверждают, что в усыпальнице находятся два гроба. По всей вероятности, Игоря и его отца. Но после каждого половодья в усыпальнице прибывает воды. Сейчас уровень — сантиметров десять. Нам запрещают спускаться туда.

Я думаю о Наталии, о ее кошмарном сне в первую ночь в Байгоре. Ей приснилось то, что я вижу сейчас: разрушенная церковь посреди бескрайней пустоши, два всеми забытых гроба в затопленной усыпальнице. Ее это был кошмар или мой? С тех пор как я прочла «Книгу судеб», я столько думала о ней и об Адичке, что уже не вполне разграничиваю, что я знаю о них, а что домысливаю, где чьи-то воспоминания, а где моя фантазия. Вот останки Игоря вполне реальны, они здесь, совсем рядом. Но как ни парадоксально, это и есть самое нереальное для меня. Что сталось с его детьми, с его женой Екатериной? Она ждала ребенка, но я даже не знаю, кто у нее родился — мальчик или девочка.

Мы выходим, и я в последний раз оборачи-

ваюсь, чтобы посмотреть на церковь, которую снова облепили вороны. Они вовсе не тощие и не голодные, а, наоборот, жирные, раскормленные. Вокруг — почти что запустение, но деревья все же растут, и трава зеленеет. Стайка вполне живых ребятишек бежит за нами, следом идут взрослые. Среди них есть и старики в таких летах, что нетрудно представить их свидетелями августовских событий 1917 года. Свидетелями или действующими лицами? Василий оставляет меня, чтобы поговорить с ними. Я догадываюсь, о чем он их спросит. Что они знают об убийстве Владимира Белгородского? Где находятся развалины усадьбы?

Я решаю передохнуть и сажусь на траву в саду под деревом. Чуть подальше проселок между двумя рядами тополей ведет к речке. Та ли это речка, в которой Наталия купалась с Козеттой, женой Николая Ловского? А что сталось с Козеттой? Ее поместье было разграблено сразу после Байгоры. Николай, ее муж, ушел в Белую армию. Он погиб в Крыму, в сражении за Перекоп, когда красные наголову разбили белых. Тело его похоронено с сотнями других в братской могиле. Николаю Ловскому было двадцать четыре года.

Мне вдруг чудится, что я вижу его: он косит

траву вместе с Адичкой. Оба голые до пояса, подшучивают друг над другом, неумело управляясь с косами. Если бы не забастовка садовников, они бы никогда не взялись за крестьянскую работу. Для них это забава, короткая передышка. Наталия с Козеттой купаются чуть ниже по реке, на излучине. Выйдя из воды, они нарвут цветов и сядут плести венки в тени деревьев. Жарко. Почти так же жарко, как сегодня. Смех двух молодых женщин доносится до меня, такой звонкий, такой юный.

Нет, это не Козетта с Наталией смеются под деревьями, это группка маленьких девочек, в которых мое молчание и мой серьезный вид, судя по всему, возбуждают любопытство. Очень быстро они обступают меня. Одна, набравшись смелости, протягивает мне сливу. Мальчики подойти опасаются и наблюдают за нами, держась поодаль. Я вытряхиваю из карманов и рюкзака все, что осталось после поезда: жвачку, конфеты, шоколадки. Мальчики тотчас присоединяются к компании.

— Когда вы закончите с вашим фан-клубом…

Василий Васильев подходит к нам мрачнее тучи.

— Что-то не получается найти общий язык с

местными жителями. Мне ничего не удалось выяснить. Старики утверждают, что знать ничего не знают об убийстве Адички Белгородского… Их там не было, они ничего не видели… Те, что помоложе, подтверждают… И все уверяют, что понятия не имеют ни о какой усадьбе, даже разрушенной… Лгут, конечно! Но почему? Чего они боятся семьдесят семь лет спустя? Что Адичкины потомки явятся мстить за него? Я думал их растрогать, рассказал им, кто вы, сказал, что вы приехали из Франции… Молчат, и все тут!

Русские между тем уже спорят на повышенных тонах. Три чиновника чего-то добиваются от местных жителей, а те отнекиваются. Враждебность становится прямо-таки осязаемой. Затем, будто по команде, все умолкают. Упрямо набычившись, молчат даже дети. С одной стороны мы, с другой — сотня проглотивших языки. И довольно долго слышно только злобное карканье ворон, которые кружат вокруг развалин церкви, потревоженные затянувшимся сборищем.

«Обойдемся без них», — решил наконец Василий. Он считает, что надо идти и через километр-два, может чуть побольше, мы непременно наткнемся на еще какие-нибудь развалины: усадьбы, флигелей, коровников или конюшен.

Несколько детей пошли за нами, держась на почтительном расстоянии.

Мы долго шагали через поля, но песчаные проселки, ухабистые, порой изрытые глубокими колеями, так никуда нас и не привели. Мы шли через рощи, вдоль реки. Несколько раз возвращались назад. И не нашли никаких следов, ни малейших признаков былых построек. Впору поверить, что местные жители правы и Байгоры никогда не было на свете. На западе солнце уже клонится к закату. Дети очень скоро уморились и отстали от нас.

— Варвара считает, что мы ничего не найдем, — говорит наконец Василий. — Некоторое время назад местные власти решили все здесь расчистить от развалин. Варвара сказала, что это сделано из эстетических соображений.

— Из эстетических?

Я смотрю на Варвару. Она вдруг отчего-то смущается и отворачивается. Василий улыбается кривой и не слишком дружелюбной улыбкой.

— Удобно, ничего не скажешь, уничтожать следы прошлого, прикрываясь эстетическими соображениями. Еще одно поколение — и свидетелей великолепия Байгоры совсем не останется и некому будет вспомнить, как ее сровняли с

землей. Варвара права: мы ничего не найдем. Поедемте лучше в больницу и зальем горе водкой!

Я вижу, что он пал духом, понимаю, как ему хочется махнуть рукой на эту глухомань, которая ничего больше ему не откроет. Сама я еще надеюсь, чуть-чуть. Но ведь я приехала из такой дали.

— Мы можем найти хотя бы место, где стоял дом.

— Если ничего не осталось от фундамента, если нет даже развалин, как искать? По каким приметам?

Я напоминаю ему, как Адичка любил деревья: вокруг дома были посажены редкостные породы, составлявшие предмет всеобщего восхищения. Если мы отыщем место с необычной растительностью, то хотя бы будем знать, где стоял тот увитый зеленью кирпичный дом. Я вспоминаю большой дуб, что рос у самого дома, на краю луга.

— Уж его-то никак не могли уничтожить!

Василий смотрит на меня с жалостью:

— Мари, дорогая Мари, вы как с другой планеты! Здесь же не осталось ничего святого! Деревья-великаны, которые троим было не обхватить, срубили и пустили на дрова! Помните, какие огромные леса окружали Байгору? Посмотрите

вокруг: ничего не стало!

Наши спутники выразительно поглядывают на часы. Варвара совсем выбилась из сил. Я, кажется, даже понимаю, что она говорит Василию: напоминает, что скоро стемнеет. Василий с минуту раздумывает и, переговорив с ними, обращается ко мне:

— Они говорят, что пора ехать, нас ждет главный врач. Если вы не забыли, он дает банкет в вашу честь в больнице, которая является детищем вашего прапрапрадеда и отнюдь не разрушена, наоборот. Я сказал им, чтобы возвращались к микроавтобусу и подождали нас там. Возможно, вы правы, и, если внимательно смотреть на растительность… Мы поищем еще немного… Идите вперед, я пять минут передохну и догоню вас. У меня опять разболелась моя злополучная нога… Кто же знал, что придется столько бродить! Ну почему я не взял с собой палку? Ступайте, Мари, не теряйте времени. Держите курс на запад, прямо на заходящее солнце!

Небо на западе заалело. Я смотрю на маленькие розовые облачка, и мне вспоминается фраза из дневника Адички: «Кончаются облачные дни». Я пытаюсь представить зеленый луг на месте этой иссохшей, каменистой земли. Ищу глаза-

ми высокие деревья как уцелевших свидетелей прошлого. Кое-где попадаются купы каштанов, заросли акации и орешника, дубки, липы, тополя. Но все это молодые деревца и вовсе не редких пород. Они выросли случайно, занесенные ветром, сами по себе. Как все обыкновенно, до ужаса обыкновенно… Кто бы мог поверить, что когда-то здесь простирались земли одного из самых богатых и передовых российских поместий? Можно еще представить, что разрушили дом, конный завод. Но чтобы вырубили под корень всю растительность?

Подоспевший Василий Васильев пытается мне что-то объяснить:

— Когда большевики пришли к власти, то парки в крупных поместьях постепенно полностью вырубали. Все происходило по одной и той же схеме: поместье захватывают, затем грабят, затем разрушают и, наконец, вырубают деревья.

Мы смотрим на солнце, исчезающее за горизонтом. Время от времени слышны крики птиц. Единственные признаки жизни. Василий ласково берет меня под руку. Видно, что он искренне огорчен.

— Я думал найти хоть что-то от Байгоры. Вечный мой чертов оптимизм… Я и представить себе

не мог, что вас ждет здесь такая картина… как будто и не было ничего…

Чтобы заставить его улыбнуться, я декламирую:

— «До основанья, а затем…»[3] Только теперь я понимаю, что это значит. Хотя бы ради этого стоило приехать.

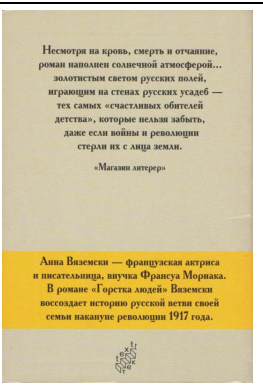
Сумерки размывают поля и рощицы, когда мы идем назад. Скоро стемнеет, и мы не увидим больше эту глушь, покинутую людьми. На сердце у меня и у Василия одинаково тяжело.

И вдруг высокий, сильный голос взмывает в тишине. Звучное пение на одной ноте повторяется несколько раз, и десятки других голосов подхватывают его. Это жабы и лягушки от души залились своими ночными трелями.

---

[3] Примечания: 3

В каноническом французском тексте «Интернационала» русскому «мир насилья» соответствует «прошлое», что больше подходит к данному контексту.


Несмотря на кровь, смерть и отчаяние,
роман наполнен солнечной атмосферой...
золотистым светом русских полей,
играющим на стенах русских усадеб —
тех самых «счастливых обителей
детства», которые нельзя забыть,
даже если войны и революции
стерли их с лица земли.
«Магазин литерер»
Анна Виземски — французская актриса
и писательница, внучка Франсуа Мориака.
В романе «Горстка людей» Виземски
воссоздает историю русской ветви своей
семьи накануне революции 1917 года.

Следом за Василием Васильевым я шагаю через поле. Мы идем на голоса, они все ближе, их все больше… И чем дальше, тем пышней растительность: меньше камней, трава гуще, светлый песок. Жабы и лягушки так и прыгают из-под ног во все стороны, когда мы подходим к маленькому заросшему озерцу, которого не было видно за плакучими ивами. Мы, наверно, не раз проходили мимо и не заметили, не догадались…

— Знаменитые жабы Байгоры! — радуется Василий. — Вот кто выжил-то, чертяки!

Мы садимся в траву у самой воды, тихонько, стараясь не распугать их. Жабы и лягушки быстро успокоились и снова распевают вовсю. Эхо разносит их голоса, жизнерадостные, ликующие, и мне становится понятно, почему так изумилась Наталия, впервые услышав их в мае 1916 года.

— Я уверен, что мы находимся на берегу того самого пруда, где ваши родные катались на лодке, — шепчет мне Василий.

— Пруд? Это болото?

Все так же шепотом он делится своей догадкой: пруд пересох, зато трава и деревья вокруг, в отличие от тех мест, по которым мы ходили, буйно разрослись. Он говорит что-то о климатических условиях средней полосы России, об

истощении почвы, об испарении воды. Но я его уже не слушаю.

Крестьянин по имени Ваня толкал лодку в окружении детворы. Он умер от разрыва сердца где-то вот здесь, в траве. Те дети выросли за границей, на чужбине. Они стали французами, англичанами, американцами. Большинство из них в Россию так и не вернулись.

Сладковатый запах трав смешивается с ароматом дикой мяты. Серебристые листочки ив трепещут в сумраке. Одна за другой загораются звезды: начинается дивная, чудесная летняя ночь.

Четверо молодых людей были здесь августовской ночью 1916 года, в точности такой же, как эта. Три брата и жена одного из них. Им хотелось провести беззаботно хотя бы один этот вечер. Война, смута, тысячи погибших на время забылись. Если об этом и думали, то вслух никто не говорил. Им хотелось просто жить, и еще — они берегли друг друга. Поэтому старший брат так тщательно скрывал свои мысли. Задолго до остальных он предчувствовал грядущие катастрофы и понимал, что надо все менять, начиная с себя. Его жена и братья вторили жабам, а он думал о неминуемом крушении мира — их мира. Но один взгляд

жены, одна-единственная ее улыбка — и страх тотчас рассеивался. Знавшие их люди — те, что выжили, — будут потом вспоминать: «Эти двое любили друг друга».

Адичка и Наталия Белгородские. А что, если их тени здесь и хотят открыть нам тайну? Передать нам что-то еще, то, что важнее скрипки и разрушенной церкви?

Сквозь оглушительный лягушачий концерт до нас доносятся чьи-то крики. Крики? Да это же нас зовут.

Сколько времени мы просидели здесь в молчании, погруженные каждый в свои грезы, в свои думы? Поднявшись, мы видим движущиеся в темноте огоньки. Где-то в километре от нас медленно, осторожно едет микроавтобус с зажженными фарами. Наши спутники ищут нас, волнуются. Теперь мне почти хочется побежать им навстречу. Василий напоследок удерживает меня за локоть:

— Адичка Белгородский был первым помещиком, которого убили вот таким зверским образом, а Байгора — первым разрушенным поместьем. Потом это, увы, случилось во всей России. Всегда было одно и то же. То, что пережила ваша семья, пережили и многие, многие другие. Знаете, какие

слова приписывают Ленину? «Разрушайте гнезда, чтобы птицы не вернулись». А вы вернетесь сюда когда-нибудь, Мари? Построите новое гнездо?

— Нет.

От Байгоры действительно ничего не осталось. Но и места, и люди существуют, пока кто-то думает о них. Какая-то частица их, прежних, еще трепещет жизнью, и это делает их загадочным образом близкими мне. Благодаря «Книге судеб».

Я с признательностью вспоминаю Пашу. Эта женщина, за всю свою жизнь ни разу не покидавшая Байгору, отправилась в разгар Гражданской войны через всю Россию к Белгородским в Ялту, в Крым. Откуда она узнала, что семья уезжает на чужбину? Некому теперь ответить на этот вопрос. Дневник она нашла в разоренном кабинете Адички. Растащили все, что было можно. Но никто не позарился на скромную тетрадь в коленкоровой обложке. Паша знала, что в ней — все, что осталось от Адички, и, наверно, почувствовала необходимость как можно скорее передать ее в руки Наталии.

Если бы не она, если бы не ее мужество, я так и не узнала бы ничего о них, о горстке людей, брошенных вместе со многими и многими другими в водоворот истории, — о моей семье.

Об Анне Вяземски

Роман «Горстка людей» — первое знакомство русского читателя с прозой Анны Вяземски, однако ее имя наверняка знакомо многим, по крайней мере любителям кино. И в самом деле, у этой француженки с русской фамилией за плечами — блестящая актерская карьера, и на ее творческом счету куда больше ролей, сыгранных в кино (около двадцати) и в театре (двенадцать), чем вышедших книг (шесть).

Свою карьеру в кино Анна Вяземски начала рано. Известный режиссер Робер Брессон, любивший работать с непрофессионалами, заметил семнадцатилетнюю девушку и предложил ей роль в своем фильме «Случайно, Бальтазар». Тогда же произошла встреча, сыгравшая еще более важную роль в судьбе Анны Вяземски, — с легендой французского кино Жан-Люком Годаром, который снял ее в главной роли в фильме «Китаянка» и женился на ней. Брак их через некоторое время распался, однако именно благодаря Годару Анна Вяземски состоялась как актриса. Она сыграла еще в трех его фильмах — «Уикэнд», «Один плюс один», «Ветер с востока», снималась у таких прославленных мастеров, как

Пазолини («Теорема», «Свинарник»), Феррери («Семя человеческое»), успешно выступала и на театральных подмостках.

Однако, по собственному признанию Анны Вяземски, она, хотя с детства мечтала стать актрисой, в глубине души всегда чувствовала и другое призвание — писательское. Это и неудивительно: ведь ее родным дедом (по материнской линии) был великий французский писатель, нобелевский лауреат Франсуа Мориак. Еще девочкой Анна любила сочинять истории, которые ее бабушка, отвлекшись ненадолго от рукописей мужа, перепечатывала на машинке. Уже будучи актрисой, в промежутках между съемками, во время «простоев» она стала писать рассказы, и однажды ее друг, сценарист Жак Фиеши, посоветовал ей показать их издателю. Так появилась первая книга Анны Вяземски — «Воспитанные девочки». «Я не принимала решения стать писательницей и бросить театр, — признается Анна Вяземски. — Все произошло как-то само собой, постепенно».

Все романы Анны Вяземски в той или иной мере автобиографичны. Она писала о своем детстве («Мариме»), о первых шагах в мире театра («Клыки»), о сложных отношениях отца и матери

(«Гимны любви»). В романе «Горстка людей» писательница впервые обратилась к русской ветви своей семьи. Ее отец, потомок старинного княжеского рода Вяземских, родился в России, но России не знал: он был еще ребенком в 1918 году, когда его родители, подобно многим соотечественникам, покинули родину, и, как оказалось, навсегда. Впрочем, нет нужды рассказывать историю семьи Вяземских: она в точности воспроизведена в романе, и не приходится сомневаться, что под рассказчицей Мари Белгородски автор подразумевает себя. Действительно, несколько лет назад писательница, поддавшись на уговоры дальнего родственника, рассказавшего много нового о семье Вяземских, совершила вместе с ним «паломничество к истокам», и в России ее, как и героиню книги, постигло разочарование: от родового имения Лотарева ничего не осталось. Прошлое, о котором француженка Анна Вяземски никогда прежде не задумывалась и к которому впервые захотела прикоснуться, сгинуло безвозвратно, и следы его стерты с лица земли «из эстетических соображений». Но «и места, и люди существуют, пока кто-то думает о них», полагает писательница. И не стоит считать роман Анны Вяземски историческим произведением и

пытаться отыскать в нем подлинную «Россию, которую мы потеряли». Канувший в Лету мир Анна Вяземски воссоздала в своем воображении. Ее Байгору не найти на географической карте. Но «горстка людей», о которой она так мало знала, ожила и обрела реальные черты под ее пером.